ПОЛКОВОДЕЦ СТАЛИН

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕТЕРАНЫ О ПОБЕДЕ

Победа в Великой Отечественной войне была обеспечена беспримерным массовым героизмом миллионов советских людей -- солдат и офицеров, генералов и маршалов, партизан и подпольщиков, тружеников тыла -- всего нашего народа, вставшего на защиту Родины. Титанические коллективные усилия миллионов людей, готовых пожертвовать собой во имя великой цели, стали залогом победы. А чтобы ее завоевать, необходимо было каждому на своем месте, во фронтовом окопе и в ставке Верховного Главнокомандующего, у станка и в поле делать все, что в его силах во имя великой общей цели.

О том, как была завоевана эта победа, написано много честных книг, из которых наши благодарные потомки будут узнавать о подвиге поколения, отстоявшего свободу, независимость и честь Отчизны, спасшего от нацистского порабощения все человечество. В центре внимания тех, кто пишет о войне, находится советский солдат, ибо именно он -- главный ее герой, Но при этом едва ли можно считать правомерным тот факт, что число исследований, посвященных деятельности Ставки Верховного Главнокомандования остается весьма скромным. Задача специалистов-историков состоит в том, чтобы показать войну на всех ее уровнях. И лишь при этом условии общая картина события будет достаточно полной, а значит и правдивой.

К сожалению, радость знакомства с хорошими книгами в последнее годы нет-нет да и омрачается появлением на книжном рынке антинаучных, лживых поделок. Поощряемые антинародными силами, фальсификаторы истории нагло искажают суть событий военного времени, бросая тень на героические подвиги их активных участников. И, как правило, чаще всего таким искажениям подвергается деятельность Ставки Верховного Главнокомандования.

Наиболее ожесточенным нападкам подвергается И.В.Сталин как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Советского Союза. Для этого фальсификаторы не жалеют черной краски, прибегая к самым подлым методам. При этом они отнюдь не оригинальны. Именно этим занимались в годы войны гитлеровские пропагандисты. Сейчас вновь предпринимаются попытки всячески принизить советское военное искусство, полководческое мастерство военачальников, героизм воинов советских Вооруженных Сил и самоотверженность тружеников тыла. Там, где очевидна бессмысленность отрицания бесспорных успехов советских людей на фронте и в тылу, прибегают к избитому приему: утверждают, что победа в войне стала возможна не благодаря, а вопреки руководству И.В.Сталина. По существу, все это есть не что иное, как попытка развенчать подвиги лучших сынов и дочерей нашего народа, вставших на защиту Отечества и обеспечивших победу.

Хорошо известно, что самым эффективным оружием против лжи является правда. В науке она добывается кропотливым трудом ученых. Долг профессиональных историков -- представить читателям правдивые, тщательно выверенные факты и тем самым помочь им сделать правильные выводы. Именно такую роль выполняет настоящая книга, написанная двумя активными участниками Великой Отечественной войны. Авторы не ставят перед собою задачи искусственного возвеличения И.В.Сталина, ибо хорошо понимают бессмысленность подобных попыток. Они задались целью найти правдивые ответы на вопросы: способствовал или препятствовал И.В.Сталин как полководец достижению Победы? Благодаря или вопреки ему советский народ выиграл Великую Отечественную воину? Каждый непредвзятый читатель, познакомившись с данной книгой, получит в свое распоряжение факты, которые со всей убедительностью свидетельствуют о выдающемся вкладе И.В.Сталина в завоевание Великой Победы народа в самой страшной в истории человечества войне.

Действительный член Российской Академии Наук
Ю.С.Кукушкин

Поклонимся великим тем годам:
Тем славным командирам и бойцам.
И маршалам страны, и рядовым,
Поклонимся и мертвым, и живым --
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья.
Всем миром, всем народом, всей землей
Поклонимся за тот великий бой!

КАК ФАЛЬСИФИЦИРУЕТСЯ ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии 1941-1945 годов занимает исключительное по важности место в нашей тысячелетней истории, В ходе войны советский народ совершил подвиг, равный которому трудно найти в мировой истории. Наша победа в этой войне показала, какие богатырские силы хранятся в народных глубинах, с какой несокрушимой волей, с каким самопожертвованием он способен защищать свою Родину, какая великая роль принадлежала в этом подвиге Коммунистической партии, Советскому правительству, социалистическому строю. Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне будет служить мощной духовной опорой многим поколениям, вселять уверенность в своих силах на самых крутых и суровых поворотах в их исторической судьбе.

И не случайно усилия врагов нашего Отечества направлены на разрушение этой нравственной опоры народа, на то, чтобы дегероизировать, принизить подвиг солдат, генералов и маршалов Великой Армии, партизан, тружеников тыла.

Кампания лжи и клеветы на Советскую Армию была развернута в зарубежных странах еще в ходе второй мировой войны -- в ходе освобождения советской территории от немецко-фашистских захватчиков, в ходе великого освободительного похода Советской Армии по избавлению народов Европы и Азии от гитлеровского рабства и устремлений японских милитаристов. Эта кампания особенно расцвела в годы "холодной войны".

Развенчание Великой Победы в Отечественной войне 1941-1945 годов практически началось с того, чтобы превратить И.В.Сталина, столь много сделавшего для Победы, для своей Родины и для человечества, в чудовище, в пугало для многих поколений людей. Через критику И.В.Сталина был проложен путь к критике партии, к развенчанию достижений Советской власти и нашей победы в Великой Отечественной войне. Все перечеркивающая критика Сталина была **первым этапом** и вместе с тем **важнейшим средством** борьбы против социализма. Через критику Сталина как Верховного Главнокомандующего шел путь к тотальной критике Великой Отечественной войны. Последователи этой линии двигались дальше по этому пути, все больше опошляя великий народный подвиг. На наших глазах развертывается беспрецедентное явление. Мощные средства пропагандистского аппарата государства развернули широкую кампанию клеветы, унижения армии, совершивший великий подвиг спасения Родины и человечества от гибели и варварства.

И.В.Сталин по возвращении с Тегеранской конференции в 1943 году, как вспоминал Главный маршал авиации А.Е.Голованов, говорил: "Я знаю, что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет" (Полководцы. М., 1995, с.31).

Уместно вспомнить и рассказ знаменитой революционерки, посла СССР в Швеции Александры Михайловны Коллонтай. В ее архиве, как свидетельствует профессор М.И.Труш, сохранилась запись беседы со Сталиным в ноябре 1939 года, т.е. накануне советско-финляндской войны. "Многие дела нашей партии и народа, -- говорил Сталин, -- будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже. Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут множество злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться. Сила СССР -- в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы еще не все сделали. Здесь еще большое поле работы.

С особой силой поднимет голову национализм. Он на какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, только на какое-то время. Возникнут национальные группы внутри наций и. конфликты. Появится много вождей-пигмеев, предателей внутри своих наций.

В целом в будущем развитие пойдет более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело идет к тому, что особенно взбудоражится Восток. Возникнут острые противоречия с Западом.

И все же, как бы ни развивались события, но пройдет время, и взоры новых поколений будут обращены к делам и победам нашего социалистического Отечества. Год за годом будут приходить новые поколения. Они вновь подымут знамя своих отцов и дедов и отдадут нам должное сполна.

Свое будущее они будут строить на нашем прошлом" (Цит. по ст. Р.Косолапова "Какая же она, правда о Сталине?". "Правда", 1998, №55, 2-4 июня).

Проблема "Сталин в годы Великой Отечественной войны" актуальна и принципиальна в современных условиях. Развенчание Сталина как Верховного Главнокомандующего стало одним из главнейших приемов в кампании очернительства Великой Отечественной войны, подвига советского народа и его Армии, подвига партизан и тружеников тыла.

Не распутав этого клубка лжи, невозможно восстановить правду о важнейшем этапе в истории Советского государства и всемирной истории -- о героической и драматической борьбе Советского Союза против фашистской Германии и ее сателлитов, против японских милитаристов.

Необходимо вернуть народу совершенный им подвиг, вернуть уверенность в своих силах, веру в способность совершить великое дело спасения Родины. Идет напряженный бой за историческую правду, за саму историю нашей страны.

Была Отечественная война 1812 года. Самоотверженность в защите Родины проявил в ней народ, армия и ее прославленные полководцы. Прошли многие десятилетия, и благодарные потомки с уважением вспоминают об их подвиге. И не нашлось почти за два столетия людей, которые бы поносили их дела, их служение Отечеству. Почетом и славой окружен подвиг народа, армии и ее военных вождей. Иное дело теперь, То, что творится с описанием Великой Отечественной войны во многих изданиях, на телевидении и радио, не имеет прецедента и несет страшные последствия для сокрушения самих основ нравственных сил народа, его патриотизма.

Одно из главных мест в походе против Великой Отечественной войны занимает мощная пропагандистская кампания по дискредитации И.В.Сталина как Верховного Главнокомандующего. Особая роль в ее развертывании принадлежит Н.С.Хрущеву. В организованной им борьбе против "культа личности" значительная часть усилий была сконцентрирована на тотальной критике деятельности Сталина в годы войны. На XX съезде партии Хрущев в докладе "О культе личности и его последствиях" откровенно заявил, что задача развенчания Сталина как Верховного Главнокомандующего "имеет огромное, не только историческое, но прежде всего политическое, воспитательное, практическое значение" ("Известия ЦК КПСС". 1989, №3, с.46).

Преследовалась подлая цель -- через унижение и развенчание Верховного Главнокомандующего оклеветать самоотверженное служение Родине миллионов советских людей в солдатских шинелях и рабочих спецовках. Больше того. Ложь и клевета на И.В.Сталина и сталинское время советский эпохи были, в сущности, глумлением над коммунистическими идеалами, над историей советского социалистического общества. Развязанная Хрущевым антисталинская кампания была не только схожа с антикоммунистическими и троцкистскими идеями, но и открыла настоящий всемирный

антикоммунистический поход против Советского Союза и КПСС, против мирового коммунистического и национально-освободительного движения.

Могут возникнуть вопросы: как же так -- Хрущев и вдруг антикоммунист и, наконец, с какой целью все это надо было ему делать?

Теперь разоблачены холуйские утверждения некоторых историков и партийных работников, будто Н.С.Хрущев стал членом большевистской партии накануне Ленских событий 1912 года. Не стало секретом и то, что, вступив в члены РКП(б), он придерживался некоторое время троцкистских взглядов. Это было известно Сталину, когда Хрущева выбирали в 1935 году первым секретарем МК и МГК партии. Но Сталин ценил практический ум Хрущева, считал, что на партийной работе, получив образование в Промакадемии, он преодолеет старые заблуждения. Однако этого не случилось: троцкистское прошлое подчас давало себя знать.

Что касается вопроса -- с какой целью Хрущеву надо было разоблачать культ личности, то главный ответ заключается в следующем. После смерти И.В.Сталина в партии, как и после смерти В.И.Ленина, возникла проблема: кто сможет и кто должен возглавить Коммунистическую партию Советского Союза? Буквально у одра И.В.Сталина из избранного XIX партийным съездом Президиума ЦК КПСС в составе 36 членов выведены были 22 высших партийных руководителя. Удалены были почти все, кого на съезде выдвинул Сталин. Созданная им система коллективного руководства, сочетания старых и молодых партийных кадров была разрушена. Те, кто остался, захватили все ключевые должности в партии и государстве. Председателем Совета Министров СССР стал Г.М.Маленков, первыми заместителями Предсовмина -- Л.П.Берия, В.М.Молотов, Н.А.Булганин, Л.М.Каганович. Председателем Президиума Верховного Совета СССР -- К.Е.Ворошилов, секретарем ЦК КПСС -- Н.С.Хрущев. Все они стали членами сильно укороченного Президиума ЦК КПСС. Другими словами, произошел тихий государственный переворот.

Весьма показательны в этом отношении воспоминания Д.Т.Шепилова, входившего в те годы в высшее партийное руководство. Он пишет:

"Конечно, ни один человек в партии и стране не думал ни о Хрущеве, ни о Берии как о возможных преемниках Сталина на постах Председателя Совета Министров или Генерального секретаря ЦК. Но иного мнения держался каждый из этих двух и всеми методами -- посулами, лестью, интригами, устрашением -- действовал в определенном направлении. Безусловно, две трети из того широкого состава (36 человек) Президиума ЦК, который по предложению Сталина был избран на Пленуме ЦК после XIX съезда партии, оставались в стороне и во всех интимных, подготовительных обсуждениях участия не принимали, Дежурили у постели больного Г.М.Маленков, Л.П.Берия, В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов, Н.С.Хрущев, Н.А.Булганин, Л.М.Каганович, А.И.Микоян, М.З.Сабуров, М.Г.Первухин, П.М.Шверник.

... И Хрущев рвался на первую роль в этой сфере, лелея те же честолюбивые мечты, что и Берия, но избрав для достижения своих целей другие обходные пути ...

Назначение Хрущева на пост Секретаря ЦК соответствовало его самым сокровенным желаниям. Оно знаменовало собой первый акт той трагедии, которая скоро начала развертываться на глазах всего мира и, подобно пробуждающемуся вулкану, наращивать свои разрущительные последствия" ("Вопросы истории". 1998, №3, с.12, 13, 22).

Однако избрание сентябрьским (1953 года) Пленумом ЦК Первым секретарем Центрального Комитета КПСС Н.С.Хрущева еще не означало его автоматического лидерства в партии и авторитета в народе. На достижение этого лидерства и авторитета в определенной степени и был рассчитан доклад о культе личности Сталина на XX партийном съезде, а также его основные выводы. Не случайно доклад был произнесен в конце работы съезда на закрытом заседании и без обсуждения. Подобные приемы не так уж и новы в истории.

Под предлогом борьбы с культом личности Н.С.Хрущев добивался и отстранения от руководства партией и государством В.М.Молотова, Г.М.Маленкова, Л.М.Кагановича и других тогдашних советских деятелей.

Но была и еще одна причина -- желание отомстить Сталину за то, что он не спас от расстрела сына Н.С.Хрущева от первого брака -- Леонида. Летчик Леонид Хрущев по одной версии попал в плен, по другой -- сам посадил самолет на захваченной врагом территории. Стал сотрудничать с фашистами, призывал по радио красноармейцев сдаваться в немецкий плен. Он был выкраден у немцев нашими разведчиками. Предстал перед военным трибуналом и был приговорен за измену Родине к высшей мере наказания -- расстрелу. Н.С.Хрущев молил И.В.Сталина не допустить смертной казни. Сталин ответил: "Вы просите как отец или член ЦК? Как отец? А что я скажу другим отцам, потерявшим своих сыновей?". Вопрос о судьбе летчика Л.Хрущева стал предметом специального рассмотрения на заседании Политбюро, которое оставило приговор в силе.

Между прочим, впоследствии Н.С.Хрущев за сына отомстил и Г.К.Жукову. Нам, авторам, известно от ряда ответственных работников ЦК партии и крупных военачальников, что, став Первым секретарем ЦК, Хрущев потребовал от Министра обороны страны Жукова представить летчика Леонида Хрущева к званию Героя Советского Союза. На это Жуков резко возразил, что предателей не представляет к боевым наградам, тем более к высокому званию Героя. Скомкав наградной лист, бросил его в сторону Хрущева, Этот случай послужил своего рода поводом наряду с другими причинами на октябрьском (1957 года) Пленуме ЦК партии для снятия Г.К.Жукова с поста Министра обороны СССР и обвинения его в бонапартизме, отрыве армии от партии. И это несмотря на то, что в свое время именно Жуков помог Хрущеву избавиться от Берии.

Для того чтобы внести ясность в вопрос о роли Сталина в Великой Отечественной войне, необходимо рассмотреть обвинения, предъявленные ему как Верховному Главнокомандующему. Это позволит осветить и ряд проблем самой Великой Отечественной войны.

Следует начать с предвоенных лет, так как деятельность Сталина в Великой Отечественной войне неразрывно связана, уходит своими корнями в предвоенные годы. Именно Хрущев в своем докладе на XX съезде партии обвинил Сталина в том, что-де он не сумел подготовить страну к войне, к отпору агрессору.

Хрущев уверял делегатов съезда в том, что были "и время и возможности... чтобы хорошо подготовить страну к обороне", что "наша промышленность находилась на таком уровне развития, что она была в состоянии полностью обеспечить Советскую Армию всем необходимым". Но мобилизации "промышленности своевременно проведено не было. И с первых же дней войны обнаружилось, что наша армия вооружена плохо, что мы не имеем достаточного количества артиллерии, танков и самолетов для отпора врагу. Советская наука и техника дали перед войной великолепные образцы танков и артиллерии. Но массовое производство всего этого не было налажено ..." ("Известия ЦК КПСС". М., 1989, №3, с.147).

Обвинения, выдвинутые Хрущевым, были более чем серьезны. Они касались не только Сталина. Речь шла о якобы провале программы подготовки страны к отпору агрессору, то есть о результатах работы десятков миллионов советских людей, о деятельности Советского правительства, о политике партии в предвоенные годы.

Рассмотрим, как же в действительности обстояло дело.

Прежде всего, следует зафиксировать бесспорный факт -- партия, правительство, Сталин своевременно поняли, какую страшную военную опасность для нашей страны принес приход к власти фашистов в Германии. Они разоблачали агрессивный и реакционный характер нацизма, захватнические планы гитлеровцев. Уже в 1934 году на XVII съезде ВКП(б) было подчеркнуто, что фашизм вынужден будет прибегнуть к войне, что в этой тревожной международной обстановке СССР будет стоять "твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с

тех, кто подготовляет, провоцирует войну" (XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). М., 1934, с.13).

Партия, правительство, Сталин приняли меры к тому, чтобы довести до сознания народа наличие этой угрозы и мобилизовать все его силы на свершение грандиозных дел строительства и укрепления нового общества. Этот факт зафиксирован в тысячах документов того времени.

В условиях надвигавшейся угрозы войны партия и 'правительство принимали решительные меры для того, чтобы переломить грозное развитие событий, сорвать возможность сговора мировых империалистических сил за счет СССР. Заключение в августе 1939 года пакта о ненападении с Германией было вынужденным и необходимым актом со стороны советского руководства. Это обеспечило нашей стране еще два года для подготовки к отпору фашистской агрессии. Заключение в 1941 году договора о нейтралитете с Японией спасло СССР от японской агрессии, а в конечном итоге от войны на два фронта. Вот почему заключение этих двух международных договоров было высшим достижением внешнеполитической стратегии Сталина и советской дипломатии.

Разумеется, советское руководство не питало иллюзий по поводу истинной сущности захватнической политики фашистской Германии. Сохранилось свидетельство присутствовавшего на советско-германских переговорах руководителя юридического департамента германского министерства иностранных дел Гауса. Он писал, что появившийся во время переговоров Молотова и Риббентропа Сталин, отвечая на вопрос последнего, заявил: "Не может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР". Затем уточнил: "Мы не забываем того, что вашей конечной целью является нападение на нас" ("Аргументы и факты". 1987, №37).

Впоследствии Маршал Советского Союза Г.К.Жуков писал: "Что касается оценки пакта о ненападении с Германией в 1939 г., в момент, когда наша страна могла быть атакована с двух фронтов -- со стороны Германии и со стороны Японии, -- нет никаких оснований утверждать, что И.В.Сталин полагался на него. ЦК ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавил СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.1. М., 1990, с.229). Такова оценка пакта о ненападении с Германией, сделанная одним из главных творцов победы над "третьим рейхом".

Не только борьба за продление мирной передышки, но и стремление обеспечить коренные геополитические потребности Советского Союза преследовались Сталиным в 1939 году при заключении с Германией договора о ненападении. Договор обеспечивал выход нашей страны на внешние рубежи, завоеванные предшествующими поколениями, и отодвигал западную границу от ее важнейших политических и экономических центров.

Задача обеспечения безопасности северо-западных рубежей государства была решена в зимней войне с Финляндией в 1939-1940 годах. Протяженность границы с Финляндией составляла более тысячи километров. От Ленинграда она проходила всего в 32 км. По существу, вторая столица страны, к тому же мощный центр оборонной промышленности, находилась в зоне артиллерийского огня противника. Не защищены были и морские подступы к Ленинграду. А в случае захвата Ленинграда там вполне могли создать альтернативное правительство, которое стало бы базой для развязывания гражданской войны. В опасной близости от границы находился и Мурманск, наш северный незамерзающий порт, и железная дорога, связывающая его с центральными районами страны. Это факты, с которыми в условиях нарастающей угрозы войны нельзя было не считаться. Поистине глубокий смысл имеет афоризм: "География -- это судьба народа".

Советское правительство предлагало разрешить мирным путем вопросы взаимоотношений между СССР и Финляндией. В переговорах с финнами Сталин говорил: "Мы не требуем и берем, а предлагаем ... Поскольку Ленинград нельзя переместить, мы просим, чтобы граница проходила на расстоянии 70 километров от Ленинграда ... Мы просим 2700 кв. км. и предлагаем взамен более 5500 кв. км". Защищая прорубленное Петром Великим "окно в Европу", он заявлял: "Мы ничего не можем поделать с

географией, так же как и вы ее не можете изменить" (Зимняя война 1939-1940. Кн.1. Политическая история. М., 1998, с.125, 371).

Однако поддерживаемое Германией и поощряемое Англией и Францией финляндское правительство отвергло мирный путь решения вставших вопросов. В ходе зимней войны 1939-1940 годов Красная Армия прорвала мощную, укрепленную на современный лад линию Маннергейма и продвинулась на запад от 25 до 200 км. Через три с половиной месяца после начала войны финская армия, которой помогали западные державы, была разгромлена. По подписанному мирному договору Финляндия уступила часть своей территории, обеспечивающей безопасность Ленинграда и северо-западной границы СССР.

Несостоятельными оказались утверждения, будто эта война показала слабость Красной Армии. Нелишне напомнить, что незадолго до советско-финляндской войны Красная Армия одержала блистательные победы над японскими самураями в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол.

Конечно, советско-финляндская война заставила сделать и определенные выводы военно-политического характера. Руководством страны были предприняты меры для повышения боеспособности Красной Армии и укрепления ее командных кадров. Эта война показала необходимость освобождения от методов гражданской войны. Это была современная война, и она требовала перестройки армии на современные методы ведения войны. Подводя итоги советско-финляндской войны на совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава в апреле 1940 года, И.В.Сталин отмечал: "Вот этот культ традиции и опыта гражданской войны развит у людей и отнял от них психологическую возможность побыстрей перестраиваться на новые методы современной войны ... А что такое современная война? Интересный вопрос -- чего она требует? Она требует массовой артиллерии ... Второе -- авиация, массовая авиация ... Дальше танки, третье, тоже решающее ... Минометы, четвертое, нет современной войны без минометов ... Дальше -- автоматизация ручного оружия ... Создание культурного, квалифицированного и образованного командного состава ... Требуются хорошо сколоченные и искусно работающие штабы ... Затем требуются для современной войны хорошо обученные, дисциплинированные бойцы, инициативные ... Для современной войны нам нужны политически стойкие и знающие военное дело политработники ... Вот все те условия, которые требуются для того, чтобы вести современную войну ..." (Зимняя война 1939-1940. Кн.2. И.В.Сталин и финская кампания. М., 1998, с.278-280).

Несостоятелен и вывод Хрущева о том, что у Советского Союза были "и время и возможности ... чтобы хорошо подготовить страну к обороне". Как раз именно такого времени для выполнения этой безмерно трудной задачи стране было отведено катастрофически мало, если не сказать, что его практически не было. Сталин не раз предупреждал, что нам необходимо пройти путь, который занял у других стран столетия, лет за десять или того меньше. Иначе нас могут смять и загубить дело социализма.

Хрущев умышленно разорвал связь времени с объемом и трудностью задач, которые предстояло решить. А только так можно судить о том, достаточным, или недостаточным временем располагала страна. Лживо и его утверждение, что были "возможности хорошо подготовить страну к обороне", что наша промышленность "была в состоянии полностью обеспечить Советскую Армию всем необходимым".

Здесь налицо полное извращение действительности. Хрущев отлично знал, что к началу 30-х годов Советский Союз в экономическом отношении был отсталой страной (на целое столетие!), уступавшей развитым капиталистическим государствам, той же Германии. У него не было промышленности, способной в массовом количестве производить танки, самолеты, артиллерию и другую современную боевую технику.

В стране предстояло еще только создать мощную индустриальную базу, целые новые отрасли промышленности, построить тысячи заводов, фабрик, шахт. Шла борьба буквально за каждый день, чтобы страна как можно раньше получила продукцию вновь построенных предприятий. Предстояло поднять и создать современное сельское хозяйство, способное обеспечить промышленность сырьем, реконструировать транспорт, подготовить десятки тысяч новых инженеров и сотни тысяч

квалифицированных рабочих, предстояло разработать и заложить в чертежи образцы новой военной техники, которая бы не уступала лучшим ее образцам, состоявшим на вооружении передовых армий капиталистических стран. Необходимо было подготовить и военные кадры, способные овладеть этой техникой и умело применить ее в боевых условиях, коренным образом преобразовать сами вооруженные силы, сделать их способными вести современную войну.

Так, директор КАММИНговского Центра по изучению России и Восточной Европы Тель-Авивского университета Г.Городецкий, разоблачая книгу Резуна "Ледокол", пишет: В предвоенные годы "Сталин яростно критиковал академии за их устаревшие методики преподавания, за то, что они не чувствовали суть современной войны. Он был преисполнен решительности создать современную армию" (Г.Городецкий. Миф "Ледокола": Накануне войны. Пер. с англ. М., 1995, с.292).

Важное место в строительстве Красной Армии в предвоенные годы занимает проблема чистки ее рядов в 30-е годы. Здесь необходимо остановиться на одном важном аспекте этой проблемы. Долгое время, и в годы гражданской войны и в послевоенный период, во главе Красной Армии находился Троцкий. Ему принадлежала если не решающая, то важнейшая роль в формировании высшего командного состава армии, в выдвижении на руководящие посты командиров и комиссаров. Так сформировался в армии широкий слой лиц, обязанных в значительной мере Троцкому своей военной карьерой. При формировании этого слоя не последнюю роль играл и момент личной преданности Троцкому назначаемых лиц.

При непомерном властолюбии Троцкого, его стремлении играть высшую роль в партии и в государстве, это потенциально создавало угрозу бонапартистского варианта развития событий. Опасность обострялась болезнью Ленина, а затем и его смертью. Особенно это становилось угрожающим в связи с шаткой политической позицией Троцкого и его необузданным честолюбием. Напомним, что Ленин в своем политическом завещании охарактеризовал Троцкого, как **небольшевистского** деятеля. А это было чревато опасностью попытки с его стороны изменить политический строй страны, отходом от ленинизма.

В условиях развернувшейся ожесточенной дискуссии после смерти Ленина, наличия в стране многочисленных сторонников Троцкого, борьбы за преемственность власти, в условиях стремительно надвигавшейся угрозы войны вопрос о кадрах армии, за кем армия пойдет, приобретали особую остроту, Влияние Троцкого в армии было не только сильным, но и широким. Он был связан со многими из ее высших руководителей лично.

В 1939 году немецкий писатель Л, Фейхтвангер, посетив Москву, высказал такую мысль: "Раньше троцкисты были менее опасны, их можно было прощать, в худшем случае -- ссылать ... Теперь, непосредственно накануне войны, такое мягкосердечие нельзя было себе позволить. Раскол, фракционность, не имевшие серьезного значения в мирной обстановке, могут в условиях войны представить огромную опасность" ("Советская Россия". 1998, 24 декабря).

Определенную роль, подвигнувшую Сталина на проведение решительных мер, сыграло непрестанное хвастовство Троцкого, что армия при всех условиях поддержит его и пойдет за ним. В 1937 году на столе Сталина оказалась книга Троцкого "Преданная революция", в которой автор утверждал, что выражает не свои идеи, а говорит от имени огромного числа своих молчаливых сторонников в СССР. Этих сторонников больше всего могло быть в Красной Армии, которой он руководил в течение семи лет. Практически все тогдашнее руководство Красной Армии прошло через руки Троцкого, им отбиралось, назначалось, выдвигалось.

Известно, что многие из видных троцкистов признавали наличие заговорщических связей с военными кругами. Например, Н.Н.Крестинский в заключительном слове на процессе по делу антисоветского правоцентристского блока говорил: "В феврале 1935 года Пятаков сообщил мне, что между нами, троцкистами, правыми и военной группой Тухачевского состоялось соглашение о совместном совершении вооруженного переворота. С этого момента я несу ответственность не только за действия троцкистов, но и действия правых и за действия военных заговорщиков" ("Дуэль". 1998. №37).

Необоснованные репрессии, естественно, не могут быть оправданы. Но необходимо помнить, что Троцкий и его окружение при поддержке зарубежных банков и правительств развернули бешеную кампанию травли Советского Союза и лично Сталина как его лидера. Известно, что когда во время советско-финляндской войны формировалось временное правительство во главе с О.В.Куусиненом, определенными кругами на Западе обсуждался вопрос о создании русского альтернативного правительства во главе с Троцким (См.: М.И.Семиряга. Тайны сталинской дипломатии. 1939-1941. М., 1992, с.185). Это угрожало расколом в партии, распадом страны. Ведь Троцкий откровенно заявлял, что он желал бы разгрома СССР Германией. Все это объясняет, откуда у нас появились германские и прочие иностранные шпионы.

Для того чтобы глубже уяснить деятельность партии, советского государства, Сталина в предвоенные годы, составить представление об обстановке, в которой происходили глубочайшие преобразования в стране, необходим четкий ответ на вопрос: были ли враги нашего государства и партии вне и внутри страны, кто эти враги? Насколько они были опасны, была ли неизбежна борьба с ними? И если да, то по каким направлениям и в каких формах она должна была развернуться?

Это не праздный вопрос. В нем необходимо досконально разобраться, чтобы не потерять исторической перспективы, Ведь не случайно Хрущев на XX съезде партии, а затем и его последователи утверждали и продолжают твердить по сей день, что внутренних врагов ни у партии, ни у Советского государства, ни у Сталина не было. Что они порождены мнительностью, а то и сумасшествием Сталина. Так ли это?

При решении данного вопроса необходимо исходить из того факта, что в нашей стране в 30-е годы происходили глубочайшие социальные сдвиги, изменялись, а часто и ломались судьбы миллионов людей. Далеко не для всех они несли немедленные перемены к лучшему. Тысячи и тысячи воспринимали их как свою глубочайшую трагедию и готовы были отчаянно им противодействовать. Что было, то было. С этим приходилось, как с реальным фактом, считаться самым серьезным образом руководству страны. Объективные процессы создавали "пятую колонну" внутри страны, и она подталкивалась капиталистическим окружением к самым активным действиям.

Хрущев и его приспешники пытаются увести нас от понимания этой очевидности, пытаются уверить, что не было и не могло быть **массового** сопротивления линии партии на индустриализацию и коллективизацию страны. Это примитивная ложь. Она положена в основу возведенного ими грандиозного здания фальсификации репрессий 1937 года и последующих лет. Она же лежит в основе огульной реабилитации будто бы всех невинных.

Насколько грозным и опасным был внешний враг, вскрыла, и весьма наглядно, обрушившаяся на нас война, Подробно говорить об этом нет нужды. Объективное рассмотрение фактов свидетельствует и о том, как смертельно опасны были и внутренние враждебные силы, которые провоцировались капиталистическим окружением на самые жестокие и коварные формы борьбы. На истоках этой внутренней опасности, ее масштабах необходимо остановиться подробнее. А это непосредственно подводит к проблеме репрессий 30-х и последующих годов. Рассмотрим эти вопросы сначала в общей форме, а потом перейдем и к фактам.

Сталин не выдумывал своих врагов. Они были в реальной жизни, и была суровая необходимость с ними бороться. Бороться во имя спасения страны, народа, социализма. Надвигавшаяся война отвела для этой борьбы минимальные сроки. Борьбу нельзя было отложить, нельзя было ее и затягивать. Враг в лице Гитлера и его капиталистических сообщников стоял у порога. Необходимо было спешить очистить страну от "пятой колонны".

Предстояла трудная, тяжкая, жестокая работа, но через это испытание необходимо было пройти. Понимая, что в карательные органы будут пытаться и неизбежно проникнут враждебные силы и будут творить гнусное дело уничтожения преданных кадров, Идти на тяжкие издержки, неизбежные в этой работе, трагические ошибки, принимая на свои плечи тяжесть ответственности за допущенные просчеты и за судьбу невинных жертв.

Весь опыт истории показывает, что классовая борьба, особенно на переломных рубежах развития, жестока и беспощадна. В ее жернова попадают не только враги, но и невинные люди. Беспрецедентное, стремительное обогащение кучки людей в последние годы в нашей стране основано на геноциде народа, на его вымирании в чудовищных масштабах, достигающих полутора миллионов в год, на разграблении плодов труда многих поколений советских людей. В этом воплощено проявление классовой борьбы на современном этапе. Не видеть этого -- значит быть слепым. "Демократическая" пропаганда делает все, чтобы затемнить эти факты, укрыть их от осознания народа, С дьявольской настойчивостью она пытается скрыть и классовую сушность, историческую обусловленность репрессий 30-х годов.

Для того чтобы глубже разобраться в вопросе о репрессиях, необходимо рассмотреть по крайней мере три важнейших аспекта этой проблемы. Во-первых, необходимо четко определить -- были ли репрессии обоснованы, направлены против лиц, свершивших тяжкие государственные преступления, понесли ли эти лица **заслуженную** кару. Или репрессии были обрушены на невинных людей, и жертвами стали сторонники социалистического государства рабочих и крестьян.

Это принципиальный вопрос и ответ на него имеет определяющее значение для суждения о правомерности или преступности самих репрессий. Хрущевым, его последователями, современными "демократами" он извращен и запутан до последней степени. Нельзя жалеть никаких усилий для того, чтобы установить истину в этом вопросе. Слишком много с ним связано в прошлой истории страны, да и ныне его решение без преувеличения имеет судьбоносное значение для самих основ идеологической и нравственной жизни и перспектив развития нашего общества.

Вторая важнейшая сторона проблемы репрессий -- их масштабы. Здесь царит полнейшая вакханалия цифр и чудовищных вымыслов. Приводятся цифры, преувеличенные до невероятных размеров, далеко выходящие за рамки элементарного здравого смысла. И наряду с этим проводится линия на полное игнорирование, умышленное, можно сказать, тотальное замалчивание официальных, достаточно достоверных данных, имеющихся на этот счет. "Демократами" широко растиражированы рассуждения о том, что по самой своей сути не могло быть в 30-е годы столь широкого отступничества от дела социализма и не могло быть такого предательства в высших эшелонах партийной и государственной власти со стороны старых большевиков. Это подается как истина, не требующая доказательств. Однако опыт последующих лет начисто отвергает обоснованность этих рассуждений. Нельзя сбрасывать со счетов наш недавний трагический опыт перестройки и реформ, когда руководящее ядро партии -- генсек Горбачев, члены Политбюро Яковлев, Шеварднадзе, кандидат в члены Политбюро Ельцин и другие -- выступили как предатели дела социализма, разрушители великой страны. Нельзя забывать, что многие из руководящих кадров партии и государства пошли по их преступному пути.

Эти события и их тяжелейшие последствия для судеб страны и народа развернулись на наших глазах. Почему же теперь мы должны априори исключать реальность такого **массового** предательства на более раннем этапе истории советского государства? И вслед за "демократами" отрицать необходимость и неизбежность в те 30-е годы **массовых** репрессий, которые были противопоставлены **массовому** масштабу предательства. Учет этих уроков истории должен присутствовать при рассмотрении проблемы репрессий.

Теперь остановимся, хотя бы в общих чертах, на третьей стороне проблемы репрессий -- соответствовала ли суровость наказания достижению главной цели, спасению страны в условиях стремительно надвигавшейся угрозы истребительной войны. Были ли оправданы и необходимы суровые меры проводившихся репрессий? Прежде всего нужно установить, против каких преступлений они были применены. Тяжесть вины должна соответствовать, вытекать из тяжести преступления.

Ни Хрущев, ни его последователи не смогли опровергнуть непреложные факты, свидетельствующие, что и в 30-е, и в последующие годы в нашей стране взрывались шахты, сжигались хранилища зерна, пускались под откос составы с людьми и грузами, шли в услужение немецким оккупантам полицаи и каратели, и они предавали и убивали советских людей. Ведь все это совершалось конкретными людьми. Смешно утверждать, что это были только единичные случаи. Десятки тысяч фактов подтверждают, что это было массовое явление, проявление классовой борьбы.

Как на это была обязана ответить власть, защищающая интересы и целостность государства, интересы народа и социализма в условиях надвигавшейся, а потом и шедшей войны? Ведь до этого Сталин долгие годы вел дискуссии со своими оппонентами по важнейшим вопросам судеб страны и партии. Убедить их отказаться от борьбы, вредительства, террора не удалось. Можно ли было власти ответить на их тягчайшие преступления некими полумерами? Могли ли они принести необходимый результат? В высшей степени это сомнительно. Нужно считаться и с тем, что только жестокие формы возмездия могли устрашить оголтелых врагов, заставить их отказаться от подрывной деятельности. Террор против врагов являлся мерой **защиты**. Представляется, что эти соображения необходимо учитывать при рассмотрении проблемы репрессий.

В конечном итоге и троцкисты, и бухаринцы выродились в злейших врагов Советского Союза, подвизавшихся на службе иностранных разведок.

Они были тесно связаны с германским фашизмом, готовившим войну против СССР. И троцкисты, и бухаринцы активно занимались вредительством, диверсиями, шпионажем, организацией террористических актов против руководителей нашей страны. Их разгром являлся важнейшим условием победоносного строительства социализма в Советском Союзе и позднее -- победы в Великой Отечественной войне.

Есть необходимость остановиться еще на одной стороне этого принципиально важного вопроса, а именно на так называемом деле маршала Тухачевского. Огромную роль в деле Тухачевского и его сторонников сыграли секретные документы, присланные Сталину президентом Чехословакии Бенешем о наличии заговора в Советском Союзе. Последний (как и эксперты МИДа, службы безопасности и внешней разведки этой страны) были абсолютно уверены в их подлинности. Над Чехословакией в то время нависла угроза агрессии фашистской Германии, и Бенеш был заинтересован в укреплении мощи своего союзника СССР, в предотвращении готовящегося в стране военного переворота.

Имеются многочисленные свидетельства того, что не только Бенеш и Сталин, но и многие ведущие и хорошо информированные государственные деятели Запада в 1937 году, да и в последующие годы, рассматривали обвинительные доказательства, выдвинутые на процессах 1937 года, как обоснованные и истинные.

Черчилль в своих мемуарах "Вторая мировая война" по этому поводу пишет: "Осенью 1936 года президент Бенеш получил от высокопоставленного военного лица Германии уведомление, что, если он хочет воспользоваться предложением фюрера, ему следует поторопиться, так как в России в скором времени произойдут события, которые сделают любую возможную помощь Бенеша Германии ничтожной.

Пока Бенеш размышлял над этим тревожным намеком, ему стало известно, что через советское посольство в Праге осуществляется связь между высокопоставленными лицами в России и германским правительством. Это было одним из элементов так называемого заговора военных и старой гвардии коммунистов, стремившихся свергнуть Сталина и установить новый режим на основе прогерманской ориентации. Не теряя времени, президент Бенеш сообщил Сталину все, что он мог выяснить. За этим последовала беспощадная, но, возможно, небесполезная чистка военного и политического аппарата в Советской России и ряд процессов в январе 1937 года, на которых Вышинский столь блестяще выступал в роли государственного обвинителя ... Русская армия была очищена от прогерманских элементов, хотя это и причинило тяжелый ущерб ее боеспособности ... Сталин сознавал, чем он лично обязан Бенешу, и Советское правительство было воодушевлено сильным желанием помочь ему и его оказавшейся под угрозой стране противостоять нацистской опасности". (У.Черчилль. Вторая мировая война, т.1. М., 1955, с.266, 267).

Характерно, что первые сведения, поступившие о заговоре Тухачевского, были восприняты советской стороной с недоверием. Исследовавший обстоятельства "дела Тухачевского" историк из ФРГ И.Пфафф пишет: "Из категорических и кратких формулировок в записях, содержавшихся в канцелярии президента, как кажется, даже явствует, что первые две беседы с Александровским, 22 и 24 апреля, сопровождались возбужденными дискуссиями между советским посланником, который стремился

опровергнуть обвинения против Тухачевского как абсурдные, и Бенешем, которому не удалось поколебать эту уверенность посланника, и что Александровский лишь 26 апреля и 7 мая капитулировал перед "обличающим материалом", предоставленным ему Бенешем".

Далее Пфафф пишет, что сведения, полученные от Бенеша, обсуждались на заседании Политбюро 24 мая 1937 года и из принятого там решения "можно по меньшей мере в общих чертах обрисовать обвинения против Тухачевского и других генералов. "Заговорщики" якобы планировали "во взаимодействии с германским генеральным штабом и гестапо ... в результате военного переворота свергнуть Сталина и Советское правительство, а также все органы партии и Советской власти, установить ... военную диктатуру". Это должно было быть произведено с помощью антикоммунистического "национального правительства", связанного с Германией и имевшего целью осуществить убийство Сталина и его ведущих соратников, "предоставить Германии за ее помощь особые привилегии внутри Советского Союза" и сделать "территориальные уступки Германии ... на Украине", уже не говоря о расторжении союзов с Парижем и Прагой. Все это должно было бы произойти под лозунгом создания "национальной России", которая находилась бы под сильной военной властью".

И.Пфафф ссылается на документы, которые свидетельствуют, что Бенеш проинформировал о заговоре Тухачевского не только Сталина. Уже 8 мая он сообщил французскому премьер-министру о заговоре советского главного командования. А через два дня просил при осуществлении французских "связей с советским Генеральным штабом соблюдать максимальную осторожность, поскольку члены руководства советского Генерального штаба поддерживают подозрительные контакты с Германией". В конце июня 1937 года французский посол в Лондоне сообщил в Париж, что английское правительство получило информацию из надежного источника о секретных переговорах между германским генеральным штабом и советскими военными руководителями. В сентябре 1937 года Бенеш информировал о заговоре Тухачевского американского посланника в Праге. ("Военно-исторический журнал". 1988, №11, с.49, 50, 51, 54; №12, с.65).

Вполне очевидно, что в деле Тухачевского и его сообщников документы, присланные президентом Бенешем Сталину, сыграли важнейшую роль. Однако Хрущев на XX съезде партии замолчал эти документы. Когда же слухи о наличии их просочились и стали будоражить общественность, он упомянул о них только через шесть лет на XXII партсъезде как о мелкой безделице. Вновь делегаты съезда были лишены возможности ознакомиться с содержанием этих документов. Объективной экспертизы этих документов не проведено до сих пор, политические же спекуляции продолжаются.

При экспертизе документов о деятельности Тухачевского, видимо, целесообразно учесть следующее свидетельство В.Шелленберга: "В свое время утверждалось, что материал, собранный Гейдрихом для дискредитации Тухачевского, состоял большей частью из заведомо сфабрикованных документов. В действительности же подделано было не больше, чем нужно для заполнения некоторых пробелов. Это подтверждается тем, что весьма объемистое досье подготовили и представили Гитлеру за короткий промежуток времени -- в четыре дня" (Цит. по Ю.Мухин. Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М., 1993. С.199).

Анализируя материалы по поводу Тухачевского и его группы один из руководителей советской разведки генерал П.А.Судоплатов пишет: "Даже те из историков, которые горят желанием разоблачить преступления Сталина, не могут не признать, что материалы дела Тухачевского содержат разного рода документальные свидетельства относительно планов перетасовок в военном руководстве страны ... Уголовное дело против Тухачевского целиком основывалось на его собственных признаниях, и какие бы то ни было ссылки на конкретные инкриминирующие факты, полученные из-за рубежа, начисто отсутствуют" (П.А.Судоплатов, Разведка и Кремль, М., 1997, с.103, 104).

Решение вопроса о лояльности армии было тогда неотложной задачей, и решать ее можно было только проведением радикальных, широкомасштабных мер, путем очищения армии от сторонников Троцкого. С точки зрения и внутриполитической, и укрепления обороноспособности страны в условиях надвигавшейся войны задача чистки армейских кадров выдвигалась как срочная, безотлагательная

необходимость. Хотя это была, бесспорно, крайне болезненная и в определенной степени опасная задача.

И все же проводившаяся в армии чистка была необходимым актом. Она укрепляла обороноспособность страны, в корне подорвала троцкистское влияние в Вооруженных Силах, очистила их от изменнических и шпионских элементов. Так, английский посол У.Сидс сообщал в Лондон 6 июня 1939 года: "а) Красная Армия в настоящее время предана режиму и будет, если получит приказ, вести войну как наступательную, так и оборонительную; б) она понесла тяжелые потери в результате "чисток", но будет серьезным препятствием в случае нападения ..." (Зимняя война 1939-1940. Кн.1. Политическая история. М., 1998, с.103). На сохранившуюся боеспособность Красной Армии указывали в донесениях из Москвы военные атташе Франции, а также США.

Через несколько дней после нападения Германии на СССР посол США в Советском Союзе в 1936-1938 годах Джозеф Дэвис, отвечая на вопрос "а что вы скажете относительно членов "пятой колонны" в России?", сказал: "У них нет таких, они их расстреляли". И продолжил: "Неожиданно передо мной встала такая картина, которую я должен был ясно видеть еще тогда, когда был в России. Значительная часть всего мира считала тогда, что знаменитые процессы изменников и чистки 1935-1939 годов являются возмутительными примерами варварства, неблагодарности и проявления истерии. Однако в настоящее время стало очевидным, что они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников".

Касаясь этих же вопросов уже в 1943 году, по сообщению американской газеты "Канзас-Сити таймс" от 26 мая, Дж. Дэвис заявил, что процессы в Москве имели своим результатом то, что "у немцев не оказалось "пятой колонны", чтобы оказать им содействие в осуществлении вторжения в Россию" ("Диалог". 1996. №10, с.72).

Ныне называют огромное число репрессированных и особенно расстрелянных в 1937-1938 годах командиров и политработников армии и флота. Так, А.Солженицын утверждает: "Только от террора коммунистического режима против собственного народа мы потеряли до 60 миллионов" ("Советская Россия", 1998. 24 декабря). Некая литературная критикесса А.Альбац считает, что уничтожено было 66 миллионов человек. Отдельные авторы, в том числе и историки, доводят эту численность даже до 80 и более миллионов человек. При этом игнорируются официальные данные и документы. Например, согласно переписи численность населения СССР на 17 января 1939 года составляла 170.467.186 человек. Спрашивается, откуда же могли взяться эти десятки миллионов?

Изучив доклады о работе Военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов, которые направлялись представителем Военной коллегии Верховного суда в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКО СССР, заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации генерал-майор юстиции А.Т.Уколов и подполковник В.И.Ивкин сообщают следующие сведения. За контрреволюционные преступления были судимы лица высшего, среднего и младшего командного и начальствующего составов, а также рядового состава по годам: 1936 год -- 925 человек, 1937 год -- 4079, 1938 год -- 3132, 1939 год -- 1099 и 1940 год -- 1603 человека. По данным Архива Военной коллегии Верховного суда СССР, к высшей мере наказания в 1938 году были приговорены 52 военнослужащих, в 1939 году -- 112 и в 1940 году -- 528 военнослужащих. "Проведенный анализ судебной статистики, -- заключают они, -- позволяет сделать вывод о том, что число жертв политических репрессий в РККА во второй половине 30-х годов примерно в десять раз меньше, чем приводят современные публицисты и исследователи. Более точные масштабы репрессий против командно-политического состава армии и флота можно установить после изучения архивных документов внесудебных органов, которые должны храниться в архивах Министерства безопасности РФ (бывшего КГБ СССР)". ("Военно-исторический журнал". 1993, №1, с.57, 59).

Проведенная в 50-80-х годах огульная реабилитация "жертв" этих репрессий не только не устранила "белые пятна" прошлого, но, напротив, еще больше запутала все эти вопросы, подчинив их рассмотрение сугубо пропагандистско-политическим целям сначала "перестройщиков", а затем и "демореформаторов".

Есть все основания утверждать, что репрессии, проводившиеся в СССР в 30-х годах, не были продуктом произвола. Они были фактором социальных отношений и инструментом укрепления мощи и обороноспособности молодого советского государства.

В 30-е годы дело шло о коренных преобразованиях страны, занимавшей одну шестую часть земной суши, о преобразованиях эпохальных масштабов, об утверждении и развитии нового социально-политического строя в СССР. И это имело решающее значение как внутриполитическое, так и общемировое. Они, эти преобразования, должны были привести в конечном итоге к кардинальным сдвигам в соотношении сил между нарождающимся социализмом и существующим капитализмом в мировом масштабе. И это необходимо было совершить в течение десятилетия. Хрущев умышленно умолчал о всем этом, о грандиозности задач, решавшихся в предвоенные годы. К сожалению, ложь Хрущева с трибуны XX съезда партии была покорно проглочена делегатами съезда.

Может быть, нами допущено преувеличение масштабов свершений, намеченных и осуществленных в стране в предвоенные годы? И прав Хрущев? Нет. То, что было создано в эти годы, было воплощено в тысячах построенных заводов и фабрик, в преобразовании сельского хозяйства, в миллионах людей, овладевших новыми профессиями, в десятках тысяч произведенных танков, самолетов, воплощено в созданной кадровой, современной армии, вооруженной новой боевой техникой. Все это невозможно вычеркнуть из реальной жизни страны.

Заслуживает внимательного отношения мысль, высказанная Председателем СКП-КПСС и Международного комитета "За союз и братство народов" О.С.Шениным: "Возмущаться тем, что Сталин выполнил главную задачу так, как это только и было возможно в той конкретной обстановке, может лишь интеллигентский чистоплюй, подменяющий анализ конкретной ситуации пустопорожними абстрактными рассуждениями. Ему репрессии Сталина кажутся только бесчеловечностью и варварством. Он не понимает, что в конкретных условиях того периода логика борьбы вынуждала Сталина идти на такие жертвы, которые воспитанному на абстракциях "интеллигенту" кажутся жестокостью, и что любой из проявивших себя к тому времени "умных интеллигентов" выполнил бы задачу сохранения завоеваний Октября хуже, чем Сталин, а вернее всего не выполнил бы ее вовсе" ("Гласность". 1999, 30 января).

Сколько-нибудь объективный исследователь не может не признавать этого. И правда, хотя и с огромным трудом, пробивается сквозь ложь. Но правду невозможно найти в "демократической" прессе. Иногда она прорывается за рубежом. Так в книге "Влияние второй мировой войны на Советский Союз", изданной в Нью-Йорке в 1995 году, констатируется: "Вторая мировая война показала жизненную силу экономического и государственного строя, созданного большевиками в 30-е годы, и самой партии. Они (большевики) доказали это, пройдя через самые, какие только можно представить, тяжелейшие испытания ... маловероятно, чтобы эта страна смогла выстоять при какой-либо иной системе". (С.71, 286. См. "Гласность". 1997, №8).

Совершенно не соответствует действительности и утверждение Хрущева о том, что мобилизации "промышленности своевременно проведено не было". Факты свидетельствуют: все пятилетние планы составлялись с расчетом на максимально возможное использование всех ресурсов страны и борьба за их претворение в жизнь велась с предельным напряжением сил. Партию не смутил огромный объем предстоявшей работы, предельно сжатые сроки, имевшиеся для ее выполнения. Не остановили и вопли оппозиции о невозможности выполнить эту работу в отсталой стране, что Советский Союз обречен на разгром и гибель.

Работа началась без раскачки и сразу максимально высокими темпами по всем намеченным направлениям. XVI, XVII и XVIII съезды партии констатировали, что все больше нарастает угроза войны и со всей решительностью потребовали сосредоточить усилия партии и народа на укреплении обороноспособности страны. На базе первого и второго пятилетних планов развития народного хозяйства были разработаны и осуществлены пятилетние планы строительства Красной Армии. В этих планах предусматривалось перевооружение в массовом масштабе вооруженных сил новейшими образцами военной техники, создание новых технических родов войск.

Выполнение первой пятилетки военного строительства позволило разработать в 1933 году второй пятилетний план строительства Красной Армии. Его основной задачей являлось обеспечение советским Вооруженным Силам превосходства над капиталистическими армиями по всем решающим средствам борьбы: авиации, танкам и артиллерии. Опираясь на экономические и социальные преобразования, происшедшие в стране, в 1935-1938 годы был осуществлен переход от смешанной территориально-кадровой системы к единому кадровому строительству армии.

Стремительно возрастал численный состав Красной Армии. Если в 1933 году в ней было 885 тысяч человек, то уже к первому января 1938 года ее общая численность составляла 1.513.400 человек. (50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968, с.196-198).

Разве эти факты не свидетельствуют о том, что партией, правительством, Сталиным были приложены неимоверные усилия, чтобы повысить оборонную мощь страны. Советские Вооруженные Силы прошли огромный путь в своем развитии. Борьба шла за каждую тонну металла, руды, угля, нефти, за каждый танк и самолет. Авиационная промышленность работала по суточному графику с ежедневным отчетом перед ЦК ВКП(б) о выпуске самолетов и моторов по каждому заводу. С января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила от промышленности около 18 тыс. боевых самолетов, из них 2,7 тыс. новых типов, более 7 тыс. танков, но КВ и Т-34 лишь 1864. С мая 1940 года до начала войны орудийный парк вырос более чем в полтора раза. В 1941 году более чем втрое по сравнению с предыдущим годом повысился выпуск боеприпасов. (Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984, с.103-104). Это позволило коренным образом перевооружить Красную Армию. За всеми этими процессами стоял самоотверженный труд миллионов людей, гигантская фигура Сталина, его огромная энергия, правильность выбранного курса.

Вместе с тем нельзя забывать, что военная промышленность СССР все еще находилась в состоянии технического перевооружения. Заводы с большим трудом осваивали серийный выпуск военной техники. В 1940 году было выпущено только 64 истребителя Як-1, 20 истребителей МиГ-3, 2 пикирующих бомбардировщика Пе-2, 115 танков Т-34. Штурмовики Ил-2 и истребители ЛаГГ-3 до 1941 года вообще не выпускались ("Военно-исторический журнал". 1998, №3, с.3). Сама жизнь с предельной убедительностью показала, какое огромное значение для судьбы страны, становления ее военно-промышленного комплекса, выпуска новейших видов вооружения, освоения их войсками имели те почти два года мирной передышки, которые мы получили по договору с Германией в 1939 году.

"Как же можно забывать обо всем этом? Как можно сбрасывать со счетов всю ту огромную работу, какая проводилась партией и правительством накануне войны по подготовке страны и армии к отпору врагу? -- спрашивал генерал армии С.М.Штеменко и отвечал: -- Другой вопрос, что из-за недостатка времени нам не удалось в полном объеме решить вставшие перед нами задачи, такие, например, как формирование механизированных корпусов и новых авиационных полков, оборудование укрепрайонов в новых приграничных районах и другие ... Страна не могла к июню 1941 года полностью оснастить войска новым оружием и техникой, в силу чего не все советские дивизии были укомплектованы и многие из них испытывали недостаток этого вооружения, боевых машин, транспорта, средств связи, а возможности старого оружия и военной техники отставали от тех требований, которые предъявляла война" (С.М.Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн.1. М., 1981, с.27-28).

Особенно поражает грандиозность свершений, выполненных в предвоенное десятилетие, в сопоставлении с тем гниением и страшным упадком, который переживает наша страна в десятилетие правления "перестройщиков" и "демореформаторов". Величие предвоенных лет особенно контрастно в сопоставлении с тотальным разрущением российской армии, происходящим на наших глазах. Это не "реформирование", а гибель армии России и с ней самой страны. Без сильной армии в современных условиях огромное по территории государство, обладающее богатейшими природными ресурсами, существовать не может. Оно в своем бессилии будет по кускам растерзано не только крупными хищниками (такими как США, Германия, Япония), но и мелкими, такими как Пакистан, Афганистан. С Чечни процесс уже начался. Деятели, ныне стоящие во главе Российского государства, или не понимают этого, или умышленно идут по этому пути.

Вернемся в 30-е годы. Лимит времени, отпущенного стране, как шагреневая кожа, катастрофически сужался. В Европе бушевала война. Ни одно из значительных европейских государств, которым пришлось испытать силу удара германской военной машины, не смогло устоять против разбойничьих действий вермахта. В 28 дней была разгромлена Польша; в 45 дней -- Франция; в несколько недель была завоевана Норвегия. Столько же времени потребовалось гитлеровцам на порабощение и разграбление Балкан. Ни один политик, ни даже сами гитлеровцы не ожидали такого стремительного развития событий.

Война, как дамоклов меч, нависла над СССР. А далеко еще не все удалось сделать для подготовки Советского Союза к отпору фашистскому агрессору. Сталин отчаянно боролся за продление мирной передышки, идя на огромный риск. Его расчетам в этом отношении не суждено было оправдаться.

Германия пошла на роковой для себя шаг. Стремительный рост мощи социалистического государства ставил для нее под вопрос возможность завоевания территории не только на Востоке, но и на Западе. Но правящие круги Германии, опьяненные легкостью побед в Европе, не мыслили отказаться от своих завоевательных планов и пошли на риск войны на два фронта. Это было авантюрой. В конечном итоге она привела к разгрому третьего рейха.

Да, в предвоенные годы не все необходимое удалось сделать. И в имевшееся время сделать все было невозможно. Это не значит, что не было ошибок, просчетов и неудач в гигантской работе, развернутой в стране. Они в таком огромном деле были неизбежны. Ведь за истекшие двадцать лет в мире, по существу, появилась во многом новая страна. Но неоспорим общий итог, имевший решающее значение для судьбы не только нашего государства, но и для всего мира, -- подвиг советского народа в предвоенные 30-е годы обеспечил создание мощного фундамента обороноспособности социалистической державы, проложил путь к нашей победе над фашистскими агрессорами. Без подвига 30-х годов не было бы победоносного 1945 года.

Крайне важно пробиться через горы лжи до сознания людей, чтобы ими было осмысленно, прочувствовано сердцем величие дел, совершенных в стране в 30-е годы. Что в этих делах воплощен подвиг народа, его гений, его самоотверженное служение Родине, социализму. И в те годы была заложена возможность выстоять в надвигавшихся страшных испытаниях. То, о чем здесь говорится, оставаясь на позициях честности и исторической правды, опровергнуть невозможно.

Но может быть, был другой путь спасения страны от военного разгрома и можно было избежать угрозы надвигавшейся войны? Может быть, партия и Сталин неправильно оценивали обстановку и неоправданно требовали предельного напряжения сил и жертв со стороны народа?

История подтвердила, что оценка была правильной. Над страной, над самим существованием Советского государства, над физическим существованием нашего народа нависала смертельная угроза. И развязка приближалась со стремительной быстротой. Оправданны ли, правомерны ли были в этих условиях примененные средства, требовавшие огромных жертв от народа? Угрозу можно было отразить, только создав мощные, современные Вооруженные Силы, имеющие на вооружении десятки тысяч самолетов, танков, артиллерийских орудий, хорошо подготовленную к современной войне армию и ее командный состав.

Очевидно и то, что создать мощные Вооруженные Силы можно было только на базе индустриализации страны. Так же стоял вопрос о коллективизации. Первая мировая война показала, что сельское хозяйство России оказалось неспособным удовлетворить нужды фронта. А надвигавшаяся новая война несла еще более суровые испытания. Необходимо было не только поднять продуктивность сельского хозяйства, но также обеспечить крепость тыла страны. Наличие широкого слоя кулацких элементов заведомо не гарантировало этой устойчивости. Колхозный строй выдержал испытания войны, в необходимом объеме обеспечил потребности фронта и тыла для достижения победы.

Но все же, может быть, можно было искать другие пути для обеспечения безопасности страны? Со всей определенностью нужно сказать -- нет, таких возможностей не было. Германский фашизм и его союзники непоколебимо шли курсом войны, добиваясь сокрущения социалистического государства и

истребления советского народа. Это была их генеральная линия, и никакими уступками свернуть их с этого курса было невозможно. Рассчитывать на помощь Англии, Франции, США также не было никаких оснований. Курс СССР на создание коллективной безопасности и обуздание агрессоров был сорван. Ныне рассекреченные документы показывают, что правительства этих стран стремились направить агрессию Германии на восток. Подталкивали ее на это. Да, уже первые операции второй мировой войны показали их неспособность оказать отпор германскому вермахту.

Справедливо пишет общественный деятель Ю.Белов: "Именно перед реальной угрозой военного нападения на СССР Сталин сознательно пошел на более ускоренные темпы индустриализации, чем даже то предполагали пятилетние планы. Пошел и на ускоренные темпы коллективизации, справедливо опасаясь разгула мелкособственнической (мелкобуржуазной) стихии при сохранении многочисленных индивидуальных крестьянских хозяйств. Индустриализацию он перевел на рельсы мобилизационной экономики -- война стояла у порога ... За годы, чуть более десяти лет, СССР при Сталине прошел путь индустриализации, на что Западу потребовалось сто и более лет. Социалистическая индустриализация стала порукой Великой Победы. Мы спасли не только себя, но и все человечество от чумы фашизма, что записано в скрижалях мировой истории" ("Советская Россия". 1998, 26 февраля).

Советский Союз мог рассчитывать только на свои силы. Это в большой степени определяло жесткость тех средств и методов, которыми партия была вынуждена проводить индустриализацию и коллективизацию, повышать боеспособность и надежность армии, крепость тыла.

Да, это были суровые годы предельного напряжения сил народа и чрезвычайных мер. В ходе титанической борьбы тех лет, конечно, были допущены трагические ошибки, крупные просчеты. Их необходимо объективно исследовать, извлечь необходимый опыт. При всем этом нельзя не признать, что главная, неимоверно трудная цель -- подготовка страны к отражению агрессии -- была на решающих, важнейших направлениях достигнута. Страна была спасена от разгрома, а советский народ -- от истребления. Этого итога, этого результата при рассмотрении политики партии и Советского государства в предвоенные годы не видеть нельзя, он главный.

Задача состоит в том, чтобы на основе строго научного, честного анализа определить, что было правильным в политике партии и государства, какие ошибки и злоупотребления были допущены, какой опыт должен быть из этого извлечен и как этот опыт может быть использован ныне для вывода нашей страны из глубочайшего кризиса. В нравственном отношении опыт поколения 30-х годов тоже имеет огромное значение, поскольку он позволяет судить о смысле жизни, титаническом труде, деятельности миллионов советских людей, отдавших все для спасения Отечества и превративших его в могучую социалистическую державу. Жизнь требует, чтобы к этой задаче подходили люди с чистой совестью, чтобы они не исходили из мелких шкурнических интересов приспособленчества.

Необходимо остановиться еще на одной сложной, важной и очень болезненной проблеме предвоенного времени, которая оказала трагическое воздействие на начальный период Великой Отечественной войны. Речь идет о том, каким образом, в силу каких причин Германии удалось добиться внезапности нападения на нашу страну. Хрущев сознательно оглупил этот вопрос. Свел его персонально к "тупости" Сталина, его неспособности прислушаться к донесениям разведки. По проторенному им пути пошла и "демократическая" пропаганда.

На XX съезде партии Хрущев вообще отрицал сам факт внезапности нападения Германии на СССР. Он уверял, что это "совершенно не соответствует действительности". ("Известия ЦК КПСС". 1989, №3, с.146). Что предостережения о грозящей опасности "Сталиным не принимались во внимание. Больше того, от Сталина шли указания не доверять информации подобного рода с тем, чтобы-де не спровоцировать начало военных действий ... Несмотря на все эти чрезвычайно важные сигналы, не были приняты достаточные меры, чтобы хорошо подготовить страну к обороне и исключить момент внезапности нападения" (Там же. С.146-147). Итак, "блестящая" логика -- внезапности нападения не было, но внезапное нападение было! А ведь именно так утверждалось в докладе.

Хрущев умышленно умолчал о том, что Сталину шел и другой поток информации, отрицавший возможность нападения Германии в июне 1941 года, и что подавляющее большинство в высшем

военном руководстве и ближайшее окружение Сталина придерживались этой точки зрения. Что Германия нападет, сомнения не было. Речь шла только о сроках этого нападения. И на этом фоне развертывалась борьба за то, чтобы как можно дальше оттянуть начало агрессии Германии.

Полностью ответить на запутанный вопрос, как на самом деле Сталин относился к развединформации о надвигающейся угрозе, стало бы возможным только после анализа секретного архива Политбюро ЦК партии и личного архива Сталина. Эти документы находятся в архиве Президента Российское Федерации и доступ к ним практически закрыт. К тому же что-то оказалось в США.

Сейчас нет возможности установить, хотя бы в количественном отношении, сколько поступало от разведорганов правдивой информации о подготовке Германии к нападению на СССР, а сколько дезинформации, хотя последней было более чем достаточно. В частности, разведка НКГБ стала жертвой дезинформационной операции работавшего на гитлеровцев О.Берлингса (кличка "Лицеист"). А он считался ценным источником. Через него шла дезинформация о подготовке вторжения Германии в Англию, о верности Германии договору 1939 года и др. Разоблачен "Лицеист" был только после окончания войны. Известные ныне документы свидетельствуют о том, что ряд поступавших донесений фактически дезавуировались самими руководителями разведведомств и старшими военачальниками. Вот факты, касающиеся этого вопроса.

Начальник разведывательного управления РККА генерал Ф.И.Голиков в докладе Сталину 20 марта 1941 года, изложив возможные варианты действий Германии в ближайшие месяцы, делает вывод: "1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. 2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки". (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1974, с.258)

А вот что докладывал Сталину 6 мая 1941 года народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н.Г.Кузнецов. Сообщая о полученном донесении, что 14 мая произойдет нападение Германии на нашу страну, он делает вывод: "Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР" (Там же).

Видимо, прав Г.К.Жуков. Он пишет: "В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно не сделали всего, чтобы убедить И.В.Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести несколько раньше в жизнь срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом" (Там же, с.256).

Еще дальше шел Берия, который имел мощный разведывательный аппарат в своем ведомстве. Меньше чем за сутки до начала войны, 21 июня 1941 года, он писал Сталину: "... Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня "дезой" о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР, Он сообщил, что это "нападение" начнется завтра" ("Российская газета". 1995, 21 июня).

Оценивая позицию Сталина накануне нападения Германии, необходимо учитывать следующее обстоятельство. Сталин в своих решениях не мог и не должен был учитывать одни только военные факторы. Заблаговременное развертывание вооруженных сил до начала войны, безусловно, было выгодно в военном отношении. Но далеко не всегда это бывает возможным осуществить по политическим соображениям. Мобилизация, а тем более весь комплекс мероприятий по стратегическому развертыванию вооруженных сил, всегда считалось равносильным началу состояния войны и поворот назад, к мирному положению, очень трудно осуществимым. Опыт первой мировой войны был еще свеж в памяти.

Это понимал Сталин, этого опасался и, надеясь на возможность оттяжки срока начала войны с Германией, предпринимал максимум усилий (как оказалось, в данной ситуации бесполезных), чтобы не переступить последней черты. К тому же не все было ясно в связи с полетом Р.Гесса в Англию.

Возможно, Сталин опасался создания единого германского и англо-американского блока против СССР. Исключать такое развитие событий в то время было нельзя.

Что касается известного сообщения ТАСС от 14 июня 1941 года, в котором извещалось, что публикуемые за рубежом сообщения о приближающейся войне между СССР и Германией не имеют оснований, то в нем нельзя видеть только одну отрицательную сторону. Это была не только попытка остановить скатывание Германии на путь войны с СССР, оттянуть начало войны, навязывая Германии переговоры. Оно преследовало и цель показать мировому общественному мнению, что если война начнется, то кто является агрессором. С явным неудовольствием это поняли и в третьем рейхе. Так, в дневнике Геббельса 15 июня 1941 года появляется запись: "Опровержение ТАСС оказалось более сильным, чем можно было предположить по первым сообщениям. Очевидно, Сталин хочет с помощью подчеркнуто дружественного тона и утверждений, что ничего не происходит, снять с себя все возможные поводы для обвинений в развязывании войны" ("Военно-исторический журнал". 1997, №4, с.36).

Критики Сталина умышленно обходят вопрос о чрезвычайной сложности и запутанности предвоенной ситуации, о коварной возне, которую вела международная реакция вокруг возможной войны Германии с СССР. Умалчивают о важнейшем значении того, какая сложится не только военная, но и политическая обстановка, в которой война развернется. Сталин был обязан учитывать все эти факторы, и возможность просчета была весьма велика. Крайне важно было сочетать величайшую осторожность по отношению к возможным провокациям со стороны правящих кругов империалистических держав со строжайшей бдительностью, чтобы не позволить им застигнуть страну врасплох.

Правящими кругами Германии с целью достижения вероломного внезапного нападения заранее была разработана и последовательно проведена в жизнь целая система политических, дипломатических и военно-стратегических мероприятий по маскировке готовящегося удара. До второй мировой войны история не знала столь изощренных, широких по своим масштабам усилий по обеспечению внезапности нападения.

Это было вызвано рядом причин. В военной области они заключались в том, что внезапные удары заранее подготовленной армии вторжения, основу которой составляли танковые и моторизованные соединения, поддержанные крупными силами авиации, в корне меняли характер начальных операций. Позволяли с самого начала войны захватить стратегическую инициативу, нанести максимальный урон главным группировкам противника, сорвать мобилизацию и мероприятия по стратегическому развертыванию, внести дезорганизацию в работу военных и государственных инстанций. То есть добиться результатов, решающим образом предопределяющих дальнейший ход и даже исход вооруженной борьбы.

В действиях немецкой стороны по дезинформации Советского Союза наиболее эффективными оказались три ложные версии, планомерно и настойчиво осуществлявшиеся в предвоенные месяцы.

-- Перегруппировка войск на Восток представлялась как широкий маскирующий маневр с целью скрыть подготовку вторжения в Англию.

-- Концентрация войск на советско-германской границе будто бы проводилась с целью оказания нажима на Советский Союз для того, чтобы добиться от него уступок. Войны с СССР, мол, не будет до тех пор, пока не будет разгромлена Англия и полностью исчезнет опасность войны на два фронта. Советскому Союзу будет вначале предъявлен ультиматум и, следовательно, в расчеты германской стороны не входит задача достижения внезапности нападения.

-- Усиление войск вермахта на востоке представлялось как стремление надежно обеспечить в военном отношении свой тыл во время вторжения в Англию от возможного удара Советской Армии.

Вот как некоторые из этих мероприятий по дезинформации выглядели в немецких планах, рассчитанных по дням. Верховное командование вермахта (ОКВ) в директивах от 15 февраля и 12 мая 1941 года указывало, что с целью введения противника в заблуждение следует в период с 15 февраля по

14 марта поддерживать версию о том, что Германия еще не решила, где ей начать новое военное наступление. Во второй период, с середины апреля, когда передвижение немецких войск на восток скрыть будет уже невозможно, было дано указание представить сосредоточение сил как величайший в истории дезинформации маневр, имеющий целью отвлечь внимание от последних приготовлений к вторжению в Англию.

Нашим разведчикам о директивах ОКВ по дезинформации не было известно, поскольку о них знал очень узкий круг лиц из высшего руководства Германии.

Несмотря на принятые немцами строжайшие меры маскировки, сосредоточение и развертывание войск вермахта в районах западной границы СССР советская разведка вскрыла своевременно и с достаточной полнотой. Более трудной оказалась задача раскрыть цели концентрации сил вермахта на востоке и предугадать те шаги, которые последуют со стороны Германии в ближайшее время. Следует признать, что дезинформационные акции немцев имели успех и оказали влияние на оценку советской стороной военно-политической обстановки и перспектив ее развития во временных рамках.

Правящим кругам Германии в этом вопросе сопутствовала удача. Геббельс имел основания сделать следующую запись в своем дневнике: "*25 мая 1941 г.* В отношении России нам удалось организовать великолепную дезинформацию. Из-за сплошных "уток" за границей уже больше не знают, что ложно, а что верно ..." ("Новая и новейшая история. 1994, №6, с.198).

Представляют интерес и записи в дневнике Геббельса, относящиеся к кануну нападения на СССР. Вот некоторые из них: "*31 мая 1941 г.* План "Барбаросса" разворачивается. Начинаем первую большую волну его маскировки. Необходимо мобилизовать весь государственный и военный аппарат. Истинное положение вещей известно очень немногим. *6 июня.* Во всем мире говорят о предстоящем в скором времени заключении военного пакта Берлин-Москва. *14 июня.* Английское радио уже заявило, что наше выступление против России -- это блеф, за которым скрывается наша подготовка к вторжению. *18 июня.* Маскировка наших планов против России достигла наивысшей точки. Мы настолько погрузили мир в омут слухов, что сами в них не разбираемся. Новейший трюк: мы намечаем созыв большой конференции по проблемам мира с участием России" ("Военно-исторический журнал". 1997, №4, с.34, 35, 36).

В данном случае записи Геббельса не носят следов предвзятости. Изучение недавно рассекреченных документов английской разведки показывает их обоснованность. Документы свидетельствуют, что по крайней мере до конца мая 1941 года английская разведка "твердо придерживалась мнения, что размещение немецких войск на Востоке было прелюдией к переговорам с Советским Союзом". Объединенный комитет по разведке (ОКР) впервые обсудил вопрос вероятности войны лишь 23 мая. Но и тогда он сделал тот же вывод: "наиболее вероятным курсом является сотрудничество ... Если несколько недель назад по всей Европе наибольшее распространение получили слухи о надвигавшемся нападении Германии на СССР, то сейчас дело обстоит противоположным образом. Есть некоторые признаки, дающие основание предполагать, что новое соглашение между двумя странами, может быть, уже почти готово" (Цит. по кн. Г.Городецкий. Миф "Ледокола": Накануне войны. Пер. с англ. М., 1995, с.259).

В 1940 году в Москве вышла книга комбрига Г.С.Иссерсона "Новые формы борьбы. Опыт исследования современных войн". Она с поразительной точностью, почти пророчески описала ту военную и сложнейшую психологическую ситуацию, которая сложилась для нашей страны через год, весной и в начале лета 1941 года. Иссерсон писал, что мобилизация и сосредоточение войск агрессором будут осуществляться незаметно и постепенно: "В тех или иных размерах о сосредоточении становится известно, однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение, подготовляется ли действительно военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока наконец на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном масштабе" (С.30).

Если одни историки и писатели обвиняют Сталина в том, что он не прислушался к предупреждениям о сроках нападения фашистской Германии на СССР, то другие историки и писатели вслед за В.Резуном (Суворовым) -- автором провокационных книжек "Ледокол", "День М" -- обвиняют Сталина в подготовке плана превентивного нападения на Германию. При этом указывают, будто это наступление должно было начаться 12 июня 1941 года, а после полета Р.Гесса в Англию якобы перенесено было на 15 июля 1941 года. Сообщают, что для войны с Германией из имевшихся 303 дивизий выделялось 247, что уже в 1942 году Красная Армия должна была бы захватить Берлин. Подобные инсинуации не соответствуют действительности.

А действительность такова. В связи с обострением обстановки в конце мая 1941 года состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б). Открывая его, Сталин заявил: "... Мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии ... От таких авантюристов, как гитлеровская клика, всего можно ожидать, тем более что нам известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии. Англо-американская агентура делает в Германии все, чтобы как можно скорее бросить Германию на Советский Союз. Англо-американские империалисты рассматривают фашистскую Германию как ударную силу в борьбе против Советского Союза и демократического движения во всем мире. В этом мы убедились, еще когда анализировали политику англо-французских правящих кругов, направленную на срыв предложений о разоружении, внесенных Советским правительством в Лигу Наций, на отказ прекратить подлую провокационную политику так называемого невмешательства, возродившую германскую агрессию. Достаточно вспомнить, что накануне заключения нами договора с Германией о ненападении бывший британский премьер Чемберлен, со свойственным правящим кругам Англии лицемерием, делал все от него зависящее, чтобы подставить нашу страну под удар фашистской Германии" (И.В.Сталин. Соч. Т.15. М., 1997, с.20).

На расширенном заседании Политбюро с докладом о подготовке страны к обороне выступил начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Г.К.Жуков. Он отметил неготовность всех родов войск и видов Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии, расценил как ошибочное предпринятое по инициативе Г.И.Кулика, Б.М.Шапошникова и А.А.Жданова разоружение укрепленных районов на старой (1939 года) границе. В заключение Сталин согласился оставить на разоружаемых участках не только пулеметы, но и часть артиллерийского вооружения.

12 июня 1941 года начальник личной разведки советского руководителя генерал-полковник А.М.Лавров доложил И.В.Сталину о концентрации гитлеровских войск и их союзников на западных границах СССР и предложил провести немедленную мобилизацию и усиление Красной Армии. На это Сталин заявил: "Объявить мобилизацию, говоришь? Но ведь это равносильно объявлению войны Германий с нашей стороны, Именно об этом мечтают англо-американские империалисты, делающие все, чтобы столкнуть Советский Союз с Германией. Я думаю, что полученное нами в апреле предупреждение Черчилля о германской агрессии против нас преследует эту же цель: заставить нас в связи с угрозой германского нашествия провести всеобщую мобилизацию и ввязаться таким образом в войну с Германией. Тем более что такой прецедент в истории уже был. В 1914 году Россия не объявляла войны Германии, она лишь объявила всеобщую мобилизацию" (И.В.Сталин. Соч. Т.15, М., 1997, с.49).

Писатель-драматург-историк Э.Радзинский, вольно обращающийся с историческими фактами, убеждает: дескать, в мае 1941 года Главное управление политической пропаганды Красной Армии направило директиву о воспитании личного состава в наступательном духе. Однако это не соответствует действительности. Директивы такой в войска не посылалось. А что касается воспитания командиров и бойцов в наступательном духе, уверенности в победе над агрессором, то это делается в любой армии.

В 1941 году Советский Союз не помышлял ни о каких упреждающих действиях. Ни 5 мая, ни 15 мая, ни позже никаких "секретных" директив о подготовке к "агрессивным действиям" не отдавалось. В период с 5 по 14 мая 1941 года всем западным военным округам наркомом обороны были поставлены задачи по разработке планов обороны государственной границы (ЦАМО, ф.16А, оп.2951сс, д.237, лл.33-47, 65-81).

Еще в течение 27-29 марта 1941 года Гитлер и Риббентроп четырежды заверяли японского министра иностранных дел Мацуоку, что они не верят в нападение со стороны Советского Союза ("Военно-исторический журнал". 1991, №5, с.20). Немецкий генерал Ф.Гальдер в "Военном дневнике" 22 марта 1941 года записал: "Я не верю в вероятность инициативы со стороны русских". Посол Германии в СССР Шуленбург в апреле 1941 года докладывал Гитлеру: "Я не могу поверить, что Россия когда-нибудь нападет на Германию".

Советскому Союзу не было никакого смысла начинать войну, тем более летом 1941 года. СССР стремился выиграть время, чтобы лучше подготовиться к отражению фашистской агрессии, собрать урожай 1941 года.

Известно также, что даже после начала войны, подписывая директиву войскам, Сталин запретил армии переходить государственную границу СССР.

Все это доказывает, что у Сталина не было намерения начинать превентивную войну с Германией.

Когда стало известно, что значительные силы вермахта развертываются вдоль западной границы, Советское правительство и военное командование в первой половине 1941 года провели ряд крупных мероприятий, которые имели важное значение для повышения боевой готовности Вооруженных Сил СССР. Однако они оказались далеко недостаточными, а проводившаяся реорганизация и перевооружение бронетанковых и авиационных соединений привели к временному снижению их боеготовности.

В феврале 1941 года был принят план мобилизации, в соответствии с которым в округах и войсковых штабах в течение мая-июня были проведены некоторые мобилизационные мероприятия. К июню 1941 года численность вооруженных сил увеличилась до 5,3 миллиона человек. В мае-июне началась передислокация ряда дивизий и корпусов пограничных округов ближе к границе, было форсировано строительство укрепленных районов на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Однако и здесь не обошлось без ошибок: вооружение со старых укреплений было демонтировано, а на новых еще не установлено.

Во второй половине мая -- начале июня начинается выдвижение на запад войск из внутренних военных округов. 14-19 июня командование приграничных округов получило указание вывести фронтовые управления на полевые пункты, а 19 июня -- приказ о маскировке аэродромов, воинских частей и военных объектов. Флоты и флотилии получили указание повысить боевую готовность. Тем не менее в стратегическом развертывании западных пограничных округов была допущена задержка. Было допущено также запоздание с вводом в действие плана прикрытия.

Многие мероприятия по повышению боеготовности войск к. началу войны завершить не удалось. Не была заблаговременно создана группировка сил, способная противостоять наступлению врага, не были отмобилизованы и развернуты органы войскового и оперативного тыла, а низкие транспортные возможности тыловых частей предопределили плохое тыловое обеспечение войск с первого же дня войны.

Особенно тяжелым по своим последствиям было запоздание с приведением в полную боевую готовность тех соединений приграничных военных округов и гарнизонов укрепленных районов, которые должны были вступить в сражение сразу же после вторжения врага. Это было в значительной мере связано с просчетом в оценке времени нападения Германии и боязнью спровоцировать немцев. Только в ночь на 22 июня пограничным округам была передана директива Наркомата обороны о приведении войск в боевую готовность. Она запоздала с поступлением в войска и характеризовалась нечеткой постановкой задач. Войска (кроме флота и соединений Одесского военного округа, принявших необходимые меры по инициативе наркома ВМФ и командующего ОдВО) не успели занять оборонительные позиции, сменить аэродромы, поднять самолеты в воздух, осуществить другие необходимые в той обстановке мероприятия.

Одна из причин создавшегося положения заключалась в том, что И.В.Сталин, возглавлявший руководство партии и страны, считал, что Германия не решится (пока ведет войну с Англией) нарушить заключенный с СССР пакт о ненападении, а развертывание ее войск на советской границе проводится с целью политического давления, чтобы добиться уступок от Советского Союза. Он рассматривал поступившие данные о подготовке германского нападения в июне как провокационные.

Стремясь оттянуть военное столкновение с Германией, чтобы использовать выигранное время для подготовки армии и страны к обороне, И.В.Сталин не давал согласия на приведение войск пограничных округов в полную боевую готовность, считая, что эти меры могут быть использованы правителями третьего рейха как предлог для развязывания войны. Маршал К.А.Мерецков вспоминал, что в беседе с ним в начале 1941 года "И.В.Сталин заметил, что пребывать вне войны до 1943 года мы, конечно, не сумеем. Нас втянут поневоле. Но не исключено, что до 1942 года мы останемся вне войны"! (К.А.Мерецков. На службе народу. М., 1968, с.202).

Как писал Черчилль в своих мемуарах, Сталин в беседе о предвоенной обстановке сказал ему: "Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого". (Churchill W. The Second World War. Boston, 1950, Vol.III, p.496).

Характерно и признание немецкого генерала З.Вестфаля в написанной в 50-е годы по заданию министерства обороны США статье "Война расширяется": "Сталин, конечно, знал, что на его западной границе сосредоточиваются немецкие дивизии. Он знал, чем это было вызвано, и соответственно укреплял свои силы. Несмотря на это, Сталин до самого последнего момента надеялся, что до войны дело не дойдет. Таким образом, стратегически он был готов к наступлению немцев, начавшемуся в 3 часа 30 минут 22 июня 1941 г., но тактически оно застало его врасплох" (Роковые решения. М., 1956, с.61).

Сталин видел неизбежность войны с фашистской Германией, однако был далек от реальности, когда речь шла о сроках ее возможного начала. Его тактика сводилась к тому, чтобы избежать ухудшения отношений с Германией, не дать ей предлога для нападения, втянуть Гитлера в переговоры для выигрыша времени. Курс Сталина на то, чтобы не допускать того, что могла использовать Германия как повод для развязывания войны, был оправдан историческими интересами Советского Союза. Но просчет его состоял в том, что он не увидел того предела, дальше которого такая политика становилась смертельно опасной. Такой предел необходимо было перейти и максимально быстро привести советские Вооруженные Силы в полную боевую готовность, осуществить мобилизацию. Немалая доля ответственности за то, что Красная Армия оказалась неподготовленной к отражению внезапного вторжения врага, лежит и на руководителях Наркомата обороны и Генерального штаба. Они не сумели сделать правильных выводов из создавшейся военно-политической обстановки и не осуществили неотложные меры по приведению вооруженных сил в боевую готовность.

При рассмотрении вопроса о просчетах политического и военно-стратегического характера И.В.Сталина накануне войны есть все основания учитывать мнение маршала Жукова, бывшего перед войной начальником Генерального штаба. Он пишет: "... Ошибки Сталина, безусловно, были, но их причины нельзя рассматривать изолированно от объективных исторических процессов и явлений, от всего комплекса экономических и политических факторов ... Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись Сталиным в моем присутствии в кругу близких ему людей, я пришел к твердому убеждению: все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием -- избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что это ему удастся" ("Московские новости". 1987, 20 сентября).

Такова горькая правда об ошибках, допущенных Сталиным и советским руководством в оценке возможного срока нападения Германии на нашу страну. Конечно, Сталин имел в виду и этот трагический просчет, когда говорил после войны 24 мая 1945 года: "У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах ...".

Оценивая ситуацию кануна войны и принимавшиеся решения, нельзя сбрасывать со счетов ее крайнюю сложность и запутанность, изощренность тех методов политической, дипломатической, военно-стратегической маскировки, которые применяли гитлеровцы для скрытия готовящегося наступления. В военном искусстве Германии еще до начала второй мировой войны были наиболее полно разработаны формы и способы дезинформации и достижения внезапности действий, упреждения противника в стратегическом развертывании вооруженных сил. Они были весьма эффективно использованы (и еще более отточены) при нападении на европейские страны. Крупного успеха добился вермахт и при внезапном нападении на нашу страну. В практике Второй мировой войны это не был какой-то исключительный, из ряда выходящий случай. Жертвами **внезапного** нападения вермахта были Польша, Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Франция, Англия, Греция, Югославия. А на другом конце света -- США, потерявшие значительную часть своего военного флота при внезапном ударе Японии по Пирл-Харбору.

Что же, дело сводилось к тому, что в каждой из этих стран сидел свой Сталин, сосредоточивший в своих руках всю власть, не понимавший обстановки и неспособный принять соответствующих мер? Но почему-то эти руководители не поносятся, над ними не издеваются в этих странах.

И все же, пожалуй, наибольшей наглости и беспардонности ложь Хрущева и "демократов" достигла в вопросе деятельности Сталина в первые часы и дни Великой Отечественной войны. В этом вопросе ложь прокламируется уже без всякой оглядки на действительные факты. Хрущев на XX съезде партии утверждал: "После первых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

-- То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать какие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте" ("Известия ЦК КПСС", 1989, №3, с.148-149). В другом месте доклада Хрущев утверждал: "Эти факты (несозыв Пленумов ЦК ВКП(б). -- авт.) говорят о том, насколько был деморализован Сталин в первые месяцы войны ..." ("Известия ЦК КПСС". 1989. №3, с.136).

Что же действительно происходило со Сталиным в первые дни и даже недели войны? Бросил ли он страну на произвол судьбы? Находился ли в полной прострации, был ли недееспособен и только "некоторые члены Политбюро" "приволокли" его к исполнению своих обязанностей и указали, что надлежит делать? Здесь не прямо, но звучит намек, что среди них был и Никита Сергеевич и только из скромности он об этом умалчивает.

Обратимся к фактам и свидетельствам работавших со Сталиным участников событий тех решающих дней.

Теперь не секрет, что И.В.Сталин во второй половине июня 1941 года был мучительно болен. В субботу, 21 июня, когда у него температура поднялась до сорока градусов, в Волынское (Ближнюю дачу) был вызван профессор Б.С.Преображенский, много лет лечивший И.В.Сталина. Осмотрев больного, профессор поставил диагноз -- тяжелейшая флегмонозная ангина и настаивал на немедленной госпитализации. Однако И.В.Сталин наотрез отказался от больницы. При этом попросил Б.С.Преображенского на всякий случай не выезжать на выходной день из Москвы. И поставил условие, чтобы профессор о своем диагнозе никому не говорил.

В воскресенье, 22 июня, в 3 часа 30 минут нарком обороны С.К.Тимошенко приказал начальнику Генерального штаба Г.К.Жукову позвонить в Волынское И.В.Сталину и доложить, что немцы бомбят наши города, началась война.

Подойдя к аппарату, выслушав сообщение Жукова, Сталин отдал распоряжение:

-- Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

Затем, вопреки строжайшему запрету профессора Б.С.Преображенского, И.В.Сталин вызвал машину и уехал в Кремль.

Через час, в 4 часа 30 минут, 22 июня в Кремле собрались вызванные члены Политбюро, а также Тимошенко и Жуков. Сталин открыл заседание Политбюро. Обратившись к В.М.Молотову, он сказал:

-- Надо срочно позвонить в германское посольство. В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Принять посла было поручено В.М.Молотову.

"Мы -- пишет Г.К.Жуков в книге "Воспоминания и размышления", -- тут же просили И.В.Сталина дать войскам приказ не медля организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику.

-- Подождем возвращения Молотова, -- ответил он.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М.Молотов.

-- Германское правительство объявило нам войну.

И.В.Сталин молча опустился на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза.

Я рискнул нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

-- Не задержать, а уничтожить, -- уточнил С.К.Тимошенко.

-- Давайте директиву, -- сказал И.В.Сталин. -- Но чтобы наши войска, за исключением авиации, нигде пока не нарушали немецкую границу.

Трудно было понять И.В.Сталина. Видимо, он все еще надеялся как-то избежать войны. Но она уже стала фактом, Вторжение развивалось на всех стратегических направлениях" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1990, с.10).

В 7 часов 15 минут 22 июня И.В.Сталин подписал директиву Вооруженным Силам СССР об отражении гитлеровской агрессии.

В 9 часов 30 минут 22 июня И.В.Сталин в присутствии С.К.Тимошенко и Г.К.Жукова отредактировал и подписал указ о проведении мобилизации и введении военного положения в европейской части страны, а также об образовании Ставки Главного Командования и ряд других документов.

Утром 22 июня было принято решение, что в 12 часов с Заявлением Советского правительства к народам Советского Союза по радио обратится В.М.Молотов. И.В.Сталин, будучи тяжело больным, в таком состоянии, понятно, выступить с обращением к советскому народу не мог.

В своих мемуарах Г.К.Жуков отмечает: "Говорят, что в первую неделю войны И.В.Сталин якобы так растерялся, что не мог даже выступить по радио с речью и поручил свое выступление В.М.Молотову. Это суждение не соответствует действительности" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1990, С.10).

И.В.Сталин о своем заболевании не сказал даже близким соратникам. Он понимал, что это сообщение в начале войны может деморализовать армию и народ. Вместе с тем он не хотел и доставлять радости врагу.

Вспоминая 22 июня 1941 года, Г.К.Жуков продолжал: "Примерно в 13 часов мне позвонил И.В.Сталин и сказал:

-- Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызвал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

-- А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И.В.Сталин ответил:

-- Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

-- Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе. Тут только вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Выручили летчики, угостившие меня крепким чаем с бутербродами" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1990, с.13).

Лишь вечером 22 июня 1941 года И.В.Сталин возвратился в Волынское. Из-за нарыва в горле он ничего не ел. Тяжело больной, И.В.Сталин приезжал работать в Кремль.

Приведем еще одну запись Г.К.Жукова:

"26 июня на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь мне позвонил И.В.Сталин и сказал:

-- На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

-- Сейчас переговорю с товарищами Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выеду на аэродром.

Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома -- к И.В.Сталину. В кабинете И.В.Сталина стояли навытяжку нарком С.К.Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н.Ф.Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И.В.Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком, И.В.Сталин сказал:

-- Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? -- И бросил на стол карту Западного фронта.

-- Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, -- сказал я.

-- Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте". Наши предложения, заключил Г.К.Жуков, "И.В.Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1990, с.34-35).

Будучи еще тяжело больным, И.В.Сталин 29 июня 1941 года дважды был в наркомате обороны и Генеральном штабе и отдавал соответствующие распоряжения.

29 и 30 июня он находился на даче, завершая работу над важнейшим постановлением СНК и ЦК партии об организации отпора фашистскому агрессору. 1 июля вернулся в Кремль и продолжил работу -- подготовку к выступлению по радио с обращением к народу.

3 июля 1941 года Сталин выступил по радио с обращением к советскому народу, к бойцам Красной Армии и Военно-Морского Флота. Он рассказал суровую правду о сложившейся в первые дни войны тяжелой обстановке на фронте. В выступлении был дан глубокий анализ происходящих событий и определены задачи армии и народа по защите социалистического Отечества. Сталин призвал советских людей понять всю серьезность опасности, угрожавшей Родине, и отрешиться от настроений мирного времени. Он предупредил, что среди советских людей не должно быть благодушия, беспечности и паникерства, но не должно быть и страха в борьбе с коварным и сильным врагом. Он определил цели войны Советского Союза против фашистской Германии, указав, что эта война является великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. "Дело идет, таким образом, -- говорил Сталин, -- о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том -- быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение" (И.В.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.13). Целью этой всенародной Отечественной войны является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма.

Вспоминая о силе воздействия речи Сталина 3 июля 1941 года на советских людей, поэт и писатель С.В.Михалков пишет: "Хотим мы сегодня признать или не хотим, но ведь именно его речь, начавшаяся словами "Братья и сестры!", в сорок первом вызвала невиданный энтузиазм у людей самых разных возрастов. Они пошли на призывные пункты добровольцами. Вера в слово -- огромная вера, если произносит его авторитетный человек. А то, что Сталин был для миллионов авторитетной личностью, отрицать можно либо по скудоумию, либо по злому умыслу" ("Гласность". 1998, №5, с.1).

Сталин призвал: "Все силы народа -- на разгром врага! Вперед, за нашу победу!"

На защиту свободы и независимости Родины поднялись все -- и старые участники гражданской войны, и молодежь непризывного возраста, люди всех национальностей, населявших страну. Все было подчинено нуждам фронта, делу победы. Этому была подчинена и деятельность Сталина.

В связи с утверждением Хрущева о якобы бездействии и параличе воли Сталина в первые месяцы войны целесообразно привести хотя бы две секретные шифрограммы Сталина в адрес Никиты Сергеевича в июле 1941 года. Текст одной из них от 10 июля гласит: "Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина (имеется в виду речь И.В.Сталина 3 июля 1941 г., где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. -- авт.). Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100-150 километров от противника, независимо от состояния фронта. Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии, и создать как в армии, так и среди населения настроение обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу" ("Известия ЦК КПСС". 1990, №7, с.207).

На следующий день, 11 июля 1941 года, последовала новая телеграмма Сталина: "Киев. т. Хрущеву. Получены достоверные сведения, что вы все, от командующего Юго-Западным фронтом до членов Военного совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра. Предупреждаю вас, что, если вы сделаете хоть один шаг в сторону отвода войск на левый берег Днепра,

не будете до последней возможности защищать районы УРов на правом берегу Днепра, вас всех постигнет жестокая кара как трусов и дезертиров" ("Известия ЦК КПСС". 1990, №7, с.209). Как говорится, комментарии излишни. Так кто же был растерян?

В самые тяжелые месяцы 1941 года Сталин всеми силами стремился организовать оборону страны. За каждым из принимавшихся Сталиным решений стояли сложнейшие проблемы, вопросы, требующие срочного действия, принятия неотложных мер. Ошибка в принятых решениях грозила тяжелыми последствиями. А помимо решений текущих неотложных дел, необходимо было тщательно анализировать стремительно изменявшуюся обстановку, правильно ее оценивать, продумывать перспективу развития событий, разрабатывать далеко идущие решения, определяющие судьбу войны и страны.

Мужество Сталина, его целеустремленность, энергия в борьбе за спасение Советской страны сыграли огромную роль. Были собраны воедино все силы народа и армии. В зародыше были погашены панические настроения, которые в условиях неудачно начавшейся войны могли вспыхнуть, разлиться потоком и тем самым погубить молодое Советское государство.

Способность Сталина сохранять спокойствие и твердость духа в самых трудных, критических ситуациях была одной из существенных черт его полководческой деятельности. "Мне представляется, -- писал маршал И.Х.Баграмян, -- что железное самообладание, исключавшее всякую нервозность и неуверенность в руководстве боевыми действиями войск в ходе войны, было одной из самых примечательных черт И.В.Сталина и благотворно отражалось на его военно-политической и полководческой деятельности" (И.Х.Баграмян. Так шли мы к победе. М., 1977, с.131).

Клеветники нашего прошлого пытаются доказать, что в Великой Отечественной войне народу не нужна была победа, что понесенные им огромные жертвы были бесполезны, стремятся затмить в сознании новых поколений тот факт всемирного значения, что воины Красной Армии проявили исключительное мужество и стойкость, спасли от гибели Россию, советский народ, социализм, что они принесли освобождение от фашистского рабства народам Европы и Азии, спасли человечество от страшной чумы XX века -- фашизма. Эта победа круто изменила ход мировой истории в конце второго тысячелетия.

Палачи великого подвига народа пытаются внушить мысль, что во время войны командование не жалело человеческой крови и проложило путь к победе, завалив врага горами трупов. Что солдаты нашей армии были безвольной, безликой массой, тупо шедшей на убой под угрозой расправы комиссаров, СМЕРШа, заградительных отрядов. Ненавистью и злобой к советскому солдату, к советскому строю пропитаны иные интервью и роман "Прокляты и убиты" писателя В.П.Астафьева, да и публикации некоторых других маститых авторов. Пожалуй, нет такой грязи и лжи, которую не использовали бы клеветники, чтобы растоптать светлый образ советских людей.

Отрицательную позицию в этих вопросах лжедемократы обозначили предельно жестко. Лживая, ничем не обоснованная травля Сталина как Верховного Главнокомандующего приняла такие извращенные формы, что от нее дистанцируются честные западные историки. Перед нами книга американцев Д.Глантца и Дж. Хауса "Когда столкнулись титаны. Как Красная Армия остановила Гитлера", изданная в 1995 году в США. Авторы пишут: "Во время празднования 50-летней годовщины высадки союзников в Нормандии в 1994 году один американский журнал опубликовал на обложке фотографию генерала Дуайта Эйзенхауэра, одновременно наградив его титулом человека, победившего Гитлера. Если кто-либо и заслужил подобный титул, так это отнюдь не Эйзенхауэр, а Жуков, Василевский или, возможно, сам Сталин. Было бы правильнее сказать, что Красная Армия и многонациональное советское общество вынесли на себе львиную долю борьбы против Германии". Развивая эту мысль, авторы приходят к выводу, что Красная Армия была способна завершить войну и в том случае, если бы союзники не открыли второго фронта, что от 12 до 18 месяцев были бы необходимы советским вооруженным силам для разгрома врага и выхода на Атлантическое побережье Франции. (См. "Вопросы истории". 1996, №8, с.259).

Пропагандистские ухищрения Хрущева, его бешеные нападки на Сталина восторженно подхватили "демократы". Они лелеют хрущевское наследие, идут дальше по этому пути. Особое усердие ими

проявляется в критике Сталина как Верховного Главнокомандующего, Вот одно из откровений их пропаганды. Некие А.Н.Мерцалов и Л.А.Мерцалова в злобной книжонке "Иной Жуков. Неюбилейные страницы биографии сталинского маршала" утверждают: "Порочное руководство войной было главным преступлением сталинизма" (М., 1996, с.61). Так оценивается нынешними "демократами" деятельность верховного командования советскими Вооруженными Силами в **победоносной** Великой Отечественной войне Советского Союза. Они доходят до абсурда, до утверждения, что победа в войне была одержана армией вопреки деятельности Сталина как Верховного Главнокомандующего, что его руководство, мол, было не только вредно, но и преступно.

Попирается та истина, что на переломных этапах войны в руках полководца находится спасение или гибель Отечества, что он принимает решения, от которых зависит судьба миллионов людей. Впрочем, "демократы", поставившие целью разрушение великой державы, не могут не поносить, не издеваться над ее выдающимися государственными и политическими деятелями. Их суждения о Сталине как Верховном Главнокомандующем обусловлены их позицией по отношению к Великой Отечественной войне Советского Союза, позицией по отношению к Родине, которую защищала Красная Армия, которой отдал всю свою волю и весь свой талант Сталин.

Обычно много спекуляций идет якобы о панике, охватившей Москву в связи с прорывом к ней немецко-фашистских войск. Действительно, когда враг подошел к столице, 16 октября 1941 года Государственный Комитет Обороны СССР принял решение об эвакуации из столицы на восток ряда правительственных учреждений, крупных оборонительных заводов, научных и культурных предприятий и организаций. В Москве было введено осадное положение. В целом в городе соблюдался жесткий порядок, хотя и не обходилось без тревожной суматохи. Столица продолжала трудиться для фронта: заводы изготовляли автоматы, боеприпасы и другое оружие. Формировались и уходили на фронт новые батальоны и дивизии народного ополчения. Вокруг Москвы и в самой столице создавались дополнительные линии оборонительных заграждений. На Восток было вывезено большинство иностранных посольств и миссий.

Действовали в Москве Ставка Верховного Главнокомандования и Главное Политическое Управление РККА. В метростанции "Кировская" работал узел связи Генерального штаба. На Старой площади функционировал аппарат Центрального Комитета ВКП(б). В Перхушкове находился штаб и командование Западного фронта. Из Сибири начали прибывать новые армейские корпуса.

Тем не менее отдельные авторы, подчас даже серьезные, пытались да еще и сейчас пытаются убедить легковерных читателей, будто И.В.Сталин приготовился тогда покинуть столицу. При этом одни утверждают, что якобы был подготовлен спецпоезд, и описывают, как-де прибыл на вокзал Сталин, а поезд подогнали с запасных путей за Абельмановской заставой. Другие не менее ярко описывают уже якобы заправленный спецсамолет "Дуглас". Третьи -- как срочно заканчивается строительство специального бункера под Куйбышевым для Сталина.

Очевидцы, работавшие в те дни со Сталиным, утверждают, что он не собирался покидать Москву. Об этом пишет в своих записках его телохранитель А.Т.Рыбин. Личному шоферу А.Кривченкову Сталин сказал: "Остаюсь с русским народом в Москве, пока я в Москве, враг не пройдет. Пройдут только через мой труп" (А.Т.Рыбин. Сталин предвидел. М., 1992, с.9). То же говорил Сталин Жукову, находившемуся со штабом фронта в Перхушкове под Москвой. Что касается Куйбышева, то там, действительно, в октябре 1941 года находилась часть Советского правительства (М.И.Калинин, К.Е.Ворошилов, некоторые наркомы).

Разные люди, в том числе даже очень заинтересованные в отъезде, свидетельствуют о твердой решимости Сталина остаться и отстоять Москву. Типичным был поступок известного солиста Большого театра С.Я.Лемешева. Он наотрез отказался эвакуироваться и, выйдя из машины у Казанского вокзала, убежденно заявил:

-- А почему я, собственно, должен ехать в Куйбышев, когда Сталин находится в Москве? Нам надо здесь помогать фронту, открывать наш театр, а не стремиться в тыл.

В филиале Большого театра шли оперы и балеты, проводились концерты, на которых присутствовали фронтовики, спектакли ставились и в других театрах.

Надо признать, что тогда раздавались голоса и о возможности сдачи Сталиным Москвы. Мол, сдал же Москву Кутузов Наполеону, а затем победил. При этом авторы подобных допущений "забывали", что тогда столицей России был Петербург. Сталин знал то, что многие другие не знали, а именно то, что в случае захвата гитлеровцами Москвы против Советского Союза на Востоке немедленно выступает милитаристская Япония, а на юге -- Турция, для СССР война сразу на двух, а то и на трех фронтах, без преувеличения, тогда грозила катастрофой.

А вот что свидетельствует такой авторитет, как Г.К.Жуков. Выступая в день своего 70-летия в Институте истории Академии наук СССР в 1966 году, он сказал, что ему иногда задают вопрос: как чувствовал себя Сталин в тревожный момент, когда враг подошел к столице, где находился в процессе битвы за Москву? "Надо сказать, -- отмечал Г.К.Жуков -- что Сталин был серьезно встревожен создавшейся обстановкой в октябре месяце, особенно в период 7-25 октября. А когда нам удалось организовать оборону на линии Волоколамск -- Можайск -- Тула и удалось остановить наступающие части противника, Сталин был уверен в том, что врагу не удастся взять Москву, и он не покидал Москвы в процессе всего сражения и всей войны. Эта уверенность Государственного Комитета Обороны, который возглавлял Сталин, была продемонстрирована, как вам известно, парадами войск 7 ноября в Москве, Куйбышеве и в других районах" (Живая память. Ветераны войны и труда: верность Отечеству. 1945-1997. М., 1997, с.13).

Кое-кто договаривается даже до того, что ни военного парада 7 ноября 1941 года, ни Сталина во время парада на Мавзолее Ленина не было. Был, мол, просто смотр войск, отправлявшихся на защиту столицы, на Зубовской площади. Все остальное якобы смонтировано на кинопленку для показа массам, чтобы убедить их в реальном присутствии Сталина в Москве.

Несмотря на близость фронта, 6 ноября 1941 года по традиции состоялось торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. С докладом на заседании выступил Сталин. Он сказал, что война стала поворотным пунктом в развитии нашей страны, заставила перестроить всю нашу работу на военный лад. Война превратила нашу страну в единый и всеобъемлющий тыл, обслуживающий фронт, обслуживающий нашу Красную Армию, наш Военно-Морской Флот. Период мирного строительства кончился. Начался период освободительной войны с немецкими захватчиками. Сталин раскрыл первоочередные задачи великой освободительной войны за честь и свободу нашей Родины.

7 ноября состоялся парад войск. Свидетели этого исторического парада вспоминают, как они торжественным маршем прошли по убеленной снегом Красной площади мимо Мавзолея Ленина, где на трибуне стояли Сталин, другие руководители партии и правительства.

В 8 восемь часов с последним ударом кремлевских курантов из ворот Спасской башни верхом на коне выехал Маршал Советского Союза С.М.Буденный. Генерал-лейтенант П.А.Артемьев доложил о готовности войск к параду по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Буденный объехал строй, поздравляя воинов с великим праздником. Фанфары проиграли сигнал "слушайте все!". Затем Сталин спокойным, размеренным голосом произнес речь, которую закончил призывом:

"За полный разгром немецких захватчиков! Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина -- вперед, к победе!"

После торжественного марша войска уходили на фронт. Все 1418 военных дней Москва оставалась в сознании нашего народа символом непобедимости Отчизны, символом грядущей Победы. Весь мир смотрел с надеждой на Москву, веря в освобождение от фашистской тирании.

В битве под Москвой гитлеровская Германия потерпела первое масштабное поражение. Стало ясно, что изменился ход войны, что фашизм будет разбит. Нельзя не согласиться с мнением известного историка Ю.А.Полякова, высказанным в статье "Почему мы победили?" о том, что "... без сталинского авторитета в то время, без жесткой требовательности и дисциплины вряд ли удалось бы в условиях тяжелейших поражений, потерь, неудач удержать от развала государственную машину и всю страну. Это практическая сторона. Но есть и другая -- психологическая. В военных условиях важен был Сталин как организатор, в руках которого сосредоточивались все бразды правления, а держал он их достаточно твердо. Однако не менее важен был Сталин как символ незыблемости государственной власти, твердости руководства, уверенности в победе, решимости одолеть врага, единства различных народов и различных слоев народа. Каждый, кто знаком с обстановкой первых месяцев войны, не станет отрицать значение выступлений Сталина 6 и 7 ноября 1941 года" ("Свободная мысль". 1994, №11, с.74).

Ставка Верховного Главнокомандования, Сталин срочными мерами создали устойчивый фронт под Ленинградом. Была увеличена глубина обороны города за счет развертывания резервных армий на тыловых оборонительных рубежах. В Ленинград был направлен Г.К.Жуков. Еще в начале обороны города Сталин в письме к Жданову предписывал ни в коем случае не сдавать Ленинград, сообщая при этом, что фашисты готовятся, захватив его, создать там марионеточное правительство, затем обратиться к народу с призывом выступить против Советской власти. Тогда нам, подчеркивал Сталин, будет труднее. Планы фашистов были сорваны. Блокада Ленинграда, продолжавшаяся 900 дней, была прорвана.

Вопрос о стойкости советского руководства, способности нашего народа продолжать борьбу в тяжелейших условиях, сложившихся в начале Великой Отечественной войны, приобрел острейший международный характер. Он был напрямую связан с перспективой ее развития, с возможностью сокрушить натиск фашистской Германии и ее сателлитов. Поражение Советского Союза проложило бы путь к победе фашизма, к установлению мирового господства Германии, резко изменило бы ход мировой истории, грозило истреблением и порабощением сотен миллионов людей. Перспектива такого развития событий нависала страшной угрозой над человечеством. Поэтому миллионы людей связывали свои надежды именно с борьбой Советского Союза, с решимостью Сталина, его волей продолжать борьбу. Его позиции в этом вопросе придавалось огромное значение.

Руководящие круги во всех государствах мира следили за обстановкой, которая складывалась в Кремле, способна ли Красная Армия противостоять вермахту, не рухнет ли она под его ударами, как это произошло со многими армиями европейских стран.

Огромное внимание уделял этому вопросу и президент США Ф.Рузвельт. С целью узнать обстановку на месте, выяснить позицию советского руководства и лично Сталина он в конце июля 1941 года посылает в СССР своего ближайшего советника и сотрудника Г.Гопкинса. Вот как писал об этом решении Рузвельта в сентябре 1941 года американский журнал "Лайф": "Официальной задачей визита Гопкинса было спросить у Сталина, что ему более всего необходимо от Соединенных Штатов, как долго он думает воевать и что он будет делать, если Япония станет более дерзкой. Но наиважнейшее поручение, данное Рузвельтом Гопкинсу, было -- разнюхать, каковы решимость и возможности советских военных сил, возглавляемых Сталиным" ("Завтра". 1997, №21).

29 июля Гопкинса принял Сталин. В отчете Рузвельту из Москвы Гопкинс со всей определенностью и убежденностью писал: "Я очень уверен в отношении этого фронта ... Здесь существует безусловная решимость победить" (С.Н.Семенов, В.И.Кардашев. "Иосиф Сталин: жизнь и наследие". М., 1997, с.296, 297). Мужеству Сталина многим обязано человечество.

Так обстояло дело в 1941 году. Но спустя полвека иную позицию в этом вопросе занимают некоторые "демократические" историки. Они выступают страстными сторонниками капитуляции нашей страны перед Германией. Те же Мерцаловы в книге "Иной Жуков", касаясь событий начала Великой

Отечественной войны и выступления Сталина 3 июля, пишут: "Была ли альтернатива самому простому из всех "простых решений"? По крайней мере следует изучить, нужно ли было властям апеллировать к инстинктам граждан, а не к их сознанию, можно ли было воспользоваться готовностью влиятельных кругов Германии к миру с СССР в августе-сентябре 1941 г.". Нужно подчеркнуть, что в своей позиции капитулянтства Мерцаловы у нас в стране не одиноки. Еще более откровенен другой "светоч" демократии. Он пишет: "Лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР. А еще лучше бы -- в 1941-м!" (См. "Советская Россия". 1997, 8 апреля).

Так пишут современные "демократы".

А вот что писал великий советский композитор Д.Шостакович в письме, напечатанном в "Известиях" 4 июля 1941 года:

"Вчера я подал заявление о зачислении меня добровольцем в народную армию по уничтожению фашизма ... Я иду защищать свою страну и готов не щадя ни жизни, ни сил выполнить любое задание, которое мне поручат. И если понадобится, то в любой момент с оружием в руках или с заостренным творческим пером я отдам всего себя для защиты нашей великой Родины, для разгрома врага, для нашей победы" (См. "Завтра". 1997, №14).

Это были чувства, охватившие миллионы советских людей -- от рядовых тружеников до гения.

Предлагая капитуляцию, мерцаловы, минкины и им подобные пишут о том времени, когда захваченная врагом территория страны была покрыта тысячами виселиц, десятки тысяч наших людей были расстреляны и гнили в рвах массовых захоронений, когда десятки тысяч пленных советских солдат подвергались истреблению и неслыханным издевательствам. Такой трактовкой проблемы подобные авторы осуждают и героическое сопротивление народов Европы, поднявшихся на борьбу с немецкими захватчиками. Даже самые горячие поклонники Гитлера в самой Германии воздерживаются от публичной декларации подобных "соображений".

"Демократические" толкователи истории не хотят признать (или делают вид, что не знают) азбучную истину: война -- двухсторонний процесс. "Забывают", с **каким** врагом нам пришлось вести войну. Что в его планах важнейшее место отводилось **тотальным** методам ее ведения, массовым зверствам в отношении к красноармейцам и мирному населению, подавлению ужасом их воли к сопротивлению. Что планировалось уничтожение десятков миллионов советских людей в "фабриках смерти" и превращение оставшихся в немецких рабов. Речь шла о судьбе нашей страны -- быть ей или не быть.

О какой готовности "влиятельных кругов в Германии" к миру с СССР в августе-сентябре 1941 года пишут авторы? Что, они не знают, каким упоением побед на Востоке были охвачены правящие круги фашистской Германии? Им что, неизвестно, что такой видный представитель немецких военных кругов, как начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Ф.Гальдер, захлебываясь от восторга, писал в своем дневнике 3 июля 1941 года: "Задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена ... поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней". 8 июля 1941 года его новая запись в дневнике: "Непоколебимо решение фюрера сравнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов ... Это будет "народное бедствие", которое лишит центров не только большевизм, но и московитов (русских) вообще" (Ф.Гальдер. Военный дневник. Т.3, Кн.1. 1971, с.79, 101).

На каких условиях в этой обстановке наша страна могла пойти на капитуляцию? Что, мерцаловы и минкины не знают, какую участь готовил советскому народу Гитлер, разработчики плана войны против СССР, не знают о существовании плана "Ост", им неизвестны тысячи документов Нюрнбергского процесса? Десятки миллионов советских людей были обречены на истребление, а остальные на роль рабов немецких хозяев "тысячелетнего рейха". Трудно поверить в такую дремучую неосведомленность людей, лишивших себя исторической памяти. Но содержание подобных писаний, желают того или нет их авторы, подводит к выводу, что для них приемлема уготовленная гитлеровцами участь народам нашей страны.

Фальсификацией является и отрицание за великой Отечественной войной Советского Союза 1941-1945 годов характера **Великой Отечественной** войны **Советского Союза.**

Так, А.И.Солженицын в своих работах, в том числе в трехтомной "Публицистике" и других, Великую Отечественную войну Советского Союза 1941-1945 годов не называет ни **Великой,** ни **Отечественной,** она для него просто "советско-германская война" или что-то подобное. Больше того, он так заявляет о нашей победе над гитлеровской Германией: "Я еще не понимал (в войну), что нашими победами мы, в общем, роем себе тоже могилу, что мы укрепляем сталинскую тиранию еще на следующие тридцать лет". Называть Великую Отечественную войну "советско-германской войной" -- значит извращать причины, характер и последствия Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 годов.

Для историка Ю.Н.Афанасьева Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 годов не более, чем **другая** война. Но Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 годов была не просто одной из войн XX столетия, это была война советского народа в защиту завоеваний Великой социалистической революции и социализма в Советском Союзе. Не понимать этого -- значит также извращать причины и природу Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 годов.

Немало и таких авторов, которые по разным причинам боятся сказать, что Великая Отечественная война 1941-1945 годов была войной **Советского Союза** против немецко-фашистской Германии. Но в 1941-1945 годах страна называлась СССР, Советским Союзом, Советской Россией. здесь всякое замалчивание, какая-либо стыдливость, любые попытки переиначить исторический факт существования СССР больше, нежели историческая беспамятность.

Как известно, гитлеровское руководство фашистской Германии предполагало поэтапно достигнуть завоевания мирового господства. Первым этапом на пути к мировому господству фашистская Германия считала завоевание Европы. Ею были сравнительно быстро покорены 12 европейских государств, в их числе такие крупные как Франция, Польша, Чехословакия. И хотя не была покорена Англия, фашистское руководство Германии считало, что первый этап своего плана завоевания мирового господства оно выполнило, второй, по их мнению решающий, этап на пути к мировому господству -- это разгром СССР, захват его природных ресурсов, покорение советского народа и превращение его в германских рабов. Оно начало его с тщательной подготовки нападения 22 июня 1941 года на Советский Союз. Лишь после разгрома СССР фашистское руководство Германии надеялось наконец захватить Англию, нанести поражение США и, таким образом, на этом, третьем этапе, завершить установление своего безраздельного господства на всех континентах. Гитлер заявлял, что Германия будет подлинной Германией только тогда, когда она станет владеть всей Европой, миром в целом, до этого немецкий народ "будет лишь прозябать", "наша миссия заключается в том, чтобы подчинить другие народы. Германский народ призван дать миру новый класс господ".

Отсюда ясно, что Великая Отечественная война была не просто отражением немецко-фашистской агрессии против Советского Союза. Она носила отчетливо выраженный классовый характер, ибо была войной против ударного отряда мирового империализма, войной в защиту социализма, другими словами, решала важную геополитическую задачу -- спасение мира от фашистской чумы.

Уже в самом начале войны И.В.Сталин четко определил ее характер, природу и цели в обращении по радио к советскому народу 3 июля 1941 года. Он назвал войну Отечественной войной, сказал, что войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной, что это война не только между двумя армиями, а великая война всего советского парода против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной войны против фашистских угнетателей является ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, освобождение временно захваченной врагом территории Советского Союза, а также помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма.

С отрицанием за Великой Отечественной волной характера всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков связано и принижение героического, самоотверженного подвига советских воинов, партизан, тружеников тыла. Только потерявшие совесть авторы могут писать о "придуманных Матросовых", "глупеньких Зоях", "приукрашенных Пашах", соревноваться в издевательских кличках людям высокой чести и гордости всего народа. Подвигу Александра Матросова, Зои Космодемьянской,

Паши Ангелиной и другим героям большое значение придавал И.В.Сталин. Он отмечал, что "Отечественная война рождает у нас тысячи героев и героинь, готовых идти на смерть ради свободы своей Родины" (И.Сталин. "О Великой Отечественной войне Советского Союза". М., 1950, с.82-83).

В кампании против И.В.Сталина недобросовестные авторы не обходят и судьбу его сыновей.

По-разному сложилась судьба ушедших на фронт двух сыновей И.В.Сталина и его приемного сына.

Своего старшего сына Якова Джугашвили 22 июня 1941 года И.В.Сталин напутствовал словами: "Иди и сражайся!" В бою под Витебском 16 июля 1941 года после тяжелой контузии Яков Иосифович был пленен фашистами. Своего настоящего имени не открывал, но кем-то был выдан.

По одним сведениям из сообщений фашистского радио, по другим -- от Вильгельма Пика И.В.Сталин узнал, что Яков Иосифович попал в плен. Г.К.Жуков рассказывает, что во время прогулки Иосиф Виссарионович задумчиво произнес: "Не выбраться Якову из плена. Расстреляют его фашисты. По наведенным справкам, держат они его изолированно от других военнопленных и агитируют за измену Родине". Помолчав с минуту, твердо добавил: "Нет, Яков предпочтет любую смерть измене Родине".

И.В.Сталин отверг предложения нацистов обменять сына на фельдмаршала Паулюса. Председателю шведского Красного Креста И.В.Сталин ответил решительно: "Солдата на фельдмаршала не меняю. Там все мои сыны". Не поменял, чтобы народ видел, что не только его, но и других отцов и матерей сыновья погибают, попадают в плен. Ради веры народа в Сталина не сделал этого.

Яков Иосифович Джугашвили мужественно перенес все ужасы многочисленных гитлеровских концлагерей -- Хаммельбурга, Любека, Заксенхаузена. Ни психологические обработки и жестокие допросы, ни льстивые обещания фашистов не сломили его. Бывшие узники концлагерей в один голос говорят о достойном поведении Я.И.Джугашвили в немецком плену, что он, как мог, оказывал сопротивление фашистам, всякий раз выступал в защиту своей страны и был твердо убежден, что русские победят в войне. Я.И.Джугашвили погиб мученической смертью 14 апреля 1943 года.

От старшего лейтенанта артиллерии Якова Иосифовича Джугашвили на Родину дошла лишь одна весточка: "Если не придется увидеть уже своей Родины, прошу заявить моему отцу Иосифу Виссарионовичу Сталину, что я никогда его не предавал, а то, что сфабриковала гитлеровская пропаганда, является явной ложью. Яков Джугашвили".

В 1977 году по ходатайству многих лиц Яков Иосифович Джугашвили был награжден орденом Отечественной войны 1 степени (посмертно). Орден передан на хранение его дочери Галине Яковлевне Джугашвили.

В первые же дни войны был мобилизован и младший сын И.В.Сталина -- Василий. Летчик Василий Сталин храбро сражался с фашистами, совершил несколько десятков боевых вылетов, участвовал в сражениях с гитлеровскими асами. Однако обстановка лести и попустительства вышестоящего начальства избаловала его. Он начал увлекаться застольями, рукоприкладством к подчиненным, грубо относиться к отдельным офицерам. Узнав от Берии о пьяных выходках Василия, Сталин немедля продиктовал приказ:

"Командующему ВВС Красной Армии

Маршалу авиации тов. Новикову

Приказываю:

1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка полковника Сталина В.И. и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.

2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк.

3. Исполнение донести.

Народный комиссар обороны *И.Сталин*".

26 мая 1943 г.

("Иосиф Сталин в объятиях семьи". М.: 1993, с.91-92).

Это был суровый урок. Уже в марте 1944 года В.И.Сталина утвердили в должности командира истребительной авиационной дивизии, правда, оставив в звании полковника. В том же году дивизия полковника В.И.Сталина трижды отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего, а в победном 1945 году -- за прорыв обороны немцев и наступление на Берлин и за овладение фашистской столицей. Он был награжден боевыми орденами.

После войны В.И.Сталин, хотя и командовал корпусом, оставался полковником, хотя полагалось звание генерала. Лишь приказом министра обороны Н.А.Булганина В.И.Сталину было присвоено звание генерал-лейтенанта. Но это произошло после смерти И.В.Сталина. Между прочим, Н.С.Хрущев запретил генералу В.И.Сталину носить фамилию отца: он был просто генералом Васильевым. Кстати, такой фамилией Верховный Главнокомандующий подписывал секретные шифрограммы во время Отечественной войны.

Приемный сын И.В.Сталина -- Артем, сын известного большевика, партийного и советского государственного деятеля Артема-Сергеева Ф.А. Как и Яков, Артем еще до войны стал артиллеристом. "Отец, -- впоследствии говорил Артем за себя и за Василия, -- использовал единственную привилегию -- позвонил в военкомат, чтобы нас мобилизовали первыми". Артем был несколько раз ранен, вышел из окружения. С честью пройдя всю войну, Артем Федорович Сергеев стал генералом.

Так что по линии детей никто не сможет скомпрометировать И.В.Сталина. Его чести они не уронили.

Одним словом, все сказанное выше убеждает, что из всех выдающихся военных и государственных деятелей Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, увенчавших славой наше Отечество, наибольшей клевете перед лицом потомства незаслуженно подвергся его Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин. Ныне эта своего рода сталинофобия приобрела чудовищный размах и продолжает бушевать на страницах массовой печати, в передачах электронных средств пропаганды да и в "солидных" изданиях. Вся ее фальшь и преднамеренность становятся очевидными при знакомстве с полководческой и государственной деятельностью И.В.Сталина.

МАСШТАБ И ОБЪЕМ РАБОТЫ СТАЛИНА

С первых часов Великой Отечественной войны И.В.Сталин держал в руках управление страной, фронтом и тылом. Он взял на себя тяжелейший груз личной ответственности за ход и исход войны, судьбу страны, народа и армии. Он отдал все свои силы, всю свою волю и весь свой талант великому делу спасения Отечества, защиты его чести, свободы и независимости, завоеванию победы над фашизмом. Его деятельность во время войны изо дня в день была огромной по масштабам и охватывала широчайший круг сложнейших проблем -- военного, экономического, политического, социального, идеологического, дипломатического, внешнеполитического и многих других важнейших направлений.

В архиве Центрального Комитета КПСС сохранились тетради записи лиц, принятых И.В.Сталиным с вечера 21 июня по 28 июня 1941 года, сделанные дежурными в его приемной. В тетрадях буквально по часам и минутам, день за днем отражено, кого он принимал, с кем работал и сколько времени. Эти документы дают многое для понимания деятельности Сталина в первые дни войны, о ее масштабах, вопросах и проблемах, которыми он занимался в то время, о значимости его деятельности для страны, для организации отпора фашистскому агрессору. Эти документы были опубликованы в журнале "Известия ЦК КПСС" в июне 1990 года (№6, с.216-220). Узнай их враг в 1941 году, он имел бы полное представление о том, что в сталинском кабинете в Кремле постоянно собирались члены Политбюро ЦК ВКП(б), высшие партийные и государственные деятели, крупные военачальники и видные хозяйственные руководители, как они вырабатывали политику воюющего государства, определяли первоочередные и долговременные задачи, стоящие перед советским народом и Красной Армией.

Так, согласно записи в тетради посещений, 21 июня, будучи тяжело больным, Сталин принял и по нескольку часов работал с Молотовым, Ворошиловым, Маленковым, Тимошенко, Жуковым, Буденным, Берией и другими руководящими деятелями. Мы уже писали, что рабочий день Сталина 22 июня, когда разразилась Отечественная война, начался в 3 часа 30 минут ночи. Он провел заседание Политбюро, подписал первоочередные документы по мобилизации сил страны на отпор агрессору, по укреплению связи тыла и фронта. Кроме того, им были приняты за день 29 руководителей центральных политических, военных, хозяйственных и международных органов. При этом некоторые встречались с ним неоднократно. Со Сталиным работали Молотов, Тимошенко, Жуков, Кузнецов Н.Г., Шапошников, Ватутин, Маленков, Микоян, Каганович Л.М., Ворошилов, Мехлис, Вышинский, Димитров, Мануильский, Кулик и другие.

23 июня с 3 часов 20 минут ночи в Кремле Сталин работал с Молотовым. До 6 часов 25 минут он работал с Ворошиловым, Тимошенко, Ватутиным, Кузнецовым Н.Г., Жигаревым и другими товарищами. Встречи и работа с вызванными лицами в тот день была продолжена Сталиным в 18 часов 45 минут и длилась до 1 часа 25 минут ночи уже 24 июня. Всего были приняты 21 человек.

24 июня с 16 часов 20 минут до 21 часа 30 минут Сталин принял 20 партийных, государственных, военных и хозяйственных работников. 25 июня с 1 часа 00 минут до 5 часов 50 минут принял 11 ответственных работников и с 19 часов 40 минут до 1 часа 00 минут ночи уже 26 июня еще 18 ответственных работников. 26 июня с 12 часов 10 минут до 23 часов 20 минут принял 28 партийных, государственных и военных деятелей. 27 июня с 16 часов 30 минут до 2 часов 40 минут ночи 28 июня принял 30 деятелей партии и государства, военачальников и хозяйственных руководителей. 28 июня с 19 часов 35 минут принял 21 партийного, государственного и военного работника. Последние посетители ушли от Сталина в 00 часов 50 минут ночи 29 июня.

В таком напряженном ритме работа шла день за днем, долгие месяцы и годы войны. И необходимо было сохранять спокойствие, железную выдержку, избегать суетливости в работе, воодушевлять своей целеустремленностью и энергией других. По свидетельству очевидцев, работавших со Сталиным, это удавалось ему с первых же часов войны.

В свете этих фактов бесстыдно и убого выглядит ложь о растерянности Сталина в первые часы и дни войны. Но ее упорно продолжают воспроизводить и тиражировать недобросовестные авторы. Например, Э.С.Радзинский, выступая по телевидению вечером 13 марта и утром 14 марта 1997 года, утверждал с присущей ему плутовской ухмылочкой, что с началом войны "Сталин бежал из Кремля ... Я

проверил по журналу посетителей. Все так: целых три дня Сталин отсутствовал в своем кабинете" (Цит. по газ. "Завтра". 1997, №14). Но тетради посещений, как было показано выше, изобличают подобное измышление.

С так называемой растерянностью Сталина в самом начале войны связана и другая лицемерная легенда -- будто бы Сталин предложил Гитлеру прекратить начавшиеся военные действия взамен получения Прибалтики, Молдавии, значительной части Украины, Белоруссии и других советских территорий. Для раскручивания этой клеветы много потрудился генерал-лжеисторик Д.А.Волкогонов. Он пытался для подкрепления своей лжи привлечь показания Берии, якобы сделанные во время процесса над ним, воспоминания маршала К.С.Москаленко. Но при всем этом вынужден был оговориться, что сообщает это, хотя "в достоверности ... у меня не было и нет полной уверенности, но вероятность которого (то есть этого. -- авт.) отрицать нельзя" (Д.А.Волкогонов. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. Кн.2. М., 1990, с.172).

В последние годы эта мерзкая ложь вновь загуляла по страницам демократической печати. Немало для ее раскручивания сделал историк В.А.Анфилов. И все это при том, что уже в первые часы и дни войны Сталин показал необычайную выдержку, твердость духа, несгибаемую уверенность в победе советского народа над фашистским агрессором.

Занимавшийся тайными операциями за рубежом во время войны генерал П.А.Судоплатов пишет: "Однако в своих мемуарах Хрущев, знавший обо всех этих деталях, все-таки предпочел придерживаться прежней версии, что Берия вел переговоры с Гитлером о сепаратном мире, вызванные паникой Сталина. На мой взгляд, Сталин и все руководство чувствовали, что попытка заключить сепаратный мир в этой беспрецедентно тяжелой войне автоматически лишила бы их власти. Не говоря уже об их подлинно патриотических чувствах, в чем я совершенно уверен, любая форма мирного соглашения являлась для них неприемлемой. Как опытные политики и руководители великой державы, они нередко использовали в своих целях поступавшие к ним разведданные для зондажных акций, а также для шантажа конкурентов и даже союзников" (П.А.Судоплатов. Разведка и Кремль. М., 1997, с.176).

Во имя победы над фашистской Германией, признавал даже Волкогонов, по 14-16 часов ежедневно трудился Сталин, находясь у себя в кабинете, рассматривая "множество самых различных оперативных, кадровых, технических, разведывательных, военно-экономических, дипломатических, политических вопросов. Тысячи документов, на которых стоит подпись Сталина, приводили в движение огромные массы людей" (Д.А.Волкогонов. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. Кн.2. М., 1990, с.285). Уже одно это опровергает запущенную им версию о сепаратном мире.

И еще из той же книги: "В годы войны он практически не сидел за письменным столом. Дело в том, что в течение дня у Сталина проходили пять-семь заседаний и совещаний -- ГКО, Ставки, с наркоматами, членами ЦК партии, работниками Штаба партизанского движения, руководителями разведки, конструкторами и т.д. Рассаживались за длинным столом, нередко только заканчивалось одно заседание, как Поскребышев впускал другую группу товарищей. "Конвейер" стал работать медленнее лишь в 1944 и 1945 годах, когда для всех стало ясно, что разгром оккупантов -- дело времени" (Д.А.Волкогонов. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. Кн.2. М., 1990, с.340).

Это же отмечают и многие буржуазные историки, подчеркивая, что Сталину удалось справляться с гигантским объемом работы, обрушившимся на его плечи в годы войны. Так, историк Г.Городецкий пишет: "Почти никто не отрицает, что работа Генштаба, Коминтерна, Центрального Комитета и наркоминдел сводилась воедино в Кремле. Хотя наверху допускалась относительная свобода мнений, учитывались различные альтернативные предложения, окончательной, последней инстанцией всегда был Сталин. С середины мая 1941 года Сталин даже формально стал первым человеком страны, заняв пост председателя Совета Народных Комиссаров; в этой должности он осуществлял всестороннее руководство как в военных, так и в дипломатических вопросах" (Г.Городецкий. Миф "Ледокола": Накануне войны. М., 1995, с.12).

Объем работы И.В.Сталина был таким, что, казалось, превосходит человеческие возможности. В создавшейся критической обстановке он сосредоточил все властные функции. Руководство тяжелейшей

войной требовало предельной концентрации власти, сосредоточения всех усилий, всех ресурсов государства на завоевание Победы.

Известно, что сосредоточение власти в одних руках является важнейшим условием успешного ведения войны. Но в современной войне, с ее гигантскими масштабами, напряженностью и динамичностью боевых действий, это считалось почти недостижимым, превосходящим человеческие возможности. Главнокомандующий сухопутными войсками Германии генерал Фрич в 1937 году писал: "Даже гению стало не под силу охватить во всех деталях совокупность политического и военного руководства, одновременно управлять государством и командовать армией" (В.И.Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Т.1, М., 1973, с.145).

Роль Сталина в Великой Отечественной войне трудно переоценить, В его руках были сосредоточены решающие рычаги власти в стране. Он был Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), Председателем Совета Народных Комиссаров СССР и народным комиссаром обороны. С началом войны Сталин становится председателем Государственного Комитета Обороны (ГКО). Государственный Комитет Обороны являлся чрезвычайным высшим государственным органом в СССР. В годы войны в нем была сосредоточена вся полнота власти. ГКО руководил деятельностью всех государственных ведомств, направляя их усилия на всемерное использование материальных, духовных и военных возможностей государства, руководил перестройкой народного хозяйства и жизни страны на военные рельсы, мобилизацией ресурсов СССР для ведения войны, устанавливая объем и сроки поставок промышленностью военной продукции, совершенствовал структуру Красной Армии, расставляя руководящие кадры, определял военно-политические задачи Вооруженных Сил и характер их стратегического применения. Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования.

О том, как руководил работой Государственного Комитета Обороны Сталин, оставил воспоминания Г.К.Жуков. После войны он писал: "Очень часто на заседаниях ГКО вспыхивали острые споры, при этом мнения высказывались определенно и резко. Сталин обычно расхаживал около стола, внимательно слушая спорящих. Сам он был немногословен и многословия других не любил, часто останавливал говоривших репликами "короче!", "яснее!"". Заседания открывал без вводных, вступительных слов. Говорил тихо, свободно, только по существу вопроса. Был лаконичен, формулировал мысли ясно.

Если на заседании ГКО к единому мнению не приходили, тут же создавалась комиссия из представителей крайних сторон, которой и поручалось доложить согласованные предложения. Так было, если у И.В.Сталина еще не было своего твердого мнения. Если же Сталин приходил на заседание с готовым решением, то споры либо не возникали, либо быстро затухали, когда он присоединялся к одной стороне" (С.Н.Семенов, В.И.Кардашов. Иосиф Сталин: жизнь и наследие. М., 1997, с.243).

В первые же недели войны Сталин назначается председателем Ставки Верховного Главнокомандования и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. В руководстве военными действиями Ставке принадлежала исключительно важная роль. Именно в Ставке анализировались изменения, происходившие в развитии военно-политической и стратегической обстановки на фронте, разрабатывались важнейшие стратегические и оперативные планы и решения по созданию группировок войск, координировались действия фронтов, направлялась деятельность партизан и т.д. Огромная работа проводилась Ставкой по формированию и подготовке стратегических резервов, материально-техническому обеспечению Вооруженных Сил страны.

Вот как оценивается объем и направления работы советского стратегического руководства, Ставки Верховного Главнокомандования в годы Великой Отечественной войны на страницах 12-томной "Истории второй мировой войны": "Предметом особой заботы стратегического руководства в ходе войны было непосредственное управление войсками, практическая организация выполнения принятых решений. В ходе проведения кампаний и стратегических операций Ставка тщательно следила за обстановкой, своевременно и оперативно реагировала на ее изменения, при необходимости перенацеливала войска с одного направления на другое, усиливала фронты стратегическими резервами, уточняла или ставила новые задачи на ведение боевых действий, контролировала выполнение отданных приказов и указаний. Большое место в работе Ставки ВГК и Генерального штаба занимало согласование

усилий фронтов с объединениями и соединениями видов Вооружённых Сил и родов войск. Ставка назначала и, в зависимости от обстановки, изменяла разграничительные линии между фронтами, создавала новые, разукрупняла или расформировывала старые фронты, своевременно вводила в сражение стратегические резервы, координировала действия фронтов при проведении частных фронтовых наступательных операций и контрударов, привлекала для нанесения ударов авиацию с других направлений или из Резерва ВГК.

Практическое выполнение всех важнейших стратегических решений контролировалось как Генеральным штабом, так и непосредственно Ставкой ВГК. Контроль осуществлялся путем анализа поступавшей информации, прямых переговоров Верховного Главнокомандующего и членов Ставки с командующими войсками фронтов (флотами, армиями), выезда представителей Ставки ВГК, генералов и офицеров Генерального штаба в войска. Осуществление строгого контроля позволяло стратегическому руководству своевременно принимать меры по устранению возникавших трудностей, выявлять насущные нужды войск, характер и размеры необходимой им помощи, а также проверять достоверность информации об обстановке, положении и состоянии войск, реальность отдаваемых приказов и распоряжений (История второй мировой войны. М., 1982. Т.12, с.336).

Многочисленные документы и свидетельства людей, работавших со Сталиным, показывают, что он с величайшей энергией и настойчивостью стремился к тому, чтобы получить максимум исчерпывающих данных о состоянии сил противника, его военно-экономическом потенциале, замыслах, о театре военных действий и т.п. Именно опираясь на такой объем сведений, он подходил к планированию войны, ее кампаний и стратегических операций.

Распорядок работы Ставки был круглосуточным. Он определялся прежде всего рабочим временем самого Сталина, который трудился по 12-16 часов в сутки, как правило, в вечернее и ночное время. Начальники Генерального штаба, почти ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки встречались со Сталиным. Так Б.М.Шапошников во вторую половину 1941 года и до мая 1942 года был у Верховного Главнокомандующего 98 раз, Г.К.Жуков за 1 месяц и 7 дней встречался со Сталиным 16 раз, А.М.Василевский за более чем тридцатимесячный период работы в должности начальника Генерального штаба -- 199 раз, А.И.Антонов, оставаясь за Василевского, со Сталиным встречался 238 раз. Кроме этого, Сталин работал со вторыми и даже третьими должностными лицами Генерального штаба. ("Военно-исторический журнал". 1995, №3, с.20).

И еще одно авторитетное свидетельство, как Сталин повседневно руководил боевыми действиями войск на фронтах Отечественной войны. Маршал Василевский отмечал, что он и Жуков, когда выезжали на фронт как представители Ставки, то ежедневно, а часто и по нескольку раз в сутки вели переговоры с Верховным Главнокомандующим. "Касаясь вопросов связи со Сталиным, не преувеличу, если скажу, -- писал Александр Михайлович, -- что начиная с весны 1942 года и в последующее время войны, я не имел с ним телефонных разговоров лишь в дни выезда его в первых числах августа 1943 года на встречи с командующими войсками Западного и Калининского фронтов и в дни его пребывания на Тегеранской конференции глав правительств трех держав (с последних чисел ноября по 2 декабря 1943 года)" (А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1975, с.523).

По напряженности и целеустремленности работы, жесткости контроля за исполнением, воздействию на ход вооруженной борьбы, координации усилий видов и родов войск, по всем этим показателям Ставка Верховного Главнокомандования в Великой Отечественной войне намного превосходила российскую императорскую Ставку первой мировой войны.

Ставке под руководством Сталина пришлось решать неизмеримо более сложные задачи. Советский Союз вступил в войну в крайне неблагоприятной международной обстановке. В ходе первой мировой войны значительная часть войск Германии действовала на Западном фронте. На протяжении большей части Великой Отечественной войны (для нас самой тяжелой) второго фронта в Европе вообще не было. Основная часть сил вермахта и войск союзников Германии была сосредоточена против Советского Союза. Над нашими дальневосточными рубежами нависала угроза японского вторжения, и значительную часть сил Советской Армии приходилось держать там. Весьма сложными на протяжении всей войны оставались наши союзнические отношения с Англией и США.

Г.К.Жуков для второго издания книги "Воспоминания и размышления" написал отдельную главу о Ставке -- "Ставка Верховного Главнокомандования", в которой дал глубокий и объективный анализ этого жизненно важного командного пункта руководства войной. Приведем несколько выдержек из этой главы.

"Ставка, -- писал он, -- руководила всеми действиями военными вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, производила наращивание стратегических усилий в ходе борьбы за счет резервов и использования сил партизанского движения, Рабочим ее органом ... являлся Генеральный штаб.

Новые формы и способы ведения войны, естественно, потребовали организационной перестройки управления войсками. В результате проведенных мер Генштаб был освобожден от ряда функций, которые были переданы другим управлениям. Своей деятельностью Генштаб охватывал все виды вооруженных сил и родов войск -- сухопутные, флот, авиацию и т.д. Главное внимание его сосредоточивалось на оперативно-стратегических вопросах, всестороннем и глубоком изучении обстановки, на анализе и обеспечении решений Ставки Верховного Главнокомандования в организационном отношении ...

Ставке пришлось ... руководить действиями большого количества фронтов, развернутых на огромном пространстве. Это неминуемо было связано со значительными трудностями, особенно в области согласования усилий войск нескольких фронтов, действующих рядом. Начались поиски новых методов управления, которые в конечном итоге привели к возникновению эффективной формы непосредственного влияния стратегического руководства на деятельность фронтов. Так появился весьма своеобразный институт стратегического руководства -- представители Ставки Верховного Главнокомандования, которые направлялись на важнейшие участки ...

Ставка Верховного Главнокомандования была коллективным органом руководства боевыми действиями вооруженных сил. В основе ее работы лежало разумное сочетание коллегиальности с единоначалием. Во всех случаях право принятия окончательного решения оставалось за Верховным Главнокомандующим.

Замыслы и планы стратегических операций и кампаний разрабатывались в рабочем аппарате Ставки -- в Генеральном штабе с участием некоторых членов Ставки. Этому предшествовала большая работа в Политбюро и Государственном Комитете Обороны. Обсуждалась международная обстановка на данном отрезке времени, изучались потенциальные политические и военные возможности воюющих государств. Только после исследования и обсуждения всех общих вопросов делались прогнозы политического и военного характера. В результате всей этой сложной работы определялась политическая и военная стратегия, которой руководствовалась Ставка Верховного Главнокомандования.

При разработке очередной операции И.В.Сталин обычно вызывал начальника Генерального штаба и его заместителя и кропотливо вместе с ними рассматривал оперативно-стратегическую обстановку на всем советско-германском фронте: состояние войск фронтов, данные всех видов разведки и ход подготовки резервов всех родов войск.

Потом в Ставку вызывались начальник тыла Красной Армии, командующие различными родами войск и начальники главных управлений наркомата обороны, которым предстояло практически обеспечивать данную операцию.

Затем Верховный Главнокомандующий, заместитель Верховного и начальник Генштаба обсуждали оперативно-стратегические возможности наших войск. Начальник Генерального штаба и заместитель Верховного получали задачу -- продумать и рассчитать наши возможности для той или тех операций, которые намечались к проведению. Обычно для этой работы Верховный отводил нам 4-5 дней. По истечении срока принималось предварительное решение, После этого Верховный давал задание начальнику Генштаба запросить мнение Военных советов фронтов о предстоящей операции ...

Ставка была хорошо осведомлена о положении на фронтах и своевременно реагировала на изменения обстановки. Через Генштаб она внимательно следила за ходом операций, вносила необходимые коррективы в действия войск, уточняла их или ставила новые задачи, вытекающие из сложившейся обстановки. В случае необходимости производила перегруппировку сил и средств для достижения цели операции и поставленных войскам задач, а в особых случаях прекращала операцию ...

Деятельность Ставки неотделима от имени И.В. Сталина. В годы войны я часто с ним встречался. В большинстве случаев это были официальные встречи, на которых решались вопросы руководства ходом войны. Но даже простое приглашение на обед всегда использовалось в этих же целях. Мне очень нравилось в работе И.В.Сталина полное отсутствие формализма. Все, что делалось им по линии Ставки или ГКО, делалось так, чтобы принятые этими высокими органами решения начинали выполняться тотчас же, а ход выполнения их строго и неуклонно контролировался лично Верховным или, по его указанию, другими руководящими лицами или организациями" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1990, с.79, 80, 84-85, 87, 100-101).

Постоянным представителем Ставки в войсках был начальник Генерального штаба А.М.Василевский. В своей книге "Дело всей жизни" он много внимания уделил работе Ставки Верховного Главнокомандования. "Ответственный представитель Ставки, -- писал А.М.Василевский, -- всегда назначался Верховным Главнокомандующим и подчинялся лично ему ... Представители Ставки, располагая всеми данными о возможностях, замыслах и планах Верховного Главнокомандования, оказывали существенную помощь командующим фронтами в выработке и принятии наиболее правильных оперативных решений, вытекающих из общего плана стратегической операции" (А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1975, с.524).

Вспоминая о работе Ставки, прославленный полководец говорил в беседе с корреспондентом газеты "Комсомольская правда":

"Ставка не была неким собирающимся на регулярные заседания органом. Людям, которые просят меня прислать или опубликовать хотя бы один снимок заседания Ставки, я отвечаю: таких снимков просто не существует. За всю войну, если не ошибаюсь, в утвержденном составе Ставка не собиралась ни разу. Работа Ставки строилась особым образом. Верховный Главнокомандующий для выработки того или другого оперативно-стратегического решения или для рассмотрения других важных проблем вооруженной борьбы вызывал к себе ответственных лиц, имевших непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу. Тут могли быть члены и не члены Ставки, но обязательно члены Политбюро, руководители промышленности, вызванные с фронта командующие. Все, что вырабатывалось тут при взаимных консультациях и обсуждениях, немедленно оформлялось в директивы Ставки фронтам. Такая форма работы была эффективной ... При чрезвычайных обстоятельствах на том или ином фронте, при подготовке ответственных операций Ставка посылала на фронт своих представителей. Сам я в этой роли выезжал на фронт много раз. Это была ответственная работа. Оценить на месте возможности войск, поработать совместно с военными советами фронтов, помочь им лучше подготовить войска к проведению операций, оказать помощь в обеспечении войск поставками всего необходимого, быть действующим, связующим звеном с Верховным Главнокомандующим -- таков лишь короткий перечень всяких забот, лежавших на представителе Ставки" ("Комсомольская правда". 1975, 30 апреля).

О работе Ставки и роли в ней И.В.Сталина делился воспоминаниями С.М.Штеменко -- в годы войны начальник Оперативного управления Генштаба: "... Все принципиальные вопросы руководства страной, ведения войны решались Центральным Комитетом партии -- Политбюро, Оргбюро и Секретариатом, а затем проводились через президиум Верховного Совета СССР, Совнарком, а также через ГКО и Ставку ВГК. Для оперативного решения военных вопросов созывали совместные совещания членов Политбюро и ГКО, Политбюро и Ставки, а наиболее важные из них обсуждались совместно Политбюро, ГКО и Ставкой.

В области руководства военными действиями не попирался и принцип единоначалия -- этот важнейший принцип военного строительства и управления войсками в мирное и военное время. Руководство операциями Вооруженных Сил в высшем звене находилось в руках только Ставки Верховного

Главнокомандования. Но поскольку членами Ставки были некоторые члены Политбюро ЦК ВКП(б) и лица высшего военного командования, она, таким образом, являлась коллективным органом верховной военной власти.

Решения Ставки, оформленные документами, подписывались двумя лицами -- Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба, а иногда заместителем Верховного Главнокомандующего. Были документы за подписью только начальника Генерального штаба. В этом случае обычно делалась оговорка "по поручению Ставки". Один Верховный Главнокомандующий оперативные документы, как правило, не подписывал, кроме тех, в которых он резко критиковал кого-либо из лиц высшего военного руководства (Генштабу, мол, неудобно подписывать такую бумагу и обострять отношения; пусть на меня обижаются). Подписывались им единолично только различного рода приказы, главным образом административного характера" (С.М.Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн.2. М., 1981, с.276).

Начальник Главного артиллерийского управления РККА маршал артиллерии Н.Д.Яковлев, связывавший Ставку ВГК и Генштаб с наркоматами и заводами, вспоминал:

"За время войны мною было хорошо усвоено: все, что решил Верховный, никто уже изменить не сможет. Это -- закон!

Но сказанное совершенно не значит, что со Сталиным нельзя было спорить, Напротив, он обладал завидным терпением, соглашался с разумными доводами. Но это -- на стадии обсуждения того или иного вопроса. А когда же по нему уже принималось решение, никакие изменения не допускались.

Кстати, когда Сталин обращался к сидящему (я говорю о нас, военных, бывавших в Ставке), то вставать не следовало. Верховный еще очень не любил, когда говоривший не смотрел ему в глаза. Сам он говорил глуховато, а по телефону -- тихо. В этом случае приходилось напрягать все внимание.

Работу в Ставке отличала простота, большая интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, все разговоры -- вполголоса. Помнится, когда И.В.Сталину было присвоено звание Маршала Советского Союза, его по-прежнему следовало именовать "товарищ Сталин". Он не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и отходов.

При всей своей строгости Сталин иногда давал нам уроки снисходительного отношения к небольшим человеческим слабостям. Особенно мне запомнился такой случай. Как-то раз нас, нескольких военных, в том числе и Н.Н.Воронова, задержали в кабинете Верховного дольше положенного. Сидим, решаем свои вопросы. А тут как раз входит Поскребышев и докладывает, что такой-то генерал (не буду называть его фамилии, но скажу, что тогда он командовал на фронте крупным соединением) прибыл.

-- Пусть войдет, -- сказал Сталин.

И каково же было наше изумление, когда в кабинет вошел ... не совсем твердо державшийся на ногах генерал! Он подошел к столу и, вцепившись руками в его край, смертельно бледный, пробормотал, что явился по приказанию. Мы затаили дыхание. Что-то теперь будет с беднягой! Но Верховный молча поднялся, подошел к генералу и мягко спросил:

-- Вы как будто сейчас нездоровы?

-- Да, -- еле выдавил тот из пересохших губ.

-- Ну тогда мы встретимся с вами завтра, -- сказал Сталин и отпустил генерала ...

Когда тот закрыл за собой дверь, И.В.Сталин заметил, ни к кому, собственно, не обращаясь:

-- Товарищ сегодня получил орден за успешно проведенную операцию. Что будет вызван в Ставку, он, естественно, не знал. Ну и отметил на радостях свою награду. Так что особой вины в том, что он явился в таком состоянии, считаю, нет ...

Да, таков был он, И.В.Сталин. Это во многом благодаря ему в партийно-политическом и государственном руководстве страной с первого дня войны и до последнего было нерушимое единство. Слово Верховного (а он же и председатель ГКО, генеральный секретарь ЦК партии) было, повторяю, законом.

Сталин не терпел, когда от него утаивали истинное положение дел" (Н.Д.Яковлев. Об артиллерии и немного о себе. М., 1984, с.74-76).

Обычно раз в месяц, вспоминал начальник артиллерии Красной Армии Н.Н.Воронов, докладывали в Ставке проект распределения вооружения и боеприпасов на следующий месяц войны. "Однажды, -- пишет он, -- при утверждении такой ведомости Сталину бросились в глаза цифры: "Для НКВД -- 50000 винтовок". Он забросал нас вопросами: кто конкретно дал эту заявку, зачем столько винтовок для НКВД? Мы сказали, что сами удивлены этим, но Берия настаивает. Тотчас же вызвали Берия. Тот пытался дать объяснение на грузинском языке. Сталин с раздражением оборвал его и предложил ответить по-русски: зачем и для чего ему нужно столько винтовок?

-- Это нужно для вооружения вновь формируемых дивизий НКВД, -- сказал Берия.

-- Достаточно будет и половины -- двадцати пяти тысяч.

Берия стал упрямо настаивать. Сталин дважды пытался урезонить его. Берия ничего не хотел слушать.

Тогда раздраженный до предела Сталин сказал нам:

-- Зачеркните то, что там значится, и напишите десять тысяч винтовок.

И тут же утвердил ведомость" (Н.Н.Воронов. На службе военной. М., 1963, с.194-195).

Во второй мировой войне резко изменился и сам характер боевых действий, Они приобрели крайнюю напряженность и динамизм, требовали гигантской затраты материальных средств, сроки для принятия решений и доведения их до войск становились предельно сжатыми.

Ни на одном из фронтов второй мировой войны не было столь продолжительных, непрерывных и ожесточенных военных действий, как на советско-германском фронте. Небывалым в истории здесь был и пространственный размах вооруженной борьбы. На разных этапах войны протяженность фронта достигала свыше четырех-шести тысяч километров. Глубина территории, охваченной боевыми действиями, была свыше 2,5 тыс. км. Характер боевых действий носил небывало мобильный характер и отличался резкой сменой обстановки. В борьбу были вовлечены многие миллионы военнослужащих разных видов вооруженных сил и родов войск (пехотинцев, танкистов, артиллеристов, летчиков, саперов, связистов и др.).

Даже У.Черчилль вынужден был признать "... все наши (западных союзников. -- авт.) военные операции осуществляются в весьма незначительных масштабах ... по сравнению с гигантскими усилиями России" (Цит. по кн. М.А.Гареева "Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства". М.-- Уфа., 1996, с.189).

Руководить борьбой такого гигантского масштаба и сложности раньше не приходилось ни одному полководцу. Эта безмерная тяжесть лежала на плечах Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР и целой плеяды выдающихся полководцев советской военной школы, таких как Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев, Шапошников, Ватутин, Малиновский, Толбухин, Говоров, Тимошенко, Мерецков, Черняховский и многих, многих других.

Решение сложнейших задач войны требовало от этих людей, начиная со Сталина, предельного напряжения всех духовных и физических сил. Работа проходила в крайне напряженной обстановке, чреватой острыми, критическими ситуациями, а порой и отчаянным положением на фронте, в условиях жесточайшей нехватки времени, жестокой ограниченности резервов. Требовала немедленных решений, полного самообладания, жесткой требовательности и неустанного контроля за важнейшими звеньями военного и государственного аппаратов, отсутствия всякого подобия паники. Сохранение выдержки и верности суждений в наиболее опасных и затруднительных обстоятельствах были присущи Сталину.

Уместно вспомнить утверждение К.Клаузевица: "На высшем посту главнокомандующего умственная деятельность принадлежит к числу наиболее трудных, какие только выпадают на долю человеческого ума" (К.Клаузевиц. О войне. Т.1. М., 1941, с.118).

В работе "Ум полководца" известный советский психолог Б.М.Теплов писал: "От полководца требуется наличие двух качеств -- выдающегося ума и сильной воли (причем под словом "воля" разумеется очень сложный комплекс свойств: сила характера, мужество, решительность, энергия, упорство и т.п.)". Эта мысль совершенно бесспорная.

Наполеон в свое время внес в нее новый важный оттенок: не в том только дело, что полководец должен иметь и ум, и волю, а в том, что между ними должно быть равновесие, что они должны быть равны. "Военный человек должен иметь столько же характера, сколько и ума" (Наполеон. Избранные произведения. Т.1. М., 1941, с.320). Дарование настоящего полководца он сравнивал с квадратом, в котором основание -- воля, высота -- ум. И далее: "Лишь подлинно большие полководцы умеют сохранять простоту и ясность мысли в сложнейших условиях военной обстановки" (Б.М.Теплов. Проблемы индивидуальных различий. М., 1961, с.257, 259).

И.В.Сталин в полной мере обладал всеми этими качествами.

И еще об одной стороне рассматриваемого вопроса. В Великой Отечественной войне резко возросла мощь новой боевой техники, война носила тотальный характер, борьба была бескомпромиссной, предельно напряженной, динамичной. Это вело к еще невиданным в прошлых войнах нервно-психологическим перегрузкам всего личного состава войск. Именно в этих условиях проходилось действовать солдатам, командному составу, полководцам, Верховному Главнокомандующему.

Срывы и трагические ошибки в этой обстановке, при тяжелейших нагрузках, усталости, были практически неизбежны. И они были и приводили в ряде случаев к трагическим последствиям. Но общим итогом деятельности Сталина, руководящего ядра страны и Вооруженных Сил была блистательная победа над мощным, коварным и опытным врагом, спасение Родины от гибели. Отдавая должное нашим выдающимся военным деятелям, Д.Эйзенхауэр писал: "Великие подвиги Красной Армии во время войны в Европе вызывали восхищение всего мира. Как солдат, наблюдавший кампанию Красной Армии, я проникся глубочайшим восхищением мастерством ее руководителей" ("За рубежом". 1965, №19).

Фундаментом нашей победы, решающей силой в разгроме врага была дружба народов СССР, их самоотверженная борьба на фронте и в тылу, всеобъемлющая поддержка советским народом политики партии и правительства, направленной на спасение социалистической Отчизны, на разгром фашизма.

"Демократическая" пропагандистская машина, не считаясь с фактами, всячески охаивает военное руководство Советской Армии. Ею внедряется дикая мысль, что победа в войне была достигнута несмотря на "бездарность" командования и даже вопреки его руководству. Попирается очевидная истина, подтвержденная опытом тысячелетней истории войн: огромное влияние на исход сражений и даже войны имеют решения, принимавшиеся полководцами, их воля в борьбе за победу.

От решений главнокомандующего и его ближайших помощников (наряду с другими факторами) часто зависит жизнь миллионов людей, спасение или гибель государства. Еще видный военный теоретик XIX века А.Жомини, долгое время бывший на русской военной службе, писал, что выбор полководца "заслуживает всякой заботы мудрого правительства ... Самое главное состоит в том, чтобы выбрать

главнокомандующего, который был бы сведущ и в политике и в военном искусстве". Им должен быть "опытный человек, одаренный большим характером и испытанной энергией" (А.Жомини. Очерки военного искусства. М., 1939. Т.1, с.39; т.2, с.187).

Мало кому приходится решать такие мучительно трудные задачи, какие решает полководец, которому доверены судьбы страны. Такие задачи решал И.В.Сталин -- Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР.

За время Великой Отечественной войны действующая армия во взаимодействии с флотами провела 51 стратегическую, 250 фронтовых и около 1000 армейских операций (М.А.Гареев. "Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства". М.--Уфа, 1996, с.264). Все эти операции и сражения проведены под руководством Ставки ВГК во главе со Сталиным и другими военачальниками и командирами. Естественно, среди этих операций были и неудачные.

Ряд тяжелых ошибок, допущенных нашим военным руководством в ходе войны, особенно в ее начальном периоде, -- факт неоспоримый. Они, как и наши победоносные операции, должны быть объективно оценены и исследованы. Но здесь не должно быть места огульному очернительству, предвзятости, издевательству над командными кадрами. К сожалению, именно эта тенденция является преобладающей в историографии Великой Отечественной войны в последние годы. Кроме огромного вреда и попрания исторической правды, она ни к чему не приводит.

За примерами далеко ходить не приходится. Возьмем тот же доклад Хрущева на XX съезде партии. Речь идет о Харьковской операции Юго-Западного фронта весной 1942 года, окончившейся крупным поражением советских войск. Командующим войсками фронта был С.К.Тимошенко, членом Военного совета -- Н.С.Хрущев. Грубо попирая факты, Хрущев попытался всю вину за провал операции возложить на Сталина и выгородить себя. Но правда заключается в том, что у истоков этой трагедии в Отечественной войне стоял Хрущев, Именно он и Тимошенко выступили с идеей проведения Харьковской операции, неоднократно с этим обращались в Ставку, к Сталину, гарантировали ее успех и в конце концов убедили Верховного Главнокомандующего их поддержать.

Хрущев уверял делегатов съезда, что тогда, когда создалась угроза окружения советских войск, он обратился к Сталину с просьбой остановить наступление, но якобы не был выслушан, поэтому и произошла катастрофа. В действительности Военный Совет Юго-Западного фронта, упуская время, всячески противился предложению Генерального штаба прекратить наступление, настаивал на его продолжении и склонил Сталина на свою сторону.

О том, как развивались события, о разговоре Хрущева со Сталиным (а именно на этом Хрущев основывал свой вымысел) в книге "Воспоминания и размышления" Жуков пишет:

"18 мая обстановка на Юго-Западном фронте резко ухудшилась ... Мне довелось присутствовать в. этот день в Ставке при одном из последующих разговоров И.В.Сталина с командующим Юго-Западным фронтом. Хорошо помню, что Верховный тогда уже четко выразил С.К.Тимошенко серьезное опасение по поводу успехов противника в районе Краматорска. К вечеру 18 мая состоялся разговор по этому же вопросу с членом Военного совета фронта Н.С.Хрущевым, который высказал такие же соображения, что и командование Юго-Западным фронта: опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена и нет оснований прекращать операцию. Ссылаясь на эти доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжения наступления, Верховный отклонил соображения Генштаба. Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1990, Т.2, с.282).

Версия Хрущева о причинах катастрофы под Харьковом являет образчик недобросовестности приемов, которые используются в клевете на Сталина, фальсификации подлинного хода событий.

Неоспоримые исторические факты -- наша блистательная победа в Великой Отечественной войне, разгром основных сил фашистского блока Красной Армией, взятие именно ею столицы третьего рейха. Ни одна другая страна, ни один другой народ, ни одна другая армия этого не сделали и не могли этого сделать. К тому же Великая Отечественная война, по существу, являлась главным содержанием всей второй мировой войны, придала ей особый характер.

Все это неоспоримо свидетельствует и о превосходстве советского военно-политического руководства над военно-политическим руководством фашистской Германии. Однако именно эта истина, подтвержденная самой историей, подвергается наиболее яростным атакам. Особенно ожесточенные формы борьба по этим вопросам приняла в последние годы с приходом к власти "демократических" сил в нашей стране.

Атаки идут по всему фронту, охватывают все звенья советского военно-политического руководства, начиная от Верховного Главнокомандования и кончая нижними командными инстанциями Красной Армии. Цель ясна. Она преследует стремление дискредитировать все и вся, связанное с советским периодом истории нашей Родины и особенно завоевание нашим народом Великой Победы в Отечественной войне, оказавшей огромное воздействие на ход всемирной истории. В атаки вовлечены силы разного калибра -- от бывших генсека ЦК партии Горбачева и члена Политбюро ЦК А. Яковлева до оборотня в генеральском мундире Волкогонова, радзинских, мерцаловых и десятков им подобных лжеисториков, псевдополитиков и продажных писателей.

Так, Д.Волкогонов в книге "Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина" внушает мысль об отсутствии у И.В.Сталина военных знаний, его некомпетентности в военных делах, о "многих полуграмотных приказах Верховного, которые пытались "самортизировать" окружающие его военачальники, что-де Сталин сам видел при планировании военных операций "свою, если не беспомощность, то полную неподготовленность", что он будто бы имел "слабые прогностические способности", что "оперативная ценность указаний Сталина порой весьма сомнительна" и т.д. (Д.А.Волкогонов. Триумф и трагедия. Кн.2. М., 1989, с.278, 279. 281, 282 и т.д.).

Генерал-лжеисторик не оригинален. Эти обвинения уже звучали в так называемом секретном докладе на XX партсъезде.

Яростная критика подобных "знатоков" истории Отечественной войны обрушивается не только на Сталина, но и на его ближайшее окружение, на весь командный состав советских Вооруженных Сил времен войны. Так, авторы упомянутой уже книги "Иной Жуков" пишут: "К.Ворошилов, С.Буденный, Г.Кулик и др. не признавали эволюции в военном деле, не понимали, что новая военная техника, как советская, так и особенно противника, требовала новых подходов и ставила новые задачи. Свою никчемность они прикрывали революционным пустозвонством ... Судя по многим фактам, Жуков должен быть отнесен именно к этой многочисленной группе командиров РККА" (Иной Жуков, с.30, 31). Не заботясь о фактах, авторы и прямо и косвенно винят Г.К.Жукова во всех смертных грехах и в "бездарности" как полководца и что он продукт "системы военного руководства", основными чертами которой "были некомпетентность, авантюризм, бюрократизм, жестокость, отрицание права" (Там же, с.45).

Эти "историки" утверждают далее, что многим "генералам были свойственны невежество, самоуверенность, беспринципность и лицемерие, мздоимство и византийская страсть к роскоши, нетерпимость к инакомыслящим, сановная спесь, презрение к "нижестоящим", убеждение в собственной исключительности и праве на привилегии, грубость и сквернословие, иезуитская формула "цель оправдывает средства" и безответственность, злопамятство и мстительность, трусость и готовность к покаянию по первому требованию начальника" (с.8). К концу своих "рассуждений" они приходят к ошеломляющему выводу: "Порочное руководство войной было главным преступлением сталинизма" (с.61)! Можно с большой степенью уверенности утверждать, что даже на Западе самые ярые антисоветчики не доходят до такой дикой постановки вопроса.

То, что было сказано Хрущевым, написано волкогоновыми, мерцаловыми и другими, находится в коренном противоречии с правдой, историей, противостоит нашей победе в войне, да, наконец, и

здравому смыслу. Правда состоит в том, что вырвать победу из рук такого мощного и беспощадного врага, как фашистская Германия, покорившего почти всю Европу и использовавшего ее ресурсы, было невозможно, если бы Советскую Армию не возглавляли высококвалифицированные командные кадры, преданные идее спасения Отечества, если бы они были "бездарны", "невежественны", "некомпетентны в военном деле", как утверждают перелицовщики истории.

Эту истину уразумел к концу войны и сам могущественный враг. Характерна запись в дневнике Геббельса, сделанная им, когда советские войска уже подходили к Берлину; "Генеральный штаб прислал мне книгу с биографиями и фотографиями советских генералов и маршалов. Из этой книги можно вычитать много такого, что мы упустили сделать в предшествующие годы. Маршалы и генералы в среднем чрезвычайно молоды, почти ни одного старше 50 лет. За плечами у них богатая политико-революционная деятельность, все они убежденные коммунисты, весьма энергичные люди и по лицам их видно, что вырезаны они из хорошего народного дерева. В большинстве случаев речь идет о сыновьях рабочих, сапожников, мелких крестьян и т.п. Короче говоря, приходишь к досадному убеждению, что командная верхушка Советского Союза сформирована из класса получше, чем наша собственная ... Я рассказал фюреру о просмотренной мной книге генерального штаба о советских маршалах и генералах и добавил: у меня такое впечатление, что с таким подбором кадров мы конкурировать не можем. Фюрер полностью со мной согласился" (См.: "Новая и новейшая история". 1992, №5, с.213).

Приведенные исторические факты и свидетельство заклятого врага многого стоят. Но анатомия современной фальсификации и лжи "демократов" о Великой Отечественной войне многолика. И несмотря на частую абсурдность ее приемов, коварна и весьма опасна. Еще со времен "перестройки" эта разрушительная работа проводилась по указанию Горбачева под демагогическим прикрытием лозунга "народ должен знать правду о прошлом своей страны" (См. "Советская Россия", 1997, 16 августа). Считалось, что под этой завесой можно успешнее всего подорвать основы нашего общества, деморализовать его и лишить способности к сопротивлению.

Идеологическое наступление "демократы" ведут на широком фронте. Поэтому насущно необходимо защищать правду на всех направлениях, поставить на всех из них заслон лжи проверенными фактами, документами, свидетельствами участников событий. Для успеха этой борьбы требуется не только со всей решительностью, с предельным напряжением сил отстаивать позиции правды и переходить в контратаки на отдельных направлениях. Необходимо готовить и организовать общее контрнаступление против лжи, захлестнувшей телевидение, радио, печатные средства "демократической" пропаганды. Только оно может обеспечить коренной перелом и полную победу правды истории над ее фальсификаторами. Необходимо исходить из того, что без победы идеологической не может быть политической победы.

Выше мы рассмотрели вопрос о тех сложнейших проблемах, об огромном объеме работы, которые пришлось решать и выполнять советскому Верховному Главнокомандованию в ходе Великой Отечественной войны. Для более полного разоблачения лжи "демократов" требуется рассмотреть вопрос и под другим углом зрения. Хотя бы в общих чертах -- как работал Верховный Главнокомандующий, насколько сложившийся метод его работы соответствовал требованиям войны. Эта сторона вопроса является объектом лживых и весьма утонченных н настойчивых приемов современных фальсификаторов Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Вопрос о том, как работал Сталин, привлекал пристальное внимание уже в годы войны. Он поучителен и сейчас. Эффективность деятельности Сталина, опыт руководства в условиях тяжелейшей войны государством, партией, вооруженными силами, боевыми действиями на фронте, гигантский объем и разнообразие задач, которые ему пришлось решать, поистине уникальны. Это сознавали и выдающиеся деятели того времени.

Главный маршал авиации А.Е.Голованов, непосредственно общавшийся с Верховным Главнокомандующим, так характеризовал стиль Сталина: "Изучив человека, убедившись в его знаниях н способностях, он доверял ему, я бы сказал, безгранично. Но не дай Бог, как говорится, чтобы этот человек проявил себя где-то с плохой стороны. Сталин таких вещей не прощал никому. Он не раз говорил мне о тех трудностях, которые ему пришлось преодолевать после смерти Владимира Ильича,

вести борьбу с различными уклонистами, даже с теми людьми, которым он бесконечно доверял, считал своими товарищами, как Бухарина например, и оказался ими обманутым. Видимо, это развило в нем определенное недоверие к людям. Мне случалось убеждать его в безупречности того или иного человека, которого я рекомендовал на руководящую работу ...

Сталин всегда обращал внимание на существо дела и мало реагировал на форму изложения. Отношение его к людям соответствовало их труду и отношению к порученному делу. Работать с ним было не просто. Обладая сам широкими познаниями, он не терпел общих докладов и общих формулировок. Ответы должны были быть конкретными, предельно короткими и ясными. Если человек говорил долго, попусту, Сталин сразу указывал на незнание вопроса, мог сказать товарищу о его неспособности, но я не помню, чтобы он кого-нибудь оскорбил или унизил. Он констатировал факт. Способность говорить прямо в глаза и хорошее, и плохое, то, что он думает о человеке, была отличительной чертой Сталина. Длительное время работали с ним те, кто безупречно знал свое дело, умел его организовать и руководить. Способных и умных людей он уважал, порой не обращая внимания на серьезные недостатки в личных качествах человека" (Ф.И.Чуев. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998, С.240-242).

В отчете Молотова о переговорах в Лондоне в мае 1942 года отмечалось, что Черчилль расспрашивал его "о том, каковы методы работы Сталина". А через несколько дней в Вашингтоне Рузвельт говорил Молотову: "Для обсуждения вопросов будущего и вопросов настоящего времени он хотел бы встретиться с великим человеком нашего времени -- Сталиным. Он, Рузвельт, не мог этого до сих пор осуществить, но он верит, что эта встреча еще состоится. Он провозглашает тост за руководителя России и русских армий, за великого человека нашего времени, за Сталина" (О.А.Ржешевский. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941-1942). М., 1997, с.141, 179).

Необходимо также разобраться и в пресловутом утверждении Хрущева, будто "Сталин операции планировал по глобусу" и "был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах" ("Известия ЦК КПСС". М., 1989, №3, с.149).

Отметим сразу такой момент. Утверждение о "глобусном" характере руководства войной Сталиным столь абсурдно и настолько противоречит фактам, что от него в косвенной форме отстраняется даже злобный ненавистник Сталина Д.Волкогонов. В книге "Триумф и трагедия" он пишет: "Нельзя представить деятельность Сталина, не зная, что в течение 14-16 часов он находился у себя в кабинете и ему приходилось рассматривать ежедневно множество самых различных оперативных, кадровых, технических, разведывательных, военно-экономических, дипломатических, политических вопросов. Тысячи документов, на которых стоит подпись Сталина, приводили в движение огромные массы людей" (с.285).

Что же говорят документы и свидетельства людей, непосредственно работавших со Сталиным в годы войны, о "планировании по глобусу"? Начнем с ближайшего соратника Сталина маршала Жукова. Уже после войны, после "разоблачений" Хрущева в беседе с К.Симоновым Г.К.Жуков засвидетельствовал, что у Сталина "был свой метод овладения конкретным материалом предстоящей операции, метод, который я, вообще говоря, считаю правильным. Перед началом подготовки той или иной операции, перед вызовом командующих фронтами он заранее встречался с офицерами Генерального штаба -- майорами, подполковниками, наблюдавшими за соответствующими оперативными направлениями. Он вызывал их одного за другим на доклад, работал с ними по полтора, по два часа, уточнял с каждым обстановку, разбирался в ней и ко времени своей встречи с командующими фронтами, ко времени постановки им новых задач оказывался настолько хорошо подготовленным, что порой удивлял их своей осведомленностью ... Его осведомленность была не показной, а действительной, и его предварительная работа с офицерами Генерального штаба для уточнения обстановки перед принятием будущих решений была работой в высшей степени разумной" (К.Симонов. Глазами человека моего поколения. М., 1988, с.372, 373). И еще одно свидетельство маршала Жукова. В "Воспоминаниях и размышлениях" он пишет: "Идти на доклад в Ставку, к И.В.Сталину, скажем с картами, на которых были хоть какие-то "белые пятна", сообщать ему ориентировочные, а тем более преувеличенные данные -- было невозможно. И.В.Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности. У него было какое-

то особое чутье на слабые места в докладах и документах, он тут же их обнаруживал и строго взыскивал с виновных" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1969, с.294).

Работа Сталина в Ставке была строго регламентирована. Было точно определено, когда, кто и каким способом докладывает ему обстановку на фронтах. Был установлен порядок подготовки и утверждения нормативных документов, сроки отработки информации, получения донесений с фронтов и из управления наркомата обороны. Первый доклад Верховному Главнокомандующему производился в 10-11 часов, обычно по телефону, а в 16-17 часов начальник Оперативного управления Генерального штаба с картами масштабом 1:200000 по каждому фронту с нанесенной обстановкой до дивизии, а то и до полка, докладывал Сталину о действиях наших войск и противника, о намерениях командующих" ("Военно-исторический журнал". 1996, №5, с.36-37).

А вот что пишет маршал К.А.Мерецков: "В некоторых книгах у нас получила хождение версия, что будто И.В.Сталин руководил боевыми операциями "по глобусу". Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать". В ходе войны, продолжал он, ему десятки раз приходилось встречаться с И.В.Сталиным. Во время вызова Верховный Главнокомандующий, подойдя к карте в кабинете, спокойно знакомил с положением дел на фронте и разъяснял боевое задание (К.А.Мерецков. На службе народу. М., 1968, с.214).

Ложь о "глобусе" опровергают и оперативные документы. Генерал армии А.И.Грибков, работавший в годы войны в Оперативном управлении Генерального штаба, свидетельствует; "Н.С.Хрущев, развенчивая культ личности И.В.Сталина, утверждал, что, мол, тот руководил фронтами по глобусу. Разумеется, все это ложь. В военных архивах хранятся карты различных масштабов с пометками, сделанными рукой Верховного Главнокомандующего" ("Военно-исторический журнал". 1995, №3, с.30).

Тесно соприкасавшийся по работе с И.В.Сталиным в годы войны генерал армии С.М.Штеменко пишет: "Должен сказать, что Сталин не решал и вообще не любил решать важные вопросы войны единолично. Он хорошо понимал необходимость коллективной работы в этой сложной области, признавал авторитеты по той или иной военной проблеме, считался с их мнением и каждому отдавал должное. В декабре 1943 г. после Тегеранской конференции, когда потребовалось наметить планы действий на будущее, доклад на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Ставки относительно хода борьбы на фронте и ее перспективах делали А.М.Василевский и А.И.Антонов, по вопросам военной экономики докладывал Н.А.Вознесенский, а И.В.Сталин взял на себя анализ проблем международного характера" (С.М.Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн.2. М., 1981, с.275).

Приведем еще высказывание Маршала Советского Союза И.Х.Баграмяна. "Зная огромные полномочия и поистине железную властность Сталина, -- пишет он, -- я был изумлен его манерой руководить. Он мог кратко скомандовать: "Отдать корпус!" -- и точка. Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришел к выводу о необходимости этого шага. Мне впоследствии частенько самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным Главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мнению подчиненных. Если исполнитель твердо стоял на своем и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы, Сталин почти всегда уступал" (И.Х.Баграмян. Так начиналась война. М., 1977, с.402).

Следует отметить, что освещение деятельности Сталина как Верховного Главнокомандующего в годы Великой Отечественной войны затруднено в силу ряда обстоятельств. Во-первых, тем, что фактически не существует ни в отечественной, ни в зарубежной историографии хотя бы беглого, фрагментарного описания этой деятельности. Во-вторых, за истекшее десятилетие не было осуществлено серьезной попытки всесторонне осмыслить значение и результаты деятельности Главковерха величайшей из войн в истории человечества. И, наконец, третья трудность -- "демократы" и их буржуазные покровители и коллеги пытаются свести освещение деятельности Сталина к одной строго нацеленной теме -- к борьбе Сталина против его политических противников, к процессам 30-х годов, к репрессивным действиям ГПУ и НКВД. Все факты, все данные, которые не работают на версию "кровавого диктатора", ими замалчиваются.

Есть основание согласиться с В.В.Похлебкиным, который в обстоятельной работе "Великий псевдоним" пишет: "... Мы имеем серию крайне похожих друг на друга "разоблачительных", "антисталинских" биографий, отличающихся одна от другой лишь степенью "ядовитости слюны". Среди авторов этих работ Л.Д.Троцкий, Р. Такер, И. Дейтшер, А.В.Антонов-Овсеенко младший, Р.Слассер, и пара бездарнейших фальсификаторов, создавших исторически безграмотные и фактически грубо ошибочные "опусы"-фолианты -- Ф.Д.Волков и Д.Волкогонов ... Фактически до 60-70% таких фактов (связанных с деятельностью Сталина. -- авт.) абсолютно исключены из рассмотрения и один этот "технический прием" резко искажает картину и суть событий, в которых не только участвовал, но и которые определял, направлял и контролировал И.В.Сталин -- государственный деятель, доминировавший в течение 30 лет в истории страны, партии, международного коммунистического движения и в марксистской идеологии" (В.В.Похлебкин. Великий псевдоним. М., 1996, с.32, 33).

Характерной особенностью работы Верховного Главнокомандующего было повседневное напряженное внимание к развитию обстановки на театре войны и на отдельных его участках, всесторонний, глубокий анализ ее развития. Этого он неукоснительно требовал и от подчиненных. Свидетельствуют об этом тысячи документов. Приведем два из них.

Первый документ относится к 17 августа 1943 года -- телеграмма Сталина маршалу Василевскому. Приведем ее полностью: "Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки.

Я уже давно обязал Вас, как уполномоченного Ставки, обязательно присылать к исходу каждого дня операции специальные донесения. Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений.

16 августа является первым днем важной операции на Юго-Западном фронте, где Вы состоите уполномоченным Ставки. И вот Вы опять изволили забыть о своем долге перед Ставкой и не присылаете в Ставку донесений.

Вы не можете ссылаться на недостаток времени, так как маршал Жуков работает на фронте не меньше Вас и все же ежедневно присылает в Ставку донесения. Разница между Вами и Жуковым состоит в том, что он дисциплинирован и не лишен чувства долга перед Ставкой. Тогда как Вы мало дисциплинированы и забываете часто о своем долге перед Ставкой.

Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта" (ЦАМО, ф.3, оп.11556, д.13, лл.247-248).

Второй документ -- телеграмма Сталина маршалу Жукову относится к началу 1944 года, к проведению Корсунь-Шевченковской операции. Приводим текст телеграммы: "Должен указать Вам, что я возложил на Вас задачи координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что несмотря на всю остроту положения, Вы недостаточно осведомлены об обстановке: Вам неизвестно о занятии противником Хильки и Нова-Буда; Вы не знаете решения Конева об использовании 5 гв. кк. и танкового корпуса Ротмистрова с целью уничтожения противника, прорвавшегося на Шендеровку. Сил и средств на левом крыле 1 УФ и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно для того, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить Корсуньскую группировку. Требую от Вас, чтобы Вы уделили исполнению этой задачи главное внимание" (ЦАМО, ф.148а, оп.3963, д.158, лл.32-33).

О требовательности И.В.Сталина пишет нарком авиационной промышленности СССР А.И.Шахурин: "Это произошло вскоре после того, как я был назначен наркомом. Меня вызвал Сталин и, что называется с порога, как только я вошел в кабинет, обрушился с упреками, причем в очень резком тоне: почему, почему, почему? Почему происходят такие-то события на таком-то заводе? Почему отстает это? Почему не делается то-то? И еще много разных "почему". Я настолько опешил, что еле вымолвил:

-- Товарищ Сталин, вы, может быть, упустили из виду, что я всего несколько дней на этой должности.

И услышал в ответ:

-- Нет, нет, нет. Я ничего не упустил. Может быть, вы мне прикажете спрашивать с Кагановича, который был до вас на этой работе? Или чтобы я подождал еще год или полгода? Или даже месяц? Чтобы эти недостатки имели место? Чтобы я ничего не трогал? С кого же я должен спрашивать о том, что делается не так в авиапромышленности и не в таком темпе?

Совершенно пораженный сначала этим разговором, после некоторого раздумья я понял, что Сталин не только хотел с меня спросить, но и хотел, чтобы я так же спрашивал с других -- требовательно, резко, со всей твердостью подходил к вопросам, которые решала в то время авиаиндустрия" (А.И.Шахурин. Крылья победы. М., 1983, с.70).

Такой стиль работы присущ деятельности И.В.Сталина как Верховного Главнокомандующего на протяжении всей Отечественной войны. Трудно, весьма трудно в документах войны усмотреть хотя бы малейшие признаки незнания им обстановки на фронте или в тылу, или общего поверхностного руководства страной.

"Что касается И.В.Сталина, то, -- писал маршал Д.Ф.Устинов, -- должен сказать, что именно во время войны отрицательные черты его характера были ослаблены, а сильные стороны его личности проявились наиболее полно. Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом. Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он многое доверял членам Политбюро ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений.

При всей своей властности, суровости, я бы сказал жесткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Во всяком случае, насколько я помню, как правило, он не упреждал присутствующих своим выводом, оценкой, решением. Зная вес своего слова, Сталин старался до поры не обнаруживать отношения к обсуждаемой проблеме, чаще всего или сидел будто бы отрешенно, или прохаживался почти бесшумно по кабинету, так что казалось, что он весьма далек от предмета разговора, думает о чем-то своем. И вдруг раздавалась короткая реплика, порой поворачивающая разговор в новое и, как потом зачастую оказывалось, единственно верное русло.

Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к кому-либо из присутствующих: "А что вы думаете по этому вопросу?" или "А как вы относитесь к такому предложению?" Причем характерный акцент делался именно на слове "вы". Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, никогда не торопил с ответом. Вместе с тем все знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем просто ожидание того или иного ответа.

Нередко на заседаниях, в ходе обсуждения острых проблем ссылался на В.И.Ленина, не раз рекомендовал нам почаще обращаться к его трудам. Ленинские идеи лежат в основе многих принятых ГКО в годы войны важнейших решений. Ленинская тональность явственно ощущается и в ряде выступлений И.В.Сталина предвоенных и военных лет" (Д.Ф.Устинов. Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М., 1988, с.90-91).

"Демократы" ставят в вину Сталину жесткую требовательность к подчиненным. Так Д.Волкогонов пишет; "Верховный требовал от них (представителей Ставки в войсках. -- авт) ежедневного доклада, письменного или по телефону. Если по каким-либо причинам доклад представителя Ставки задерживался или переносился, можно было ждать разноса. При этом Сталин делал это в грубой, бестактной форме ... Вообще для Сталина как Верховного Главнокомандующего был присущ ярко выраженный силовой, репрессивный, жесткий стиль работы" (Д.А.Волкогонов. Триумф и трагедия. Кн.2, с.272, 275). Эти абстрактные суждения далеки от суровой реальности войны.

Нельзя забывать, что шла тяжелейшая борьба и малейшая расхлябанность, неисполнительность могли привести к катастрофическим последствиям. Жесткая требовательность Сталина, его твердое руководство войсками, самоотверженный, изнуряющий каждодневный труд сыграли выдающуюся роль в Великой Отечественной войне. В интересах дела он был беспощадно требователен и к себе, и к подчиненным. В суровой требовательности на войне больше гуманности, чем в ложном демократизме и попустительстве упущениям при управлении войсками.

В какой-то мере к Сталину относятся слова писателя С.С.Смирнова, сказанные им в отношении деятельности Г.К.Жукова в годы войны: "История выдвигает на авансцену людей, чьи характеры отвечают характеру эпохи. Война -- всегда суровое дело, но Великая Отечественная война, особенно в первые ее два года, отличалась суровостью исключительной, небывалой. Характер Жукова и соответствовал этому суровому времени и неизбежно испытывал на себе его воздействие. Кто возьмет на себя право определить необходимую и достаточную меру суровости в ту страшную осень сорок первого года?" (Маршал Жуков. М., 1989, с.23).

Бесспорная заслуга Сталина заключается в том, что он в такой судьбоносный период истории нашей страны, как Великая Отечественная война, сумел неотступно и твердо лично контролировать и направлять важнейшие процессы, происходившие на фронте, в стране, в сфере внешней политики, жестко и повседневно контролировать и компетентно направлять деятельность важнейших структур государственной машины. Он неуклонно добивался четкой исполнительности от всех звеньев государственной и военной машины страны. Работал Сталин не щадя себя, до изнеможения, пока только хватало сил. Решался вопрос о судьбе советского народа, о судьбе страны. Сама чрезвычайная обстановка требовала чрезвычайных мер.

ПОЛКОВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНА

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И.В.Сталин уже на второй день войны, 23 июня 1941 года, фактически возглавил Ставку Главного Командования. С 30 июня был назначен Председателем Государственного Комитета Обороны, с 10 июля возглавил Ставку Верховного Командования (затем -- Ставку Верховного Главного Командования), с 19 июля утвержден народным комиссаром обороны СССР и с 8 августа 1941 года стал Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Советского Союза. Народ и армия единодушно называли Иосифа Виссарионовича Сталина полководцем Отечественной войны. Победоносный исход Великой Отечественной войны 1941-1945 годов показал, что И.В.Сталин справился со всеми возложенными на него обязанностями в ходе тяжелейшей из войн в истории нашего Отечества. Без этого невозможно было рассчитывать на победу над немецким фашизмом и японским милитаризмом.

Однако после смерти И.В.Сталина получили хождение сомнения в его полководческом искусстве, а то и просто обвинения в неумении вести войну, в неоправданной гибели солдат и мирного населения, в сдаче огромных территорий врагу, в "провале" наступательных операций Красной Армии и других неудачах. Так, уже в докладе "О культе личности и его последствиях" на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года Первый секретарь ЦК партии Н.С.Хрущев утверждал, что "Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах", не знал "природы ведения боевых операций" и т.д.

Эта неправдивая, предубежденная версия затем была подхвачена другими необъективными авторами. Так, уже упоминавшийся Д.Волкогонов в двухтомнике "Триумф в трагедия. Политический портрет И.В.Сталина" писал: "... Сталин при наличии сильной воли и негибкого ума не мог опереться на профессиональные военные знания, Он не знал военной науки, теории военного искусства". "Верховный не обладал опытом организации стратегической обороны", "думаю, в полном смысле слова Сталин не был полководцем" и т.д. (Д.Волкогонов. Триумф и трагедия. М., 1990, Кн.2, с.268, 292, 347 и др.). Ему вторит писатель В.П.Астафьев. В интервью еженедельнику "Аргументы и факты" накануне празднования Дня Победы в мае 1998 года, ничтоже сумняшеся, он заявил: "Конечно, Сталин -- это никакой не полководец. Это ничтожнейший человек, сатана, посланный нам за наши грехи" ("Аргументы и факты". 1998, №19, май).

Можно называть и других авторов и другие книги и статьи, но суть будет одна: любым способом дискредитировать И.В.Сталина как полководца Великой Отечественной войны, как политического и государственного деятеля Советского Союза.

Здесь уместно напомнить, как рассматривал понятие "полководец" выдающийся военачальник Отечественной войны маршал А.М.Василевский. В послесловии к книге "Дело всей жизни" он писал: "Полагаю, что точка зрения нашей исторической литературы, согласно которой понятие "полководец" связывается с военачальниками оперативно-стратегического уровня, правильна. Верно и то, что к категориям полководцев следует относить тех военачальников, которые наиболее ярко проявили на полях сражений свое военное искусство и талант, мужество и волю к победе ... Решающим мерилом успешной полководческой деятельности в годы войны, конечно, является искусство выполнять задачи фронтовых и армейских операций, наносить противнику серьезные поражения" (А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, с.527, 529).

Масштабы полководческой деятельности Сталина в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против Германии далеко выходили за рамки, очерченные маршалом Василевским. Сталин осуществлял руководство всеми Вооруженными Силами страны, каждодневно направлял и координировал боевые действия всех фронтовых и армейских объединений действующей армии. Его деятельность пронизывала все важнейшие стороны величайшей из войн: охватывала, помимо собственно военных вопросов, все сферы внутренней и внешней политики Советского государства, от военной экономики и идеологии до дипломатии.

Выше было рассмотрено, какие задачи приходилось решать Сталину в годы Великой Отечественной войны, "объем его деятельности и как он работал. Остановимся теперь на вопросе -- имел ли Сталин

необходимые данные для того, чтобы занимать уже в самом начале Отечественной войны в условиях острейшего кризиса на фронте высокие посты Председателя Государственного Комитета Обороны, наркома обороны СССР, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза, руководителя Ставки Верховного Главнокомандования.

И еще на одной стороне проблемы -- на некоторых характерных чертах деятельности Сталина как Верховного Главнокомандующего, как полководца Великой Отечественной войны. Как известно, в неизмеримо более благоприятных для России условиях первой мировой войны Николай II возложил на себя обязанности Верховного командующего. Известно также и чем это кончилось.

Оценивая деятельность Сталина как полководца, необходимо отметить, что с первых же часов Великой Отечественной войны советского народа ему пришлось решать сложнейшие, внезапно возникшие проблемы ведения вооруженной борьбы. На начальном этапе войны на фронте сложилась катастрофическая обстановка, которая не предвиделась советским политическим и военным руководством и находилась в вопиющем противоречии со взглядами и расчетами довоенного времени.

Приведем в подтверждение заключение маршала Жукова. "Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался, -- писал он в своих воспоминаниях. -- Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М.Шапошников, К.А.Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2, М., 1990, с.29-30).

Ситуация на фронте буквально взорвала самые основы военной доктрины, разработанной в предвоенные годы, на которую опиралось в своих расчетах советское политическое и военное руководство. Предполагалось, что мы ответим двойным ударом на удар врага и будем вести войну на его территории. Это лежало в основе патриотического воспитания масс. Стратегическая оборона, а тем более отступление в глубь страны не предусматривались и не готовились.

Создавшаяся на фронте реальная обстановка требовала немедленного коренного пересмотра прежних планов, самих взглядов на способы ведения войны, вооруженной борьбы. Необходимо было решительно отказаться от считавшихся незыблемыми догм, найти новые, нестандартные решения. И все это требовалось совершить в условиях стремительного наступления противника, отчаянной нехватки времени. События развивались смертельно опасно.

От советского политического руководства и военного командования требовались быстрота ориентировки в стремительно развивавшихся событиях, своевременное принятие кардинальных решений, соответствующих сложившемуся положению на фронте, максимально энергичное, умелое и решительное осуществление выработанных мер на практике. Промедление привело бы к разгрому армии, гибели страны.

Первой реакцией советского руководства и военного командования на вторжение врага было стремление действовать по ранее разработанным планам. Это обусловливалось отсутствием реальных сведений о том, что происходило на фронте. В Москву поступали сведения, зачастую не соответствующие действительному положению дел, а то и приукрашивающие обстановку. Следствием этого явилась Директива №2 Главного Военного Совета, отданная в 7 часов 15 минут 22 июня и требовавшая: "Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили границу" (ЦАМО, ф.318, оп.4631, д.1, л.1). Общая обстановка первоначально рассматривалась как относительно сносная. В 21 час 15 минут того же дня Главным Военным Советом за подписью Тимошенко, Маленкова и Жукова фронтам была отдана Директива №3, которая ставила задачу нанести по вторгшемуся врагу мощные контрудары, перейти в контрнаступление и захватить стратегическую инициативу.

Предпринятые попытки нанести контрудары лишь кое-где привели к успеху, но в целом не могли переломить обстановку. Условия, в которых Красная Армия вступила в войну, оказались настолько сложными, а последствия первых массированных ударов врага настолько тяжелыми, что даже невиданный героизм советских воинов не в состоянии был изменить развитие событий на фронте.

Хотя и с определенным запозданием, последовали новые радикальные решения советского руководства и военного командования. На исходе третьих суток войны, в ночь с 24 на 25 июня, Сталин приказал Тимошенко немедленно направить командующему Западным фронтом директиву об отводе войск на рубеж Лида, Слоним, Пинск.

Учитывая, что в ближайшее время вырвать инициативу из рук врага не удастся, Советское Главное Командование в конце июня приняло решение о переходе на всем советско-германском фронте к стратегической обороне, на пути противника создавалась глубоко эшелонированная оборона. Упорным сопротивлением подрывалась наступательная мощь врага.

Потребность в считанные дни и даже часы отрешиться от довоенных представлений, от разработанных прежде планов вооруженной борьбы, найти новые способы противодействия стремительно развивавшемуся наступлению врага была сложнейшей задачей, вставшей перед советским военным командованием, прежде всего в его высшем звене. Поиски этих новых решений давались трудно, шли неравномерно как в высших командных инстанциях, так и на различных участках фронта. Так, в середине дня 27 июня 1941 года в переговорах с командующим Западным фронтом Павловым начальник Генерального штаба Жуков говорил: "Имейте в виду, что первый механизированный. эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты. В этом сейчас слабость как оторвавшегося первого эшелона, так и самой пехоты, двигающейся без танков. Если только подчиненные вам командиры смогут взять в руки части, особенно танковые, то можно было бы нанести уничтожающий удар как по тылу для разгрома первого эшелона, так и для разгрома пехоты, двигающейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого эшелона противника, двигающегося на Минск и Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты. Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа" (ЦАМО, ф.8, оп.930688, д.63, лл.205-206).

Происходил глубокий поворот в осмыслении обстановки, сложившейся на фронте. И в целом он шел в правильном направлении. Переход к стратегической обороне был неизбежным. Меры к этому принимались. В решении этих коренных вопросов ведения войны на ее тяжелом начальном этапе выдающаяся роль принадлежала И.В.Сталину.

Есть все основания утверждать, что в начале войны, в 1941 году, И.В.Сталин имел все необходимые данные для того, чтобы занять ответственейшие посты Председателя ГКО, наркома обороны, Верховного Главнокомандующего, руководителя Ставки Верховного Главнокомандования, одного из организаторов антигитлеровской коалиции.

Сталин был не просто широко образованным человеком, творческим марксистом, но со знанием дела разбирался в принципиальных военных вопросах, в актуальных проблемах военной теории и науки. Он серьезно изучал труды крупнейшего буржуазного военного теоретика Карла Клаузевица, а именно его главное сочинение "О войне", книгу "1812 год" и другие работы. Он знал произведения Суворова и Наполеона, труды Драгомирова и Мольтке, работы по военному искусству Энгельса и Меринга, а также многих других военных авторов. Сталин изучал работы современных ему историков и теоретиков военного дела, прежде всего Е.В.Тарле и Б.М.Шапошникова. И этот перечень можно продолжить. Ему были даже известны работы ряда начальников военных кафедр военных академий, например "История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914-1918 гг." полковника Е.Разина. Все это свидетельствует о постоянном интересе Сталина к вопросам истории войн и теории военного искусства.

Помощник и консультант И.В.Сталина по военным вопросам генерал П.А.Ермолин отмечает: "Как военного специалиста меня поражало в Сталине то, что он, формально штатский человек, гениально (я не боюсь этого слова, оно наиболее точно характеризует Сталина) разбирался в военных вопросах. Знания Сталина и в области экономики, и в области стратегии и тактики были глубоки и обширны,

поражали присутствовавших исключительной четкостью постановки и объяснения обсуждаемых задач" ("Гласность", 1999, 15 марта).

Даже беглый взгляд на жизненный путь И.В.Сталина показывает, какое важное место занимала его военная деятельность, какое плодотворное влияние она оказала на судьбы страны. Сталин активно участвовал в подготовке и проведении Октябрьской социалистической революции -- возглавлял избранный Центральным Комитетом партийный центр по руководству восстанием. Во время гражданской войны и иностранной военной интервенции Сталин работал в составе Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, был членом РВС Республики и членом РВС Южного, Западного и Юго-Западного фронтов. Он являлся одним из видных организаторов обороны Царицына, защиты Петрограда, разгрома войск Деникина. По его инициативе была создана 1-я Конная армия во главе с Буденным, Ворошиловым, Щаденко. Боролся против польских захватчиков. В тесном сотрудничестве с Лениным Сталин строил и укреплял Красную Армию. Сталинские документы, письма, записки, телеграммы содержат важные положения по вопросам военной стратегии и тактики, давали мастерский анализ военной обстановки. Уже тогда И.В.Сталина называли полководцем революции.

Важнейшие военные проблемы стояли в центре деятельности И.В.Сталина и в годы мирного социалистического строительства. В тот период велась ожесточенная борьба с троцкистами по коренным вопросам обеспечения обороноспособности молодого советского государства, выработке новой военной доктрины, военной стратегии. Троцкий и его сторонники выступали против построения социализма в отдельно взятой стране, считали неизбежной гибель советского государства в условиях враждебного капиталистического окружения. Партия, Сталин решительно отвергли эту капитулянтскую позицию, приступили к практическому решению неимоверно трудной задачи -- созданию оборонной мощи Советской страны, способной отразить агрессию империалистических держав.

Необходимо было найти решения ряда сложнейших проблем и в теоретическом плане, и в организации практической работы. Предстояло обосновать, какими путями можно создать мощную оборону советского государства в условиях его экономической отсталости сравнительно с развитыми капиталистическими государствами, в обстановке сложной комбинации и антагонистических противоречий главных международных сил, чтобы отразить агрессию со стороны империалистических государств, а также их различных коалиций. Надо было определить, как и какой строить Красную Армию, какова должна быть военная доктрина советского государства, его военная стратегия, как и какими готовить высококвалифицированные кадры командиров и военных специалистов, политработников и рядовых бойцов. На эти и множество других каждый раз вновь встававших вопросов не было заранее готовых ответов. За решение всех этих грандиозных по своей сложности и новизне, масштабов и исторической значимости задач взялась партия, Сталин и его ближайшие соратники.

Еще в начале 20-х годов И.В.Сталин в произведении "К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов" дал определение сущности военной стратегии и тактики, раскрыл значение стратегических и тактических планов, указал на значение правильного выбора направления главного удара, выявил зависимость организационных форм вооруженных сил от форм и способов ведения военных действий.

Большое влияние на принципы строительства Вооруженных Сил страны оказало известное положение, сформулированное Сталиным также еще в предвоенные годы: "Формы организации армий, роды и виды войск приспосабливаются обычно к формам и способам ведения войны" (И.В.Сталин. Соч. Т.5, с.169).

Важное значение для развития советской военной науки имела и другая его мысль, вскрывавшая органическую связь вопросов военного искусства с экономическими и морально-политическими возможностями страны: "Способы ведения войны, формы войны не всегда одинаковы. Они меняются в зависимости от развития производства ... Искусство ведения войны в современных условиях состоит в том, чтобы, овладев всеми формами войны и всеми достижениями науки в этой области, разумно их использовать, умело сочетать их пли своевременно применять ту или иную из этих форм в зависимости от обстановки" (И.В.Сталин. Соч. Т.5, с.168-169). Такая установка позволила избежать нам ущербных крайностей немецкой военной теории, односторонне делавшей ставку в готовившейся войне на "блицкриг".

По существу программный характер имело напоминание Сталина, сделанное еще в 1937 году: "Если мы с вами заглянем в историю, то увидим, какую важную роль во всех войнах играла артиллерия ... Чем побеждал Наполеон? Прежде всего артиллерией. Чем в 1870 году под Седаном были разгромлены французы? По преимуществу артиллерией. Для успеха войны исключительно ценным родом войск является артиллерия. Я хотел бы, чтобы наша артиллерия показала, что она является первоклассной" (Цит. по кн. Д.Ф.Устинов. Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М., 1988, с.119).

Уже к 1938 году осуществляется переход от смешанной системы к кадровой системе строительства Красной Армии. По инициативе Сталина было увеличено до двух третей количество кадровых дивизий. Возросла механизация и моторизация всех родов войск. В связи с этим Сталиным был провозглашен лозунг о выращивании людей, овладевших новой техникой. Прочную основу для воспитания кадров создавало введение персональных военных званий для командного и начальствующего состава Красной Армии. В дополнение к существовавшим Балтийскому и Черноморскому флотам были созданы Тихоокеанский и Северный флоты. Законом устанавливалась обязанность граждан нести военную службу в Вооруженных Силах СССР.

Сталин с огромным вниманием, с тщательностью, можно сказать, дотошностью вникал в конкретные проблемы вооружения армии, в оперативно-технические характеристики создаваемой боевой техники. Известный авиаконструктор А.С.Яковлев пишет об одном из обсуждений, на котором рассматривались вопросы создания новых истребителей.

Когда в боях в Испании обнаружилось, что новый немецкий истребитель "Мессершмитт", да и бомбардировщик "Ю-88" превосходят по ряду показателей наши самолеты, это вызвало сильное беспокойство советского руководства. Господство в воздухе, как известно, определялось качеством и количеством истребителей. Были остро необходимы современные самолеты на поле боя, самолеты-штурмовики, взаимодействующие с войсками -- пехотой, танками, артиллерией. В 1939 году были предприняты героические авральные меры по ликвидации отставания в военной авиации.

Вот запись А.С.Яковлева совещания, которое проходило в 1939 году в Кремле:

"Сталин спросил меня:

-- Ну как, надумали делать истребитель с двигателем Климова?

-- Да, я связался с Климовым и получил все данные о его двигателе. Мы детально проработали вопрос, и наше конструкторское бюро может выступить с предложением о постройке истребителя.

Я назвал летные данные будущего истребителя: скорость, потолок и дальность полета.

-- Как вы его вооружите? Пушка на нем будет стоять?

-- А как же! На нашем истребителе будет стоять пушка калибра 20 миллиметров и два скорострельных пулемета.

-- Это хорошо ... -- ответил Сталин, в раздумье расхаживая по кабинету. -- А знаете ли вы, -- спросил он, -- что мы такие же истребители заказываем и некоторым другим конструкторам и победителем станет тот, кто не только даст лучший по летным и боевым качествам истребитель, но и сделает его раньше, чтобы его можно было быстрее запустить в серийное производство?

-- Я понимаю, товарищ Сталин.

-- Понимать мало. Надо машину сделать быстрее.

-- А какой срок?

-- Чем скорее, тем лучше. К новому году сделаете?

-- Я постройкой таких самолетов не занимался, опыта не имею ... Но вот американцы делают новый истребитель за два года, так что ...

-- А вы разве американец? -- перебил меня Сталин. -- Покажите, на что способен молодой русский инженер ... Вот тогда будете молодцом, и придется мне пригласить вас на чашку чая.

-- Спасибо, раз надо -- сделаем обязательно. Но разрешите задать один вопрос? Вот пригласили сюда десятка два конструкторов, и каждому дается задание. Разве стране нужно столько истребителей и бомбардировщиков? Разве возможно все их запустить в серийное производство?

-- Мы и сами прекрасно знаем, -- ответил Сталин, -- что столько самолетов нам не нужно. Но ведь из всех самолетов, дай бог, получится пять-шесть таких, которые будут годны для серийного производства. А такое количество новых самолетов нас не смущает.

Так побеседовали со всеми приглашенными. Каждый получил задание. Мы разъехались по своим конструкторским бюро возбужденные, заряженные духом творческого соревнования, с твердым намерением победить своих "соперников" ...

В конце декабря Сталин по телефону интересовался ходом работ и спрашивал меня, выполню ли я обещание -- дать машину к 1 января. Через несколько дней мы отрапортовали о готовности самолета.

Из всех заказанных правительством истребителей наиболее успешно шли работы по самолетам "ЛаГГ", "МиГ" и по нашему "Яку". Микояна, Лавочкина и меня очень торопили. Нам оказывали любую помощь, о которой мы просили ...

Выигрыш во времени был особенно дорог для нашей авиации: он позволил за 1939-1940 годы создать новые, вполне современные типы боевых самолетов и к 1941 году запустить их в серийное производство" (А.С.Яковлев. Цель жизни. М., 1967, с.186-187, 189, 237).

Сталиным была правильно оценена огромная роль в современной войне массированного применения авиации, артиллерии, танков. Его напряженная деятельность по мобилизации всех сил государства, по созданию авиационной, артиллерийской, танковой промышленности сыграли выдающуюся роль в создании материального фундамента нашей победы в Отечественной войне.

Работа партии, Сталина по строительству Красной Армии, по созданию оборонной мощи Советской страны шла напряженно и во все возрастающих масштабах. В 1937 году Комиссия Обороны при СНК СССР была преобразована в Комитет Обороны при СНК СССР, в состав которого вошел И.В.Сталин. На следующий год был создан Главный Военный Совет РККА, членом которого стал И.В.Сталин. Неоспоримы его заслуги в организации разгрома японских агрессоров на Халхин-Голе. Сталину принадлежит крупная роль в укреплении северо-западных рубежей СССР, достигнутом в итоге завершения советско-финляндской войны 1939-1940 годов.

Обладая чувством нового, Сталин предвидел, что армия и страна, не учитывающие изменений, происходивших в военном деле, в развитии средств борьбы, в изменении характера боевых действий, обречены на поражение. Выступая 17 апреля 1940 года на совещании по подведению итогов и изучению опыта войны с Финляндией, Сталин со всей остротой поставил вопрос о необходимости овладения командными кадрами способов военных действий. Он говорил: "Традиции и опыт гражданской войны совершенно недостаточны, и кто их считает достаточными, наверняка погибнет. Командир, считающий, что он может воевать и побеждать, опираясь только на опыт гражданской войны, погибнет как командир. Он должен этот опыт и ценность гражданской войны дополнить обязательно ... дополнить опытом современной" (Зимняя война 1939-1940. Кн.2. И.В.Сталин и финская кампания. М., 1998, с.278).

Последующие события подтвердили правильность этой мысли Сталина. Вооруженная борьба, развернувшаяся в ходе второй мировой войны, резко отличалась от военных действий в первой мировой

войне. Под ударами немецко-фашистского "блицкрига" в короткий срок рухнули армии многих европейских стран, в том числе и таких крупных как Франция и Польша. Военно-политическое руководство этих государств не нашло пути решения возникших новых проблем вооруженной борьбы, надежного противодействия массированным ударам немецких танков и авиации, стратегии "блицкрига".

Нарастающая угроза военного нападения фашистской Германии на Советский Союз становилась все более очевидной. Уже к маю 1941 года СССР был предпринят ряд оборонительных мер. В середине мая приграничные округа получили указание о формировании строительства укрепленных районов на новой государственной границе. В конце мая -- начале июня на военно-учебные сборы была призвана часть приписного состава, что позволило довести некоторые дивизии до необходимой численности. Ближе к госгранице выдвигались дивизии из глубины пограничных округов. Буквально за несколько дней до начала вероломного нападения Германии решением Политбюро ЦК ВКП(б) были созданы Северо-Западный, Западный, Юго-Западный фронты, а накануне войны -- еще Северный и Южный фронты.

С первых же дней войны перед И.В.Сталиным неотложно и остро встала проблема оптимальной организации управления вооруженной борьбой и всей жизнью страны в новых крайне сложных условиях, тем более после первых неудачно развернувшихся военных действий. Как высший руководитель государства, он сумел быстро найти новые оптимальные формы управления и создать соответствующие властные органы. Они успешно функционировали (изменяясь и совершенствуясь) на протяжении всей Отечественной войны, как в драматические ее периоды, так и в победные годы. Была осуществлена максимальная концентрация власти в одних руках. Это потребовало от Сталина неимоверного напряжения всех духовных и умственных сил, работы, в полном смысле слова, на износ.

В этот критический, сложный период войны И.В.Сталин оказался на уровне предъявляемых к полководцу требований: были сорваны планы гитлеровцев первыми массированными ударами разгромить Красную Армию. Полководец, не допустивший в начале войны разгрома своих войск, уже, можно сказать, выигрывает войну.

В самом начале войны И.В.Сталин охарактеризовал наиболее принципиальные особенности Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии.

Первой особенностью Отечественной войны было то, что она возникла в результате внезапного вероломного нападения на СССР гитлеровской Германии. Готовясь к нападению на Советский Союз, фашистская Германия задолго полностью перевела свою экономику, а затем промышленность оккупированных ею европейских стран на выпуск военной продукции. Войска Германии, как страны-агрессора, были целиком отмобилизованы и продвинуты к границам СССР, а затем по сигналу для выступления брошены против СССР. "Фашистская Германия, -- говорил И.В.Сталин в выступлении по радио 3 июля 1941 года, -- неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.18).

Второй особенностью Отечественной войны являлось то, что в ней воевали не солдат против солдата, не армия против армии, а фашистская Германия против социалистического Советского Союза. Это была не обычная война, а, по определению И.В.Сталина, великая война всего советского народа против немецко-фашистских войск (там же, с.28). Дело, таким образом, шло о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том -- быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение, сохранить свой образ жизни и культуру или быть уничтоженными. В этой войне вопрос стоял только о полном разгроме гитлеровской Германии.

Третьей особенностью Отечественной войны было то, что в этой войне армия и народ были, как никогда, едины. И на фронте, и в тылу советские люди отдавали все свои силы, а подчас и жизнь, делу разгрома ненавистного врага. Войну вела вся страна -- рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция,

люди всех национальностей, мужчины и женщины, старики и дети. Поэтому исчезло само понятие в старом смысле слов "фронт" и "тыл"; тыл был таким же фронтом. Тыл поставлял армии боевые резервы, пополнял ее ряды, снабжал оружием и продовольствием -- всем необходимым для разгрома противника.

Четвертая особенность Отечественной войны заключалась в том, что целью этой всенародной войны против фашистских угнетателей была не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. Опыт двух лет второй мировой войны показал, что гитлеризм является смертельным врагом всех народов мира -- англичан и французов, американцев и югославов, датчан и греков. Всем им грозило порабощение и истребление. Вот почему Советский Союз имел верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе и в лице германского народа. Это был, говоря словами И.В.Сталина, "единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.28).

Пятая особенность Отечественной войны состояла в том, что это была современная война, война, ведущаяся при помощи новых технических средств, новыми методами, новой тактикой военных действий. Она коренным образом отличалась как от первой мировой войны, так и от войны гражданской. Тогда главную роль играли боец-пехотинец, вооруженный винтовкой и пулеметом, кавалерия и полевая артиллерия. Введение в бой в большом количестве танков, авиации, автоматического оружия, скорострельной артиллерии и моторизованной пехоты сделало военные действия резко отличными от хода сражений в прошлых войнах. Военные действия стали необычайно напряженными, интенсивными, прежнее позиционное понятие о фронте исчезло, фронт превратился в подвижной, крайне изменчивый, а сама война стала весьма маневренной. Сражения велись и на огромной территории, и с применением многомиллионных армий.

В целом советские Вооруженные Силы вступили в Отечественную войну организованными на современной технической основе. Они располагали, хотя еще и в недостаточном количестве, передовой военной техникой, имели серьезные заделы по ее совершенствованию. Это безусловно помогло Сталину как Верховному Главнокомандующему решать задачи вооруженной борьбы начального периода войны.

Вероломное нападение фашистской Германии заставило Красную Армию начать войну стратегической обороной. Верховному Главнокомандованию, Сталину необходимо было найти формы и способы борьбы, способные противостоять массированным ударам танков и авиации противника. Как известно, военным руководством армий европейских стран такие способы не были найдены, что и сыграло роковую роль, проложило путь к их тотальному поражению.

Советскому военно-политическому руководству, хотя и с огромными издержками, удалось в оборонительных сражениях первого периода войны преодолеть губительные последствия внезапного нападения мощного врага, сорвать немецкий план "молниеносной войны". Измотав и истощив силы противника, изменить соотношение сил в пользу Красной Армии, создать условия для перехода в контрнаступление, вырвать из рук врага стратегическую инициативу.

Роль Сталина в решении этих труднейших задач нельзя недооценивать. Ни одно важное решение по боевым действиям в этот период войны не принималось без его главенствующего участия. На нем, как на Верховном Главнокомандующем, лежит большая доля ответственности за тяжкие поражения первых месяцев войны. Но ему же принадлежит большая роль и в срыве немецкого плана "блицкрига", великая заслуга в организации контрнаступления Красной Армии в тяжелейших условиях битвы за Москву.

В трудные дни обороны Москвы И.В.Сталин выезжал на фронт, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Сопровождавший его в этих поездках телохранитель А.Т.Рыбин в записках "Сталин на фронте" пишет: "В 1941-1942 годах Сталин выезжал в прифронтовые полосы: на Можайский, Звенигородский, Солнечногорский оборонительные рубежи".

На Волоколамском направлении он заезжал в госпиталь, в 16-ю армию Рокоссовского, где осмотрел в натуре работу ракетных установок БМ-13 ("катюша"), побывал в 316 дивизии И.В.Панфилова. Через

три дня после парада 7 ноября 1941 года на Красной площади Сталин выезжал на Волоколамское шоссе в одну из дивизий, прибывшую из Сибири, осмотрел ее боевую готовность. "В 1942 году Верховный Главнокомандующий, -- продолжает А.Т.Рыбин, -- выезжал за реку Лама на аэродром, где шли испытания самолета. 2, 3 августа 1943 года Сталин прибыл на Западный фронт к генералу Соколовскому и члену Военного Совета Булганину. 4, 5 августа он находился на Калининском фронте у генерала Еременко". Была проанализирована обстановка, разработан план операции обоих фронтов, особенно Калининского, и вопросы ее материального обеспечения.

Подчас по этому поводу иные авторы восклицают, что-де "мало ездил", а то и того хлеще -- мол, "боялся". Либо делают вид, либо злоумышленно упускают, что Верховный Главнокомандующий чаще выезжать на фронты не мог: нельзя было оставлять общее руководство войной. А это главное.

Интересно и характерно признание немецкого генерала Гюнтера Блюментрита, воевавшего в 1941 году под Москвой. В специально написанной по заданию министерства обороны США в конце 50-х годов большой статье "Московская битва" он признается:

"Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало ...

Из остатков потрепанных в тяжелых боях армий, а также свежих частей и соединений русское командование сформировало новые сильные армии. В армию были призваны московские рабочие ... Сталин со своим небольшим штабом остался в столице, которую он твердо решил не сдавать. Все это было для нас полной неожиданностью. Мы не верили, что обстановка могла так сильно измениться после наших решающих побед, когда столица, казалось, почти была в наших руках. В войсках теперь с возмущением вспоминали напыщенные октябрьские заявления нашего министерства пропаганды.

Стали раздаваться саркастические замечания по адресу военных руководителей, восседавших в Берлине. В войсках считали, что политическим руководителям пора побывать на фронте и своими глазами посмотреть, что там делается ...

Воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас, как привидение. Книга мемуаров наполеоновского генерала Коленкура, всегда лежавшая на столе фельдмаршала фон Клюге, стала его библией. Все больше становилось совпадений с событиями 1812 года ...

Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя ...

Часто спрашивают: смогли ли бы немцы выиграть эту войну, если бы им удалось захватить Москву? Это чисто академический вопрос, и никто не может ответить на него с полной определенностью. Я лично считаю, что, если бы даже мы овладели Москвой, все равно война была бы далека от благополучного завершения. Россия настолько обширна, а русское правительство обладало такой решимостью, что война, принимая новые формы, продолжалась бы на бескрайних просторах страны" (Роковые решения. М., 1958, с.91-93, 98, 109).

Наряду с Москвой крупнейшим индустриальным и культурно-политическим центром в Советском Союзе был Ленинград, Вот почему гитлеровские генералы рвались к колыбели революции, одному из важных оплотов социализма. Гитлер издал приказ захватить Ленинград и "сравнять его с землей". "Немецкие гренадеры, прошагавшие с победой все расстояния от Восточной Пруссии до пригородов Ленинграда, -- вещал он, -- найдут в себе силы пройти и оставшийся десяток километров" (Цит. по кн. А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1983, с.169).

Ставка Верховного Главнокомандования, Сталин срочными мерами создали устойчивый фронт под Ленинградом. Была увеличена глубина обороны города за счет развертывания резервных армий на тыловых оборонительных рубежах. В критическое для города время во главе обороны Ленинграда и всего Ленинградского фронта был поставлен Г.К.Жуков. Благодаря его полководческому искусству, самоотверженности войск и горожан Ленинград был превращен в недоступную для фашистов крепость.

Еще в начале обороны Ленинграда И.В.Сталин в письме к А.А.Жданову предписывал ни в коем случае не сдавать города, С точки зрения военно-стратегической захват немцами Ленинграда позволил бы им соединиться с финскими войсками, что еще больше укрепило бы гитлеровскую коалицию, заставило бы правительства некоторых других стран, которые все еще колебались, вступить в войну против СССР. С точки зрения политической захват Ленинграда позволил бы фашистам создать марионеточное правительство, чтобы затем обратиться к советскому народу с призывом выступить против Советской власти. Тогда нам, подчеркивал Сталин, будет труднее вести войну против немецко-фашистских захватчиков.

Планы фашистов были сорваны. Г.К.Жукову, сыгравшему выдающуюся роль в спасении Ленинграда и за успешную предыдущую полководческую деятельность, первому за годы Отечественной войны из советских военачальников, в январе 1943 года было присвоено воинское звание Маршал Советского Союза. В представлении на звание Сталин написал всего три слова: "Жуков спас Москву". И, передавая документ начальнику управления наркомата обороны генералу Румянцеву, сказал: "Я думаю, что этого будет достаточно" ("Патриот". 1995, №46).

Блокада Ленинграда, продолжавшаяся 900 дней, была прорвана. Мировая история до этого не знала примера столь длительной защиты осажденного крупного города. Тем самым советское военное искусство продемонстрировало превосходство над военным искусством гитлеровского вермахта. "Без признания этой аксиомы, -- писал Г.К.Жуков, -- невозможно ни понять, ни объяснить ход второй мировой войны в целом и узловых, исторических битв, например, таких как борьба за Ленинград" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1990, с.200).

Между тем находятся авторы, которые утверждают, будто Сталин преднамеренно обрек Ленинград на голод и вымирание, поскольку, мол, ненавидел город революции. Поистине ложь не знает предела.

С первых же дней войны Сталин добивался неукоснительного и предельно срочного выполнения всех военных заказов, поставки Красной Армии новых видов вооружения. За годы Отечественной войны состоялось свыше 200 заседаний высших руководящих партийных органов -- Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК партии, на которых обсуждались нужды фронта, работа тыла в условиях войны. Как вспоминал нарком вооружения Д.Ф.Устинов, в середине июля 1941 года И.В.Сталин указал на необходимость ускорить изготовление авиационных пушек Б.Г.Шпитального. "Полтора месяца -- слишком долго. -- Сталин посмотрел на висевшие на стене портреты Суворова и Кутузова и спросил: -- Вы, товарищ Устинов, знаете, как ценил время Суворов? "Деньги дороги, жизнь человеческая -- еще дороже, а время дороже всего". Так он говорил. Думаю, что правильно. В условиях войны выигрыш времени имеет особое, часто решающее значение. Это вопрос достижения технического превосходства над противником. К создателям оружия он относится не в последнюю очередь" (Д.Ф.Устинов. Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М., 1988, с.204).

Сталину принадлежат крылатые слова: "Артиллерия -- бог войны". В январе 1942 года Красная Армия впервые осуществила артиллерийское наступление. С тех пор это стало основной формой применения артиллерии во всех наступательных операциях. Так, вспоминая Берлинскую наступательную операцию, маршал Г.К.Жуков писал: "На участке главного удара войск фронта артиллерийская плотность создавалась до 270 орудий калибром от 76 миллиметров и выше на один километр фронта прорыва ... От выстрелов многих тысяч орудий, минометов и наших легендарных "катюш" ярко озарилась вся местность, а вслед за этим раздался потрясающей силы грохот выстрелов и разрывов снарядов, мин и авиационных бомб" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. М., 1990, Т.3, с.234, 239).

Во время войны забота о Красной Армии, морально-политическом состоянии ее кадров проявилась во введении общевойсковых погон, проведении унификации воинских званий. За высокое воинское

мастерство, мужество и героизм, проявленные в боях с врагом, соединениям и частям присваивалось звание гвардейских. Были введены гвардейские воинские звания, например, гвардии сержант, гвардии лейтенант, гвардии капитан и т.д. В 1943 году были установлены воинские звания -- маршал, главный маршал авиации, артиллерии, бронетанковых, инженерных войск и войск связи. Эти и другие меры Верховного Главнокомандования повышали боеспособность армии, укрепляли ее дисциплину и морально-политическое состояние, что было очень важно именно тогда, на переломном рубеже Великой Отечественной войны.

Известно, что Сталин уважал и ценил храбрых командиров. Он высоко отзывался, например, о Иване Степановиче Коневе, его инициативных боевых действиях. Так, во время Корсунь-Шевченковской операции мощный танковый клин врага врезался в оборону 27-й армии 1-го Украинского фронта, которым командовал Н.Ф.Ватутин. Предвидя это, И.С.Конев перебросил 5-ю танковую армию на стык с соседом и даже частично в его полосу действий. Ему позвонил Верховный Главнокомандующий:

-- В Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим. Вы знаете обстановку у вашего соседа?

Конев ответил:

-- Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котел, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты 5-я гвардейская танковая армия и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

Сталин спросил:

-- Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией вашего фронта.

Конев ответил:

-- Да, по своей, товарищ Сталин.

На что Сталин сказал:

-- Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Действительно минут через 10-15 Сталин позвонил вновь. Тогда же директивой Ставки общее руководство всеми войсками, привлекаемыми для уничтожения окруженных на внутреннем фронте, было возложено на командующего 2-м Украинским фронтом И.С.Конева.

А когда операция, вошедшая в историю как "Сталинград на Днепре", пришла к победному концу, Сталин позвонил Коневу:

-- Поздравляю с успехом. У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза.

Самолетом И.С.Коневу доставили маршальские погоны, присланные Маршалом Советского Союза Г.К.Жуковым.

Однако Сталин не раз и ругал Конева, когда тот решал дела, которые должны были решать в лучшем случае командиры полков.

Сталин был беспощаден к тем, кто не исполнял порученного дела, к нарушителям воинской дисциплины, разгильдяйству.

При всем почтительном отношении к маршалу К.Е.Ворошилову И.В.Сталин настоял в апреле 1942 года принять постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о работе товарища Ворошилова. В постановлении отмечалось, что он обнаружил свою несостоятельность по руководству армией еще во время войны с Финляндией в 1939-1940 годах, за что и был освобожден от поста наркома обороны страны. Назначенный в начале войны с Германией главнокомандующим Северо-Западного направления, Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. А командированный в феврале 1942 года представителем Ставки на Волховский фронт, вместо того, чтобы взять на себя непосредственное командование фронтом, имеющим решающее значение для защиты колыбели революции, маршал с наганом в руке поднял матросов в атаку против фашистов. Было решено:

"Первое. Признать, что товарищ Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.

Второе. Направить товарища Ворошилова на тыловую военную работу" (ЦАМО, ф.132, оп.2642, д.233, лл.285-286).

В том же 1942 году приказом народного комиссара обороны И.В.Сталина за провал керченской операции и сдачу врагу Керчи, имевшей важное значение для обороны Северного Кавказа, был снят с должности заместителя наркома обороны маршал Г.И.Кулик. Его лишили звания Героя Советского Союза, всех воинских наград и разжаловали до звания генерал-майора.

Эти примеры, с одной стороны, свидетельствуют о твердости руководства Сталина, а с другой -- развенчивают миф о какой-то его сверхжестокости.

В борьбе за достижение поставленных целей Сталин обладал железной волей. Он умел организовать усилия миллионов людей для завоевания победы, крепко держал рычаги власти в своих руках и заставлял работать с отдачей всех сил все звенья государственного, партийного и военного аппаратов. Ему было присуще острое чувство распознания талантливых людей, умелых организаторов, знатоков военного дела. Он мастерски подбирал своих помощников из одаренных и талантливых военачальников, выращивал их и смело ставил на ответственные посты.

"Война, -- говорил И.В.Сталин, -- суровое испытание. Она выдвигает сильных, смелых, талантливых людей. Одаренный человек покажет себя в войне за несколько месяцев, на что в мирное время нужны годы. У нас в первые же месяцы войны проявили себя замечательные военачальники, которые в горниле войны приобрели опыт и стали настоящими полководцами" (Цит, по кн. С.М.Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн.2. М., 1981, с.499).

За годы войны и в ходе Отечественной войны Сталин блестяще справился с задачей формирования и воспитания высшего эшелона военачальников, владеющих передовой военной наукой, умеющих бить врага. Достаточно назвать такие имена, как Г.К.Жуков, А.М.Василевский, К.К.Рокоссовский, И.С.Конев, Л.А.Говоров, Н.Ф.Ватутин, И.Д.Черняховский, А.И.Антонов, В.Д.Соколовский, К.А.Мерецков, Р.Я.Малиновский, Н.Н.Воронов, Ф.И.Толбухин, Н.Д.Яковлев, М.С.Малинин, К.Н.Галицкий, С.Г.Трофименко, А.В.Горбатов, С.М.Штеменко, В.В.Курасов, К.А.Вершинин, А.Е.Голованов, Я.Н.Федоренко, П.С.Рыбалко, С.И.Богданов, М.Е.Катуков, Д.Д.Лелюшенко, А.И.Еременко, И.Х.Баграмян, Н.Г.Кузнецов, П.А.Курочкин, С.С.Бирюзов, К.С.Москаленко и многих, многих других.

Полководческая деятельность И.В.Сталина с наибольшей глубиной раскрылась в самой сложной, высшей области военного искусства -- стратегии. Его выдающиеся способности в этой области отмечали ближайшие соратники.

Важнейшей и чаще всего наиболее трудной проблемой войны, ее кампаний и важнейших операций является правильное решение вопроса о воздействии политики на военную стратегию. А также обратного влияния хода вооруженной борьбы на принятие политических решений. Еще Клаузевиц отмечал: "Война является не самостоятельным делом, а продолжением политики другими средствами; ввиду этого главные линии всех крупных стратегических планов преимущественно имеют

политический характер, который выступает тем сильнее, чем шире они охватывают войну и государство в целом. Весь план войны непосредственно вытекает из политического бытия воюющих государств и их отношений с другими державами ... Но политический элемент проникает и в отдельные операции, и лишь редко можно найти крупный военный акт, например, сражение и т.п., на который политический элемент на оказывал бы какого-либо влияния ...". Далее Клаузевиц отмечает, что "этот взгляд" он кладет "в основу всей стратегии", что это "делает понятной всю военную историю -- без чего все полно величайших абсурдов" (Клаузевиц, Основы стратегического решения. М., 1924, с.7-8).

Решение сложного узла проблем, связанных с взаимовлиянием политики на военную стратегию и хода вооруженной борьбы на политику, требует серьезного научного подхода и хорошей разносторонней подготовки. При изучении военной истории правильное освещение этих вопросов затрудняется тем, что многие из принимавшихся на высшем уровне решений, и особенно их мотивация, не находят достаточно полного отражения в документах. Между тем глубокое понимание взаимодействия политики и военной стратегии, их конкретного проявления в конкретной обстановке имеют исключительно важное значение для судьбы войны.

Опираясь на опыт гражданской войны и первого периода Отечественной войны, Сталин пришел к выводу, что современную войну нельзя вести без учета особой роли резервов. При этом резервы рассматривались им во всем многообразии. Он считал, что резервы должны создаваться в общегосударственном масштабе и обеспечивать ведение войны всем необходимым. Стратегические резервы Вооруженных Сил должны включать в свой состав запасы призывных людских контингентов, средства материального обеспечения ведения вооруженной борьбы, готовые для боевых действий войсковые соединения и объединения оперативного масштаба, резервы боевой техники, резервы транспортных средств.

В 12-ом томе "Истории второй мировой войны" отмечается: "Искусство стратегического руководства рельефно проявлялось в умелом и наиболее эффективном применении резервов. В наступлении они использовались для создания ударных группировок на главных направлениях, наращивания усилий войск для развития наступления на большую глубину, отражения контрударов противника, закрепления на важных рубежах и решения других задач. В обороне резервы использовались для восстановления стратегического фронта, наращивания глубины обороны на наиболее угрожаемых направлениях, нанесения решительных контрударов и создания группировок войск при переходе в контрнаступление. Стратегические резервы, как правило, направлялись туда, где решалась судьба кампании или стратегической операции, и вводились лишь тогда, когда имелись условия для создания перелома в оперативно-стратегической обстановке. Особенно ярко это проявилось в Московской, Сталинградской и Курской битвах" (История Второй мировой войны, 1982, Т.12, с.337).

Выдающуюся роль Сталина в создании и умелом использовании стратегических резервов во время войны отмечали многие его соратники. Так, адмирал флота Н.Г.Кузнецов писал в своих воспоминаниях, что маршал А.М.Василевский говорил ему: "... как в критические октябрьские и ноябрьские дни 1941 года северо-западное направление на подходах к столице оказалось плохо защищенным, а все настойчивые просьбы и обращения к Сталину взять войска и артиллерию из резерва были напрасны. Сталин в те дни с удивительным упорством собирал резервы для контрнаступления и провел это в жизнь. Казалось, нереальная в тех условиях победа под Москвой стала возможной.

.Нечто подобное позднее происходило под Сталинградом, когда советские войска готовились окружить и разбить армию Ф.Паулюса. Тогда решением Ставки и лично Верховного Главнокомандующего в течение нескольких месяцев буквально со всех концов страны подтягивались людские резервы и материальная часть, чтобы окружить и "загубить" (по выражению Сталина) немецкие войска ... Нужно прямо сказать, что при огромном, а иногда и решающем значении роли полководцев, проводивших планы операции в жизнь, зарождение идеи в Ставке и воля Верховного Главнокомандующего определяли успех сражения" ("Военно-исторический журнал". 1993, №4, с.50).

Только правильно организованная и разумно используемая система резервов может обеспечить гигантские масштабы современной вооруженной борьбы. Искусное маневрирование всеми этими

резервами -- важнейшая задача стратегии. Она успешно и эффективно решалась И.В.Сталиным на протяжении всей войны как в деле создания резервов, так и их использования.

Исключительно важную роль играет на войне и фактор времени. А на ее решающих этапах это проявляется особенно отчетливо, зримо, чему пример выбор времени перехода в контрнаступление в битвах под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге. Опыт Отечественной войны убеждает, что советское Верховное Главнокомандование в полной мере обладало замечательной способностью чувства времени начала или завершения крупных сражений.

После контрнаступления под Москвой Сталин дал правильный прогноз дальнейшего развития событий на советско-германском фронте, сформулировал положение о значении постоянно действующих факторов войны. Тем самым были определены ориентиры действий Вооруженных Сил и работа тыла, которые в конечном итоге должны привести к победе. "Момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью, -- указывал И.В.Сталин в феврале 1942 года. -- Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организационные способности начальствующего состава армии" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.78).

С точки зрения теории это было новое слово в науке о войне, о непосредственной органической связи хода и исхода войны со степенью и характером экономического и политического развития государства, с господствующей в стране идеологией. С точки зрения практической это была целостная программа становления и развития хозяйственно-политической и организаторской работы для достижения победы. С точки зрения собственно военной это была платформа подготовки кадров Красной Армии, вооружения командиров и бойцов военным искусством побеждать врага. В приказе 1 мая 1942 года Сталин заявил, что Красная Армия имеет все необходимое, чтобы разбить врага и изгнать его из Советской страны, требуется только полностью использовать предоставленную первоклассную технику, в совершенстве овладеть своим оружием, бить врага по всем правилам современной военной науки.

Сталин умел охватывать все стороны военно-политической обстановки, систематизировать огромный объем данных, выделять самое существенное в развитии войны, постигать решающее в ней, что определяет и будет в дальнейшем определять ход ее событий. Такую способность полководца высоко ценил выдающийся советский военный деятель М.В.Фрунзе. "Для того чтобы быть хорошим стратегом одинаково, как в области чистой политики, так и в военном деле, -- отмечал он, -- необходимы особые качества. Самым важным из них является так называемая интуиция, способность быстро разобраться во всей сложности окружающих явлений, остановиться на самом основном и на основании этого основного наметить определенный план борьбы и работы" (М.В.Фрунзе. Избранные произведения. М., 1934, с.322).

Победа над мощным противником, указывал Сталин, не может быть достигнута в одном генеральном сражении. Для этого необходимо провести целый ряд успешных наступательных операций стратегического масштаба. Он считал и последовательно на протяжении всей войны воплотил в боевые действия войск положение о том, что "только неуклонно нарастающие в своей силе сокрушительные удары могут сломить сопротивление врага и привести нас к окончательной победе" (И.В.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.139).

На протяжении всей войны Сталин, как полководец, уделял исключительное внимание вопросу выбора направления главного удара в проводившихся советскими войсками кампаниях, стратегических операциях фронтов и групп фронтов. Он исходил из положения, выработанного им еще в предвоенные годы: "План стратегии -- это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов" (И.Сталин. Соч., Т.5, с.163).

Проблема главного удара Сталиным рассматривалась широко и не ограничивалась только правильным выбором его направления. Сталин прилагал огромные усилия для того, чтобы всесторонне обеспечить достижение успеха на избранном направлении. Дело сводилось не только к сосредоточению здесь мощных группировок войск. Велись напряженные поиски оптимальных, нестандартных способов проведения операций, новых организационных форм, делалось максимум возможного по материально-техническому обеспечению успеха на избранном направлении, туда направлялись наиболее подготовленные кадры. Принимались все меры к тому, чтобы скрыть от противника готовившийся удар.

В воспоминаниях А.С.Яковлева сохранилось поучительное высказывание И.В.Сталина на совещании 10 июня 1943 года по вопросу о сосредоточении усилий истребительной авиации на избранных направлениях и поиску новых организационных форм для достижения этих целей. Запись гласит: ""Наша истребительная авиация, -- сказал Сталин, -- разбросана по отдельным фронтам и не может быть использована концентрированно как ударная сила для решения самостоятельных задач, как, например, завоевания господства в воздухе на том или другом участке фронта. Пока что наши истребители в основном взаимодействуют с наземными войсками и самостоятельного значения не имеют ...". Сталин предложил создать несколько специализированных истребительных корпусов, подчиненных Главному Командованию, с тем чтобы использовать эти части для массированных ударов в воздухе против вражеской авиации, для завоевания господства в воздухе на решающих участках фронта. Все присутствовавшие единодушно согласились с этим предложением" (А.С.Яковлев. Цель жизни. М., 1967, с.326).

Наступательная стратегия Красной Армии по существу господствовала на полях сражений Отечественной войны с конца 1942 года. Наступательные операции Красной Армии отличались достижением внезапности действий как в стратегическом, так и в оперативном масштабах, нарастающим размахом, умелым выбором направления главного удара, искусным маневрированием боевыми силами и военными средствами, мастерством добиваться победы в сжатые сроки и наименьшей ценой потерь, применением различных способов разгрома противника, отсутствием шаблона в действиях войск. Неуклонно возрастала результативность стратегического наступления Красной Армии. Именно в ходе этих операций были достигнуты важнейшие цели Великой Отечественной войны и второй мировой войны.

При разработке целей и способов проведения кампаний и стратегических операций на этом этапе Великой Отечественной войны в политической стратегии и военной стратегии советского руководства серьезных сбоев, тем более противоречий и столкновений, не было. В успешном решении этих сложнейших задач огромная заслуга принадлежит высшему политическому и военному руководству нашей страны, лично Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами И.В.Сталину.

"Советские войска, -- писал впоследствии маршал А.М.Василевский, -- прочно захватив в свои руки стратегическую инициативу, встали на прямой путь, ведущий к победе. Путь этот был нелегок. Однако все мы сознавали, что уже сделан решающий шаг в освобождении Родины. Стала заметной растущая уверенность в наших действиях, в характере оперативно-стратегических планов и замыслов командующих фронтами. Наши военачальники все лучше овладевали искусством маневренных наступательных операций, не забывая в то же время и о необходимости умело держать оборону" (А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, с.345).

Сталину, как Верховному Главнокомандующему и председателю Ставки ВГК, принадлежала выдающаяся роль в определении политических и военных целей вооруженной борьбы на различных ее этапах, в разработке планов кампаний и стратегических операций, в которых участвовали огромные массы войск и боевой техники, и каждая из которых являлась важным звеном на пути к окончательной победе. Составить конкретное представление по этим вопросам можно, если рассмотреть процесс планирования хотя бы одной из кампаний Великой Отечественной войны, одной из ее битв.

Во многих отношениях поучительным является планирование советским командованием летне-осенней кампании 1943 года, когда чаша весов войны еще колебалась и немецкое командование предпринимало

отчаянные усилия, чтобы повернуть ход войны в свою пользу. А также планирование вооруженной схватки в главном событии этой кампании -- битве на Курской дуге.

Известно, что после зимних сражений 1942-1943 годов на советско-германском фронте установилось относительное затишье. Весна и начало лета 1943 года были наполнены напряженной подготовкой противоборствующих сторон к предстоящим сражениям, их огромными усилиями по мобилизации материальных и духовных ресурсов своих стран к решающей схватке. Вновь, как и ранее, в поединке столкнулись две школы военной мысли, две стратегии дальнейшего ведения войны.

23 февраля 1943 года Сталин в приказе №95 сформулировал военно-политические цели, стоявшие перед страной: "Мы начали освобождение Советской Украины от немецкого гнета, но миллионы украинцев еще томятся под гнетом немецких поработителей, В Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, в Молдавии, в Крыму, в Карелии пока еще хозяйничают немецкие оккупанты и их прислужники. Вражеским армиям нанесены мощные удары, но враг еще не побежден. Немецкие захватчики яростно сопротивляются, переходят в контратаки, пытаются задержаться на оборонительных рубежах и могут пуститься на новые авантюры. Вот почему в наших рядах не должно быть места благодушию, беспечности, зазнайству".

Верховный Главнокомандующий потребовал: "Усилить удары по вражеским войскам, неустанно и упорно преследовать врага, не давать ему закрепляться на оборонительных рубежах, не давать ему отдыха ни днем ни ночью, резать коммуникации врага, окружать вражеские войска и уничтожать их, если они отказываются сложить оружие" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.170, 171).

К разработке конкретных военных планов на лето и осень 1943 года советское военно-политическое руководство приступило в конце марта. Эта работа прошла несколько этапов и длилась около трех месяцев. В ней участвовали Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб и штабы видов вооруженных сил и родов войск, командования и штабы ряда фронтов.

Высшим руководителем и координатором этой многогранной работы являлся Сталин, что требовало от него глубокого знания военного дела, трезвой оценки меняющейся обстановки на советско-германском фронте и других театрах второй мировой войны, возможностей советских войск и войск противника, военно-экономического потенциала воюющих сторон, способности и умения мобилизовать все материальные и духовные силы страны для достижения целей предстоявшей кампании.

Первоначально намечалось, что советские вооруженные силы первыми перейдут к активным действиям, развернут широкое наступление на юго-западном направлении. К этому имелись объективные предпосылки -- значительно усилившийся военно-экономический потенциал страны, возросшее могущество вооруженных сил, их выдающиеся успехи зимой 1942-1943 годов привели к глубоким изменениям в соотношении сил противоборствовавших сторон. Казалось, это было правильное решение, отвечающее сложившейся обстановке, проверенное мировой практикой.

Однако жизнь и творческий поиск новых, неординарных путей решения проблем вооруженной борьбы внесли свои коррективы в первоначальный замысел. Советской разведкой было установлено, что Германия спешно перебрасывает на Восточный фронт новые мощные силы и что возможным очагом возникновения опасности может стать район Курской дуги. В последующем были вскрыты общий замысел немецко-фашистского командования на проведение летне-осенней кампании 1943 года на советско-германском фронте, направления намечавшихся ударов, силы ударных группировок, в которых особая роль отводилась массированному применению танков и авиации.

Таким образом, еще до начала наступления вермахта, хорошо сработавшая разведывательная служба дала советскому командованию возможность планировать боевые Действия на основе весомых сведений о положении, силах и намерениях противника, причем не только на Курском направлении, но и в масштабе всего фронта, и всесторонне подготовиться к предстоявшей борьбе. Это был крупный успех, и он оказал значительное влияние на ход войны.

Дальнейшее изучение военно-политической обстановки и данных о планах противника подтвердило, что немецко-фашистское командование готовится к проведению летом 1943 года широких наступательных действий и главный удар будет нанесен в районе Курского выступа.

Стало ясно, что борьба примет чрезвычайно ожесточенный характер и будет проходить в условиях крупных изменений в техническом оснащении вооруженных сил противоборствующих сторон. Не менее важно было учесть и то, что боевые действия будут проходить в условиях изменившегося соотношения военных сил противников.

Весной 1943 года перед советским политическим и военным руководством со всей остротой вновь встал вопрос о том, как решать главные задачи войны, какой вид стратегических действий -- наступление или оборону -- применить на данном этапе.

Вырабатывая план летне-осенней кампании 1943 года военно-политическое руководство Советского Союза считалось с тем, что боеспособность вермахта оставалась высокой, что и на этом этапе войны предстоит вести борьбу со стойким и хорошо подготовленным противником, имевшим на своем вооружении первоклассную боевую технику. Недооценки сил врага допущено не было.

Итак, предстояло принять важнейшее решение: какой вид стратегических действий применить для достижения цели -- оборону или наступление.

Поступавшие сведения о противнике Сталин неоднократно обсуждал с руководящими работниками высших политических и военных инстанций. Маршал А.М.Василевский писал: "Анализируя разведывательные данные о подготовке врага к наступлению, фронты, Генеральный штаб и Ставка постепенно склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. Этот вопрос в конце марта -- начале апреля многократно обсуждался в ГКО и Ставке" (А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, с.309).

8 апреля Г.К.Жуков, находившийся в районе Курского выступа, направил в Ставку доклад, в котором особо подчеркнул: "Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника". (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1974, с.141). В докладе ставился вопрос о действиях "в ближайшие дни". Более дальняя перспектива событий еще не рассматривалась.

В своих воспоминаниях А.М.Василевский писал: "Я как раз находился у И.В.Сталина, когда он получил этот доклад. Верховному было известно, что Генеральный штаб придерживается точки зрения Жукова. Прочитав доклад Жукова, Сталин сказал: "Надо посоветоваться с командующими войсками фронтов" -- и распорядился запросить мнение фронтов" (А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, с.310).

Касаясь вопросов планирования летне-осенней кампании 1943 года и Курской битвы, необходимо отметить такое важное обстоятельство. Весной 1943 года советское командование впервые за все время войны располагало полными данными о замыслах противника. Это, безусловно, облегчало решение им такой важной исходной задачи планирования, как безошибочный анализ сложившейся военно-политической обстановки. Без этого невозможно правильно предвидеть развитие событий, обоснованно разработать план действий в предстоящей военной кампании и планы ее стратегических операций.

Верховный Главнокомандующий энергично поддержал рациональные соображения, высказанные в докладе Жукова, и 10 апреля дал указание Генштабу подготовить совещание в Ставке по обсуждению плана летне-осенней кампании и запросить мнение командующих фронтами о возможном характере действий и вероятных направлениях ударов противника.

Командования Центрального и Воронежского фронтов выразили уверенность в том, что враг будет наступать на Курском направлении. При этом в донесении от 10 апреля начальник штаба Центрального фронта генерал-лейтенант М.С.Малинин высказался за нанесение упреждающего удара по немецким

войскам: "В условиях данной оперативной обстановки считал бы целесообразным предпринять следующие мероприятия: объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку противника и этим лишить его возможности нанести удар из района Орла через Ливны и Касторное, захватить важнейшую для нас железнодорожную магистраль Мценск -- Орел -- Курск и лишить противника возможности пользоваться Брянским узлом железных и грунтовых дорог" (ЦАМО РФ, ф.33, оп.2307, д.3, л. 3). Военный совет Воронежского фронта в это время своего мнения о предстоящих действиях советских войск не высказал. (ЦАМО РФ, ф.48а, оп.1147, д.2, лл.4-7).

12 апреля в Ставке под председательством И.В.Сталина состоялось совещание. Кроме него присутствовали заместитель Верховного Главнокомандующего Г.К.Жуков, начальник Генерального штаба А.М.Василевский, заместитель начальника Генштаба А.И.Антонов. Участники совещания пришли к выводу, что целью вермахта будет окружение и уничтожение войск Центрального и Воронежского фронтов в районе Курского выступа. Предполагалось, что в последующем немецко-фашистское командование попытается развить наступление в восточном и юго-восточном направлениях, считалось также возможным нанесение удара на северо-восток в обход Москвы. На остальных участках фронта, где противник не располагал силами, необходимыми для ведения крупных наступательных операций, предполагалось, что немецкие войска будут обороняться или вести отвлекающие действия.

Хотя инициатива находилась в руках Красной Армии, и она имела возможность развернуть первой наступление, Ставка ВГК избрала преднамеренную оборону с последующим переходом в контрнаступление. Было принято решение о строительстве системы прочной, глубокоэшелонированной обороны, прежде всего в районе Курского выступа. Войска получили указание прикрыть подступы к переднему краю мощными минными полями и другими заграждениями, надежно укрыть в землю живую силу, артиллерию, минометы, танки, оборудовать траншеи и ходы сообщений, чтобы облегчить маневр во время сражения.

Предусматривалось на заранее подготовленных рубежах измотать противника в оборонительном сражении, создать этим условия для перехода в контрнаступление, в ходе которого нанести решающее поражение главным силам вермахта.

Участники совещания исходили из того, что в случае перехода в наступление советских войск первыми, сильные танковые группировки врага могут воспрепятствовать его развитию. Было очевидно и то, что при нанесении упреждающего удара по изготовившемуся к наступлению противнику потери советских войск резко возрастут. Печальный опыт, приобретенный Красной Армией весной 1942 года, когда были предприняты попытки первыми осуществить наступательные операции, не прошел даром.

Переход к преднамеренной обороне был наиболее целесообразным способом действий в обстановке, сложившейся весной 1943 года. Осенью 1943 года И.В.Сталин в беседе с маршалом бронетанковых войск П.А.Ротмистровым так объяснил, почему он считал целесообразным встретить удар немецко-фашистских войск обороной. "Наша пехота с артиллерией очень сильна в обороне и нанесет большое поражение наступательным силам гитлеровцев. В маневренном же бою после прорыва обороны противника пехота не так сильна. Наши танковые войска, отметил И.В.Сталин, доказали, особенно в битве под Сталинградом, что они вполне способны успешно вести бой с сильнейшими танковыми группировками противника в маневренных условиях. Однако в той ситуации, когда фашисты имели почти такое же количество танков, как и Красная Армия, но обладали численным превосходством в тяжелых танках, риск был необоснованным. Вот почему и было принято такое решение, и оно себя полностью оправдало". (П.А.Ротмистров. Время и танки. М., 1972, с.162).

Не вело ли решение советского командования отказаться начать первыми широкое наступление весной 1943 года к потере стратегической инициативы, захваченной после победы в Сталинградской битве? Ни в коей мере! Зная о наступательных планах врага, советское командование приняло оптимальное решение -- разгромить главные наступательные группировки вермахта в оборонительном сражении и контрнаступлении под Курском. Этим оно подчиняло план противника (его волю вести наступление) своему плану, своей воле. Инициатива выбора решения весной 1943 года оставалась в руках советской

стороны. Способность проникать в замыслы врага всегда расценивалась как одно из ценнейших качеств полководца.

Выработка решения о переходе к преднамеренной обороне в районе Курска была связана с большими сложностями. Это требовало большой осмотрительности, мужества, уверенности в своих силах, глубокого понимания особенностей вооруженной борьбы на данном этапе войны. Дело в том, что с самого начала второй мировой войны ни на одном театре военных действий, ни на одном участке фронта не удавалось предотвращать глубокие прорывы массированных сил немецких танков и авиации. Наступавшие группировки в лучшем случае удавалось остановить лишь в глубине, ценой больших потерь территории, живой силы, боевой техники.

Под Курском мощные танковые силы врага необходимо было обязательно остановить в тактической зоне, так как их продвижение в глубь обороны могло, в конечном итоге, привести к окружению более чем миллионной группировки советских войск западнее Курска. В планировании битвы под Курском по существу заново ставился принципиальный вопрос о способности полевой обороны противостоять мощным танковым таранам врага, не допустить их прорыва на оперативную глубину.

Конечно, в принятом решении имелся определенный риск. В.И.Ленин отмечал, что "всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства уменьшить эту возможность, как организованная подготовка сражения" (В.И.Ленин, Полн. Собр. соч. Т.6, с.137).

Сталин и Ставка действовали по-ленински, предприняли огромные усилия по созданию обороны, которая смогла бы сломить мощные танковые тараны врага на передних рубежах борьбы, предотвратить их прорыв к Курску. Оборона создавалась с учетом того, что на вооружение противника поступили тяжелые танки и самоходные орудия. Риск, на который шло советское командование, был оправдан, но был обдуман, основывался на анализе возможностей своих войск и войск противника и их вооружения. Но предстояла невиданная по своему напряжению и ожесточенности борьба.

Переход к обороне не означал для советских вооруженных сил потерю инициативы. Это был лучший способ создания благоприятных условий для разгрома наиболее активных и опасных ударных группировок врага. Решение Ставки ВГК о переходе к преднамеренной обороне носило творческий, оригинальный характер. История военного искусства знает мало примеров, когда более сильная сторона переходом к обороне так успешно использовала боевую активность врага, чтобы нанести ему поражение и добиться дальнейшего изменения соотношения сил в свою пользу.

Таким образом, Ставка ВГК к середине апреля имела ясное представление о характере предстоявшей вооруженной борьбы на советско-германском фронте летом 1943 года и разработала план своих действий. Странным представляется утверждение английского историка Б. Лиддел Гарта, что решение о переходе к преднамеренной обороне советскому командованию было подсказано главой британской миссии в Москве генерал-лейтенантом Мартелем (B. Liddel Hart. History of the Second World War. New York. 1971. p.489). Факты не подтверждают эту версию. Как свидетельствует тот же Лиддел Гарт, первая встреча главы британской военной миссии с представителями советского Генерального штаба произошла в конце мая. Решение о проведении оборонительного сражения на Курской дуге было принято значительно раньше.

Битва под Курском должна была занять главное место в летне-осенней кампании 1943 года, в значительной мере предопределить результаты военных действий не только на советско-германском, но и на других фронтах второй мировой войны.

Переход к преднамеренной обороне в районе Курской дуги выдвинул перед советским командованием ряд сложных проблем. Необходимо было решить принципиальный вопрос, имевший большое значение для дальнейшего хода войны: какие мероприятия необходимо осуществить, чтобы сделать полевую оборону способной успешно противостоять массированному удару танков и авиации. В битве под Курском необходимо было создать оборону, способную остановить наступление мощных танковых группировок в тактической зоне.

"Сталина, -- писал А.М.Василевский, -- беспокоило, выдержат ли наши войска удар крупных масс фашистских танков ... Ведь гитлеровское командование для осуществления плана "Цитадель" сосредоточило на узких участках прорыва советской обороны до 70 процентов своих танковых дивизий. Однако Красная Армия закалилась в сражениях, приобрела огромный боевой опыт, имела отличное вооружение. Теперь уже фашисты боялись нас. И колебания были отброшены". (Новая и новейшая история. 1992, №2, с.81).

Замысел разгрома противника под Курском включал в себя организацию мощной глубокоэшелонированной обороны и проведение оборонительной операции силами Центрального и Воронежского фронтов с целью изматывания ударных группировок противника и создания наиболее благоприятных условий для перехода в контрнаступление. Переход в контрнаступление осуществить силами левого крыла Западного, Брянского, правого крыла Центрального, Воронежского, Степного фронтов. Такой способ действий должен был создать решительный перелом в ходе борьбы и обеспечить разгром главных ударных: группировок противника, создать предпосылки для развертывания стратегического наступления на широком фронте с задачей достижения конечных целей кампании. В замысле проявился творческий характер советского военного искусства в использовании различных форм борьбы для достижения победы над противником.

На совещании 12 апреля был предусмотрен и другой, запасный вариант действий: переход советских войск в наступление в том случае, если противник будет откладывать наступление на Курск. По указанию И.В.Сталина продолжалась и разработка плана перехода в наступление первыми. Окончательное решение было принято Ставкой ВГК в конце мая -- начале июня, когда полностью выяснились планы немецко-фашистского командования.

В период подготовки Курской битвы Государственный Комитет Обороны и Генеральный штаб уделяли большое внимание формированию стратегических резервов. В основном за их счет создавались мощные группировки на важнейших направлениях. В тылу Центрального и Воронежского фронтов были сосредоточены мощные стратегические резервы, организационно объединенные в Степной военный округ (с 9 июля 1943 года Степной фронт). Степной фронт представлял собой наиболее мощный стратегический резерв Ставки ВГК, когда-либо создававшийся в годы Великой Отечественной войны.

Хотя ожидавшиеся сроки вражеского наступления значительно оттягивались, решение о преднамеренной обороне Ставка ВГК последовательно проводила в жизнь. Командование Воронежского фронта выступило с предложением первыми предпринять наступление и нанести упреждающий удар по немецко-фашистским войскам (А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, с.316). Ставка ВГК это предложение отклонила.

Следует отметить, что в некоторых публикациях процесс выработки советским командованием решений по планированию оборонительного сражения и контрнаступления Курской битвы освещен неточно -- в 3-м томе Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 годов (М., 1961) и некоторых других изданиях принижена роль Ставки Верховного Главнокомандования и явно преувеличена роль командования Воронежского фронта (членом Военного совета являлся Н.С.Хрущев). Обратил на это внимание А.М.Василевский, как известно, принимавший непосредственное участие в планировании и подготовке Курской битвы. В беседе с К.Симоновым он отметил: "Еще более странно описано в этой Истории (речь идет о шеститомной "Истории Великой Отечественной войны Советского Союза", -- авт.) планирование операции на Курской дуге. Из этого описания может создаться ощущение, что эта операция была в основном спланирована на Воронежском фронте, тогда как на самом деле для планирования съехались и участвовали в ней Жуков, Рокоссовский, я, подъехал туда во время этой работы и Хрущев. Это действительно так, но не сверх того" ("Знамя". 1988, №5, с.90).

Ставкой ВГК главная роль в оборонительном сражении отводилась Центральному и Воронежскому фронтам. Для того чтобы гарантировать себя от прорыва немецких танковых клиньев в район Курска, Ставка ВГК сочла необходимым заранее создать на Центральном и Воронежском фронтах превосходство в силах. Предусматривалось, что войска, действовавшие на Курском направлении, получат столько оружия, военной техники, материальных средств, чтобы иметь возможность после решения задач оборонительной операции без продолжительной оперативной паузы перейти в

контрнаступление. Предусматривалась возможность использования для отражения наступления противника и сил Степного фронта. Также не исключалась возможность участия в оборонительном сражении войск Брянского и Юго-Западного фронтов, если противник нанесет удары и в их полосах обороны (С.М.Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн.1. М., 1975, с.217).

По свидетельству командующего Степным фронтом И.С.Конева, задача, стоявшая перед войсками фронта, была сформулирована Верховным Главнокомандующим следующим образом: "Видимо, предстоит очень крупное сражение, и Степному фронту предстоит в этом сражении сыграть большую роль. То есть в случае, если противник прорвет нашу оборону, фронту необходимо будет создать ударную группировку, нанести мощный контрудар и разгромить наступающего противника, а затем перейти в контрнаступление. Готовя войска к этим активным действиям, необходимо сейчас привести всю полосу Степного фронта в оборонительное состояние ... Сталин обратил мое внимание на то, что оба направления -- и Орловское и Белгородское -- будут одинаково важны" ("Знамя". 1987, №12, с.93).

Группировка советских войск, создававшаяся на Курском направлении, с самого начала нацеливалась не только на решение задач обороны, но и на переход в контрнаступление. К ведению оборонительной операции привлекались необычные по своей численности силы.

Таким образом, замысел Ставки ВГК на проведение оборонительной операции на Курской дуге имел ряд особенностей:

-- она была преднамеренной и осуществлялась в условиях, когда Советская Армия обладала стратегической инициативой и общим превосходством в силах над противником;

-- ставилась задача выбить из рук врага главный его козырь -- массированный ввод в действие новейшей бронетанковой техники, сорвать наступление противника в тактической зоне обороны;

-- инженерное оборудование местности и группировка войск должны были обеспечить стабильность стратегического фронта даже в случае прорыва танковых клиньев в район Курска. Войска Степного фронта надежно прикрывали Курско-Воронежское направление, выводящее к важнейшим промышленным центрам страны, в том числе к Московскому промышленному району с юга;

-- заблаговременно создавались условия для перехода советских войск в контрнаступление без длительной оперативной паузы.

Уже в апреле, одновременно с разработкой плана оборонительной операции, Ставка ВГК проводила работу по планированию контрнаступления. Оборонительные и наступательные операции битвы под Курском были объединены единым замыслом: срыв наступления врага, ослабление его мощных танковых группировок, удержание инициативы, переход в контрнаступление и общее стратегическое наступление Советской Армии. Анализ обстановки указывал на ряд важных обстоятельств, которые было необходимо учесть при планировании контрнаступления.

Во-первых, контрнаступление предстояло осуществить одновременно на двух оперативных направлениях -- Орловском и Белгородско-Харьковском -- против компактных, насыщенных танками и артиллерией группировок врага, поддерживаемых мощными силами авиации. Эти силы сами готовились к наступлению с решительными целями.

Советское командование рассчитывало, что, хотя в ходе наступления на Курск ударные группировки врага понесут большие потери, их боевая мощь останется еще весьма значительной. Прогноз оказался правильным.

Во-вторых, учитывалось, что состав сил противника к лету 1943 года претерпел значительные изменения. Немецко-фашистское командование получило возможность массированно применять новые тяжелые танки и штурмовые орудия. Изменения произошли и в авиации.

В-третьих, советское командование имело в виду, что в ходе контрнаступления предстояло одолеть глубокоэшелонированную оборону, опирающуюся на развитую систему инженерных сооружений противника.

В-четвертых, растущая военная мощь Советского государства позволила использовать в контрнаступлении под Курском больше сил, чем в предшествовавших операциях. Если под Москвой и Сталинградом в контрнаступлении участвовало по три фронта, то под Курском его осуществляли силы пяти фронтов.

Планом контрнаступления предусматривалось проведение двух операций: Орловской и Белгородско-Харьковской. Для них выделялось максимально возможное количество сил и средств. Перед советскими войсками были поставлены цели разгромить вражеские группировки, насчитывавшие 25-30 дивизий, что должно было коренным образом изменить обстановку не только на данном стратегическом направлении, но и оказать влияние на ход борьбы на всем советско-германском фронте.

Верховный Главнокомандующий и Ставка ВГК исходили из того, что нанесением одного, даже очень сильного, удара нельзя достичь военно-политических целей кампании. Для этого требовалось, кроме главного, нанести еще ряд ударов, которые в совокупности смогли бы сокрушить значительную часть стратегического фронта противника. Планировалось провести крупные наступательные операции на западном и юго-западном направлениях, в Донбассе, на Северном Кавказе.

Контрнаступление под Курском должно было перерасти в общее стратегическое наступление советских войск на фронте в 2 тыс. км -- от Великих Лук до Новороссийска. В ходе его предполагалось нанести решительное поражение группам армий "Юг" и "Центр" противника, освободить Донбасс, Левобережную Украину, далеко отодвинуть фронт от Москвы, преодолеть важный стратегический рубеж -- реку Днепр, завершить освобождение Северного Кавказа, захватить плацдармы в Крыму.

Планирование контрнаступления на Орловском направлении осуществлялось еще до начала оборонительного сражения. Предполагалось, что положение в полосе Западного и Брянского фронтов останется без существенных изменений. Принципиальное решение о проведении контрнаступления на Белгородско-Харьковском направлении было принято также в мае. Однако полностью отработать план этого контрнаступления заранее не представлялось возможным. Находившимся в резерве Ставки войскам Степного фронта не могли быть поставлены конкретные задачи и указаны исходные районы для наступления.

Для контрнаступления на Орловском направлении Ставка ВГК выделила войска трех фронтов -- левого крыла Западного, Брянского, правого крыла Центрального фронта. В основу плана операции "Кутузов" была положена идея расчленения вражеской группировки ударами по сходящимся направлениям на Орел с последующим ее уничтожением. Фронт врага в восточной части Орловского плацдарма предполагалось раздробить четырьмя мощными ударами, расстояние между которыми составляло 50-60 км. Нанесение ударов на разобщенных направлениях обусловило необходимость создания на каждом из них сильных группировок войск.

Следует отметить, что обстановка в районе Орловского плацдарма противника к лету 1943 года существенно отличалась от положения, сложившегося к началу контрнаступления советских войск под Сталинградом. Как отмечал участник битвы под Курском маршал И.Х.Баграмян, это повлияло на выработку плана операции "Кутузов". Он писал: "Под Сталинградом удар наносился по слабым флангам противника, а маневр на окружение осуществлялся по его тылам, куда он не мог перебросить резервы: их поглотили бои на улицах огромного города. В районе Орла обстановка сложилась совсем по-другому. Противник имел здесь прочную долговременную оборону и мощную группировку, которая сама готовилась наступать" (И.Х.Баграмян. Так шли мы к победе. М., 1977, с.188).

Разрабатывая план операции "Кутузов", Ставка ВГК отказалась от шаблонного решения, на которое наталкивало охватывающее начертание линии фронта -- нанесение сходящихся ударов под основание Орловского выступа с целью окружения и ликвидации всей мощной группировки противника, опиравшейся на сильную оборону.

Подобные действия сковали бы значительную часть сил Красной Армии. Борьба могла принять затяжной характер, а это отодвигало бы начало общего стратегического наступления советских вооруженных сил, ограничило бы его размах и результаты, затрудняло развитие наступления на юго-западном стратегическом направлении, где планировалось нанести главный удар, и в конечном счете ставило под угрозу достижение целей всей летне-осенней кампании 1943 года. О трудностях уничтожения окруженной мощной группировки противника напоминал и опыт Сталинграда, когда ее ликвидация затянулась почти на два с половиной месяца и сковала силы целого фронта.

Решающее влияние на выработку плана контрнаступления советских войск в Курской битве оказала позиция, занятая Верховным Главнокомандующим. "Со времени Сталинграда, -- отмечал Г.К.Жуков, -- Сталин придерживался своего собственного подхода к проблемам окружения и уничтожения немецких войск. Ход Сталинградской операции запал ему в память, и он неоднократно возвращался к ее опыту ... Не надо его (противника. -- авт.) окружать на нашей территории. Надо его вышибать. Гнать надо, скорей освобождать землю, весной надо будет сеять, нужен будет хлеб. Надо уменьшить возможность разрушений, пусть уходит. Создайте ему такую обстановку, чтобы быстрее уходил. Надо поскорее выгнать его с нашей территории. Вот наша задача. А окружение будете проводить потом, на территории противника" ("Военно-исторический журнал", 1987, №10, с.62).

Согласно плану операции "Кутузов", войска Брянского фронта наносили два удара: первый, более мощный, из района Новосиль, по вершине Орловского выступа, охватывая Орел с юга; второй -- из района северо-восточнее Волхова с целью совместно с войсками Западного фронта ликвидировать болховскую группировку противника, а затем наступать на Орел с севера.

Войска левого крыла Западного фронта прорывали оборону противника юго-западнее Козельска, ликвидировали совместно с войсками правого крыла Брянского фронта болховскую группировку противника и только после этого развивали удар на Хотынец с целью охватить орловскую группировку врага с запада и совместно с войсками Брянского фронта уничтожить ее. Бывший командующий 11-й гвардейской армией маршал И.Х.Баграмян по этому поводу писал: "Задача 11-й теперь сводится к тому, чтобы, преодолев оборону противника на участке Глинная -- Жуково, повернуть главные силы на юго-восток и наступать на Болхов, куда навстречу нам с северо-востока будут идти войска 61-й армии Брянского фронта. И уже после разгрома болховской группировки противника наша армия двинется на Хотынец" (И.Х.Баграмян. Так шли мы к победе. М., 1997, с.190-191).

Войскам правого крыла Центрального фронта, после отражения наступления противника и ликвидации его соединений, вклинившихся в расположение обороны, предстояло перейти в наступление в общем направлении на Кромы. К разработке плана Орловской операции штабы Западного, Брянского, Центрального фронтов приступили в апреле 1943 года. Военный совет Центрального фронта 25 апреля представил план операции в Генеральный штаб (ЦАМО РФ, ф.62, оп.321, д.21, лл.1-11).

Выход войск левого крыла Западного фронта в район Хотынца, главной группировки войск Брянского фронта в район Орла, войск правого крыла Центрального фронта в район северо-западнее Кром рассекал группировку противника восточнее Орла на две части -- северную и южную -- и изолировал ее от немецких соединений, действовавших в западной части плацдарма. Кроме того, на более ранней стадии операции планировалось силами войск левого крыла Западного и правого крыла Брянского фронтов окружить и уничтожить болховскую группировку врага. Таким образом, намеченное направление ударов должно было в ходе контрнаступления привести к расчленению орловской группировки противника на три части. Этим создавались благоприятные условия для уничтожения ее в трех "котлах" -- в районе Болхова, северо-восточнее и юго-восточнее Орла.

Внешний фронт окружения, при благоприятных обстоятельствах, мог быть создан за счет усиления в ходе контрнаступления войск левого крыла Западного фронта. В его тылу Ставка сосредоточила крупные резервы -- 11-я, 4-я танковая армия, 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Созданию внешнего фронта окружения мог служить и переход в наступление войск левого крыла Центрального фронта.

Как отмечал А.М.Василевский: "Верховный Главнокомандующий придавал операции "Кутузов" важное значение. В середине мая он дал мне указание выехать на Брянский и левое крыло Западного фронта, чтобы на месте проверить, правильно ли понимают войска поставленные перед ними задачи и как идет подготовка к их выполнению" (А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1973, с.314).

Разработанный Ставкой ВГК план операции "Кутузов" учитывал особенности предстоявшей операции, в нем был успешно решен ряд сложных проблем, связанных с организацией контрнаступления против мощной группировки противника.

На всех важнейших этапах этой работы Сталину принадлежала решающая роль в принятии окончательных решений.

В ходе подготовки к летне-осенней кампании 1943 года Верховному Главнокомандующему, Ставке ВГК, Генеральному штабу необходимо было решить один из важнейших вопросов стратегии -- выбор направления главного удара. Сущность проблемы сводилась к тому, чтобы путем разгрома мощных вражеских группировок добиться коренного изменения военно-политической обстановки на главном стратегическом направлении или на всем фронте. От выбора направления главного удара зависело решение не только крупнейших военных, но и политических задач.

Сведения о том, как решался вопрос о выборе направления главного удара, имеются в книге генерала армии С.М.Штеменко "Генеральный штаб в годы войны". Он писал: "Первоначально многих заинтересовало предложение командования Воронежского фронта: сосредоточить главные усилия южнее Курска и бить в направлении Харьков -- Днепропетровск, стремясь овладеть крупным плацдармом на правом берегу Днепра с последующим выходом на рубеж Кременчуг -- Кривой Рог -- Херсон, а при благоприятных условиях -- на меридиан Черкассы -- Николаев. По мнению Военного совета фронта, именно здесь наступление позволяло "достичь решающих для исхода войны результатов". Оно вывело бы из строя группу армий "Юг" -- наиболее активную в то время силу немецко-фашистского командования, лишило бы противника богатейшей продовольственной базы и таких важных промышленных районов, как Донбасс, Криворожье, Харьков и Днепропетровск. Кроме того, мы приблизились бы к границам южных союзников гитлеровской Германии и тем ускорили бы выход последних из войны.

Удар на Харьков, Полтаву, Киев был, по мнению Генерального штаба, наиболее перспективным. Выход Советской Армии к столице Украины -- важнейшему экономическому центру страны -- давал большие стратегические результаты. При этом достигалось все, что сулило наступление в направлении Днепропетровска, и вдобавок еще расчленялся фронт противника (особенно в случае выхода советских войск к Карпатам), затруднялось взаимодействие между важнейшими его группировками. Из района Киева в равной степени можно было угрожать флангам и тылу как группы армий "Юг", так (что особенно важно!) и правому крылу группы армий "Центр". Наконец, при таком варианте мы приобретали выгодное положение для последующих действий. Он и был принят" (С.М.Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн.1. М., 1975, с.222-223).

Таким образом, план советского командования предусматривал нанесение главного удара на одном стратегическом направлении и проведение ряда последовательных операций, которые должны были вылиться в общее стратегическое наступление на большую глубину.

Последовательно и целеустремленно проведенная концентрация сил и средств до начала кампании на Курском направлении обеспечила советским войскам значительное превосходство над противником и решение задач обороны, контрнаступления, а затем наступления на Киевском направлении. Огромная заслуга в этом принадлежала лично И.В.Сталину.

Важное место в планах Ставки ВГК на летне-осеннюю кампанию 1943 года занимала проблема завоевания стратегического господства в воздухе. Перелом в борьбе за решение этой сложной задачи обозначился уже в битве под Сталинградом. К середине 1943 года было окончательно ликвидировано превосходство противника в авиации и созданы материально-технические предпосылки для нанесения поражения немецко-фашистской авиации.

Перед советскими военно-воздушными силами Ставкой ВГК была поставлена задача нанести решительное поражение авиации противника и окончательно овладеть стратегическим господством в воздухе. В результате воздушных сражений над Кубанью и операций в апреле-июне советские ВВС нанесли серьезный урон авиационным группировкам вермахта.

На войска ПВО страны были возложены задачи оборонять от ударов с воздуха крупные административно-политические центры СССР, а также промышленные районы и объекты, прикрывать войска действующей армии и защищать ее коммуникации, наращивать систему ПВО на театре военных действий в ходе стратегического наступления.

Военно-морской флот планировалось использовать для обеспечения приморских флангов советских войск, защиты своих коммуникаций и борьбы на морских сообщениях противника (См. История второй мировой войны. 1939-1945. Т.7. М., 1976, с.119).

Важная роль отводилась действиям партизан. В приказе №95 Сталин требовал: "Шире раздуть пламя партизанской борьбы в тылу врага, взрывать железнодорожные мосты, срывать перевозку неприятельских войск, подвоз оружия и боеприпасов, взрывать и поджигать воинские склады, нападать на неприятельские гарнизоны, не давать отступающему врагу сжигать наши села и города, помогать всеми силами, всеми средствами наступающей Красной Армии" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.172).

При планировании Курской битвы и непосредственно в ходе сражений советским командованием было внесено много нового в решение проблем оперативного искусства: организация обороны, способной противостоять массированным ударам танков и авиации противника и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление; ведение наступательных операций групп фронтов; решение задач организации оперативного взаимодействия разнородных сил и средств, привлекаемых в больших массах к участию в операциях, и ряд других. В этом также была немалая заслуга Верховного Главнокомандующего.

Стратегическое планирование Ставкой ВГК Курской битвы характеризовалось глубоким проникновением в замыслы противника, соответствием политическим целям и экономическим возможностям советского государства, своевременностью разработки плана, его реальностью, основанной на объективном учете возможностей своих и противника, скрытностью всех мероприятий, связанных с планированием и подготовкой военных действий.

Выработанный советским политическим и военным руководством план летне-осенней кампании 1943 года последовательно и твердо проводился в жизнь. Его не смогли поколебать различные привходящие факторы и влияния. А в них не было недостатка. Так, У.Черчилль 27 июня 1943 года писал И.В.Сталину: "Неуверенность противника насчет того, где будет нанесен удар и какова будет его сила, по мнению моих надежных советников, уже привела к отсрочке третьего наступления Гитлера на Россию, к которому, казалось, велись большие приготовления шесть недель тому назад. Может даже оказаться, что Ваша страна не подвергнется сильному наступлению этим летом" (Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.1. М., 1976, с.169). Уже первые дни июля показали необоснованность этих утверждений Черчилля.

В Курской битве выстояли и победили войска, которыми командовали выдающиеся советские военачальники. Сталин доверил командование фронтами К.К.Рокоссовскому, Н.Ф.Ватутину, И.С.Коневу, В.Д.Соколовскому, М.М.Попову, лично подбирал или утверждал командующих армиями и дивизиями, Координацию действий фронтов осуществляли представители Ставки Г.К.Жуков и А.М.Василевский.

Даже беглое освещение проблем, над решением которых пришлось работать Верховному Главнокомандующему и Председателю Ставки И.В.Сталину при планировании летне-осенней кампании 1943 года и Курской битвы, показывает сложность и масштабность этого направления его деятельности,

ту огромную ответственность, какую он нес за успешность или провал этой работы перед страной, народом, историей. Это был лишь один из участков его полководческой деятельности.

Разгром немецко-фашистских войск на Курской дуге означал крах всей летней кампании фашистов. Сталин распорядился, чтобы Генштаб подготовил поздравительный приказ войскам, победившим противника в Курской битве. Когда дело дошло до вывода: "Таким образом, немецкий план летнего наступления нужно считать полностью провалившимся", -- Верховный Главнокомандующий, как вспоминает генерал С.М.Штеменко, продиктовал следующую вставку: "Тем самым разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска вынуждены будто бы находиться в отступлении". Надо об этом сказать, пояснил Сталин. Фашисты во главе с Геббельсом после зимнего поражения под Москвой все время носятся с этой легендой (С.М.Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн.1. М., 1981, с.447).

Оценивая деятельность Сталина как Верховного Главнокомандующего и как политика, нельзя не отметить и такой факт, сыгравший важную роль в повышении боевого духа и наступательного порыва советских войск. В обстановке начавшегося массового изгнания фашистских оккупантов с советской земли Сталиным было принято решение отмечать победы Советских Вооруженных Сил на фронтах Великой Отечественной войны салютами в Москве.

Об обстоятельствах, сопутствовавших принятию этого решения, генерал армии С.М.Штеменко писал: "5 августа, когда были взяты Орел и Белгород, в Ставке возникла новая идея. Как только командующие фронтами доложили Верховному о взятии этих городов ... генерала Антонова и меня вызвали в Ставку. Сталин только что вернулся с Калининского фронта. Собрались и все остальные члены Ставки.

-- Читаете ли вы военную историю? -- обратился Верховный к Антонову и ко мне.

Мы смешались, не зная, что ответить. Вопрос показался странным: до истории ли было нам тогда! А Сталин меж тем продолжал:

-- Если бы вы ее читали, то знали бы, что еще в древние времена, когда войска одерживали победы, то в честь полководцев и их войск гудели все колокола, и нам неплохо бы как-то отмечать победы более ощутимо, а не только поздравительными приказами. Мы думаем, -- кивнул он головой на сидевших за столом членов Ставки-- давать в честь отличившихся войск и командиров, их возглавляющих, артиллерийские салюты. И учинить какую-то иллюминацию ...

Так было решено отмечать победы наших войск торжественными залпами в Москве, и каждый залп сопровождался пуском разноцветных ракет, а перед тем передавать по всем радиостанциям Советского Союза приказ Верховного Главнокомандующего" (С.М.Штеменко. Генеральный штаб в годы войны. Кн.1. М., 1981., с.448-449).

Впервые артиллерийские залпы осветили небо Москвы 5 августа 1943 года в честь войск Брянского фронта, освободивших Орел, и войск Степного фронта, изгнавших немецко-фашистских захватчиков из Белгорода. Салюты проводились по приказам Верховного Главнокомандующего, в которых наряду с кратким изложением боевых подвигов войск перечислялись участвовавшие в боях соединения и части с указанием воинских званий и фамилий особо отличившихся командиров. Всему личному составу объявлялась благодарность от имени Верховного Главнокомандующего.

Приказы передавались центральной радиостанцией Москвы и транслировались всеми радиостанциями СССР. Вести о победных салютах доходили до самых отдаленных уголков великой страны, как символы героических подвигов ее сынов и дочерей. На фронте они воспринимались как высшая награда Родины. Они звали войска к совершению новых подвигов ("Военно-исторический журнал". 1978, №8, с.82).

Первый салют в столице нашей Родины означал нашу твердую уверенность в окончательной победе в ходе Отечественной войны.

С 5 августа 1943 года в Москве было произведено 363 торжественных артиллерийских салюта в честь советских войск, одержавших крупные победы на фронтах -- освобождение столиц союзных республик и зарубежных государств, больших городов, важных железнодорожных узлов, форсирование стратегически значимых водных преград и т.д. По каждому из этих салютов Верховный Главнокомандующий издавал специальный приказ, в котором отмечались особо отличившиеся воинские части и соединения.

Иные недобросовестные авторы и эту славную традицию пытаются ошельмовать. Так, в оборот пущена ложь, что, мол, взятие иных городов и столиц было приурочено к той или иной дате, а поэтому не считались с жизнями солдат. При этом, естественно, упускается из вида, что каждая такая наступательная операция тщательно готовилась, обеспечивалась всеми необходимыми видами боевой техники и т.д. Общий ход войны позволил к празднику взять только два из сотен освобожденных и взятых городов -- 6 ноября 1943 года Киев и 2 мая 1945 года Берлин.

Что касается взятия Берлина, то дело обстояло так. В конце апреля 1945 года Советская Армия вела трудные и упорные бои за столицу фашистской Германии. Жуков доложил Сталину, что к 1 мая Берлин взять не удастся, нужна перегруппировка сил. "Я ожидал, -- писал впоследствии Жуков, -- от Сталина резких возражений, а Сталин ответил так: "Ну ничего, впереди Первомай, это и так большой праздник, народ хорошо его встретит. А что касается того, возьмем ли Берлин 2 или 3 мая, это не имеет большого значения. Я с Вами согласен, надо жалеть людей, мы меньше потеряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап этой операции" ("Правда". 1995, 26 апреля).

Победы в Сталинградской и Курской битвах означали, что страна вышла из суровых испытаний начального периода войны и уверенно перешла в великое наступление. Изменился как сам ход войны, так и ее облик. "Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой", -- отмечал И.В.Сталин в докладе о 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1943 года (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.205).

Советскому Верховному Главнокомандованию удалось успешно решить не только задачу летне-осенней кампании 1943 года и Курской битвы, но и труднейшую проблему соотношения намеченных планов с имеющимися для их осуществления силами и средствами, В основном были безошибочно распределены силы, предназначенные для оборонительного сражения и контрнаступления, а также между фронтами и армиями, выделены необходимые силы и средства в стратегический резерв Верховного Главнокомандования. Была предусмотрена и возможность иметь необходимые силы и средства для перехода после победы на Курской дуге в общее стратегическое наступление по всему широкому фронту от Севера до Юга.

Сталин твердо придерживался принципа -- выполнение плана зависит от искусства его исполнения. Он обладал даром умелого и энергичного решения огромного количества важнейших организационных вопросов, обеспечивающих успех военных кампаний и стратегических операций. В докладах, приказах и обращениях он ставил перед народом и армией задачи, соответствующие данной исторической обстановке.

В докладе "26-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции" 6 ноября 1943 года И.В.Сталин отмечал: "Мы добились коренного перелома в войне в пользу нашей страны, и война теперь идет к окончательной развязке. Но советским людям не пристало останавливаться на достигнутом, упиваться своими успехами. Победу можно упустить, если в наших рядах появится самоуспокоение. Победа не дается без борьбы и напряжения. Она берется с боя. Победа теперь близка, но чтобы ее завоевать, необходимо новое напряжение сил, самоотверженная работа всего тыла, умелые и решительные действия Красной Армии на фронте. Было бы преступлением перед Родиной, перед советскими людьми, временно подпавшими под фашистское ярмо, перед народами Европы, изнывающими под немецким игом, если бы мы не использовали всех возможностей для ускорения разгрома врага. Нельзя давать врагу передышки. Вот почему мы должны напрячь все наши силы, чтобы добить врага" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.227-228).

В приказе №309 от 7 ноября 1943 года Верховный Главнокомандующий потребовал: "всей Красной Армии -- смело и решительно взламывать вражескую оборону, день и ночь преследовать врага, не давая ему закрепляться на промежуточных рубежах, умелым и смелым маневром резать коммуникации врага, окружать и дробить его войска, уничтожать и захватывать живую силу и технику противника" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.238).

Ставка Верховного Главнокомандования для подготовки операций 1944 года умело использовала сложившуюся благоприятную стратегическую обстановку. "Ставка и Генеральный штаб, -- пишет Г.К.Жуков, -- подсчитали все наши возможности, сделали глубокий анализ состояния противника на всю стратегическую глубину фронта от Баренцева до Черного моря. Анализ показал, что перелом, достигнутый в ходе войны, открывает перед нами широкие перспективы.

Перевес в силах и средствах над врагом, наличие инициативы в руках Советских Вооруженных Сил, выгодное расположение войск, крупные людские и материальные резервы и другие благоприятные факторы позволили теперь по-новому решать стратегические задачи на советско-германском фронте. Героическая и бесперебойная работа советского тыла обеспечивала планомерное снабжение действующей армии всем необходимым. Теперь мы могли готовить и проводить крупные операции не на одном-двух направлениях, а последовательно на всем стратегическом фронте. В то же время способность противника парировать эти удары значительно сократилась" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1990, с.93).

Возвратившись с Тегеранской конференции, Сталин сказал:

-- Рузвельт дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в 1944 году. Думаю, что он слово сдержит.

И после некоторого раздумья, продолжил:

-- Ну, а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию.

Верховный Главнокомандующий поставил вопрос о новой форме проведения кампании 1944 года. В узком кругу лиц, собравшихся в кабинете Сталина, было обсуждено, где именно следовало сосредоточить силы и средства для нового поражения основных сил противника и окончательного разгрома фашистского блока. Таких районов на всем стратегическом фронте оказалось десять. В книге "Воспоминания и размышления" Г.К.Жуков назвал эти десять сталинских ударов по врагу -- под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине, в районе Одессы и Крыма, на Карельском перешейке и в районе Ладожского и Онежского озер, в Белоруссии, в районе Львова и Кишинева -- Ясс, в Прибалтике и Венгрии, на крайнем северном участке советско-германского фронта. В этих операциях участвовали войска всех 12 существовавших в то время фронтов, Северный, Балтийский и Черноморский флоты, а также ряд речных и озерных флотилий. Были разгромлены наиболее боеспособные силы немецко-фашистских войск.

От фашистских оккупантов были полностью освобождены Белоруссия и Украина, большая часть Литвы и ряд районов Латвии, значительная часть территории Польши и др. Во время великого наступления 1944 года Сталин подчеркивал: "Но наши задачи не могут ограничиваться изгнанием вражеских войск из пределов нашей Родины. Немецкие войска напоминают теперь раненого зверя, который вынужден уползать к границам своей берлоги -- Германии для того, чтобы залечить раны. Но раненый зверь, ушедший в свою берлогу, не перестает быть опасным зверем. Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге. Преследуя же врага, мы должны вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.262-263).

О механизме выработки решений в Ставке, о решающей роли И.В.Сталина в планировании наступательных операций 1944 года дают представление воспоминания маршала К.К.Рокоссовского.

Касаясь разработки плана Белорусской операции, он пишет: "Окончательный план наступления отрабатывался в Ставке 22 и 23 мая. Наши соображения о наступлении войск левого крыла фронта на Люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглось критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар -- с плацдарма на Днепре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого "продумывания" приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили. "Настойчивость командующего фронтом, -- сказал он, -- доказывает, что организация наступления тщательно продумана. А это надежная гарантия успеха"" (К.К.Рокоссовский. Солдатский долг. М., 1997, с.313).

Этот эпизод весьма многозначителен. Ведь Рокоссовский не просто настаивал на своей точке зрения, а исходил еще и из особенностей характера местности предстоящих боев. Сталин показал и умение воспринять убедительную аргументацию, и понимание "чувства местности", владение пространственным представлением.

Способность полководца "чувствовать" местность высоко ценил К.Клаузевиц. Он называл такую способность "самой яркой, если не самой важной чертой военной деятельности". "Полководец, -- писал Клаузевиц, -- должен подняться до представления географических особенностей целой области и даже страны, всегда иметь перед мысленным взором направление дорог, течение рек, расположение горных цепей и, кроме того, обладать способностью детально понимать подробности местности. Хотя помощь общим представлениям он черпает из всякого рода сообщений, карт, книг, мемуаров, а в изучении деталей ему помогают окружающие, но, несомненно, что крупный талант быстрого и ясного охвата местности придает всем действиям полководца более легкий и уверенный ход, ограждает от известной внутренней беспомощности и делает его более независимым от других" (К.Клаузевиц. О войне. Т.1. М., 1941, с.77, 79).

Некоторые данные о роли Сталина в планировании и подготовке летней кампании 1944 года и Белорусской операции, о стиле его работы приводит в воспоминаниях маршал А.М.Василевский. Вот несколько фрагментов из них: "В течение марта и апреля замысел летней кампании неоднократно обсуждался и уточнялся у Верховного Главнокомандующего. Г.К.Жукова и меня несколько раз вызывали в Москву. Много раз Верховный Главнокомандующий говорил с нами об отдельных деталях по телефону. При этом Сталин нередко ссылался на свои переговоры по этим вопросам с командующими войсками фронтов, особенно с К.К.Рокоссовским ... В начале апреля в одном из разговоров он сообщил мне, что склонен, вопреки возражениям командующего Ленинградским фронтом Л.А.Говорова, снова разделить этот фронт на два ... Тогда же он поставил мне и другой вопрос, который обсуждался в Ставке -- о разделении Западного фронта ...

В первой половине апреля 1944 года Генеральный штаб с разрешения Верховного Главнокомандующего запросил мнение командующих соответствующими фронтами о летней кампании и проведении Белорусской операции ... 20 мая разработанный Генштабом план Белорусской операции был представлен Верховному Главнокомандующему. Вскоре он был рассмотрен в Ставке с участием некоторых командующих и членов Военных советов фронтов. В ближайшие же дни Генштаб должен был представить уточненный план на окончательное утверждение в Ставку. Вместе с Г.К.Жуковым и А.И.Антоновым я неоднократно бывал в те дни у Верховного Главнокомандующего. Каждый раз во время этих встреч мы возвращались к обсуждению деталей плана и проведения Белорусской операции, получившей название "Багратион" ...

30 мая Ставка окончательно утвердила план операции "Багратион" ... Утверждая 30 мая план Белорусской операции, Сталин, как это было уже не раз, заявил, что ближайшая задача Ставки -- помочь командованию и войскам фронтов получше подготовить и провести задуманную операцию, а ГКО и Генштаб обязаны принять меры к тому, чтобы своевременно и полностью обеспечить войска всем необходимым. Он предложил направить Г.К.Жукова и меня в Белоруссию в качестве представителей Ставки и спросил, на какие фронты мы хотели бы поехать ... В ночь на 31 мая Сталин, Жуков, я и Антонов отработали в Ставке частные директивы фронтам белорусского направления,

указания немедленно приступить к подготовке операции "Багратион" и конкретные задачи на первый этап ее проведения" (А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1977, с.418-422).

Во время одного из таких обсуждений, рассказывал Александр Михайлович Василевский одному из авторов книги, когда присутствовали Жуков и Антонов, Сталин заметил нам: а не предлагаете ли вы бить немцев тем же способом, каким пробовали прежде. Надо найти неожиданное для них решение всей операции. Тогда успех будет на нашей стороне. Василевский подчеркнул, что неповторимость всей операции была выработана именно благодаря Сталину.

Сталин был врагом шаблона. Он поощрял инициативу командующих как в процессе разработки планов кампаний и операций, так и в ходе боевых действий. Вместе с тем он строго и неуклонно требовал подчинения интересов фронта общей стратегической задаче вооруженной борьбы. В случаях нарущений следовало его немедленное вмешательство в действия командующего фронта или армии и принятие мер по исправлению положения. Управление войсками Сталин твердо держал в своих руках.

Сталин широко использовал опыт и талант членов Ставки, командующих фронтов и армий, командно-начальствующего состава. "Понимая всю сложность и многогранность вопросов руководства войной, он, -- писал о Сталине долгие годы работавший с ним маршал Устинов, -- многое доверял членам Политбюро, ЦК, ГКО, руководителям наркоматов, сумел наладить безупречно четкую согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений. При всей своей властности, суровости, я бы сказал жесткости, он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений. Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И.В.Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и вооруженных сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизии, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное. Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их" (Д.Ф.Устинов. Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М., 1988, с.90, 92).

Окончательные решения вырабатывались Ставкой коллективными усилиями, тщательно обсуждались, сопоставлялись различные варианты. Но руководящая, определяющая роль в окончательном принятии решений принадлежала Верховному Главнокомандующему.

На научно-практической конференции, проходившей в Москве в ноябре 1997 года, Маршал Советского Союза Д.Т.Язов говорил: "Мне хотелось бы просить, чтобы товарищи, которые будут выступать, освещали бы роль Жукова как полководца, а роль Сталина и как полководца и как руководителя великого государства ... Жуков сказал: "Неплохо было бы подавать по левому берегу Волги резервы, боеприпасы и войска ...". Но Жуков не мог принять решение снять рельсы с БАМа, который еще строился до войны, и проложить по левому берегу Волги двухсоткилометровую железную дорогу за несколько недель ... Подчеркиваю: не месяцев, а недель! Кто мог это сделать? Сталин! Кто мог приказать в течение тридцати дней прокатать броню в Кузбассе? Сталин!.. И прокатали! И промышленность наша дала в войну 96 тысяч танков, 108 тысяч самолетов" ("Завтра". 1997, №50).

Может возникнуть вопрос: если все решения принимались с одобрения Сталина, значит, и все ошибки и недостатки в их реализации надо отнести за счет Сталина. Далеко нет. Нелишне привести по этому поводу признание в прошлом наркома авиационной промышленности СССР А.И.Шахурина, сделанное им в конце жизни: "Все на Сталина нельзя валить! За что-то должен и министр отвечать ... Вот я, допустим, что-то неправильно сделал в авиации, так я за это и какую-то ответственность обязательно несу. А то все на Сталина!.." ("Дуэль". 1998, №14).

В годы Отечественной войны советский народ и его армия видели в И.В.Сталине общепризнанного полководца -- организатора победы над фашистской Германией и ее союзниками.

Подчеркивая всенародный характер Отечественной войны, Сталин отмечал огромное значение дружбы народов, советского патриотизма, силу которых непременно испытает на себе агрессор. "В советском патриотизме, -- заключал он, -- гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.160-161). Разрабатываемая и осуществляемая партией политика и практические меры правительства, направленные на разгром гитлеровской Германии, в своем абсолютном большинстве поддерживались всеми народами СССР.

И.В.Сталину принадлежит выдающаяся роль в организации партизанского движения в годы Отечественной войны. Он рассматривал развертывание вооруженной борьбы советских людей на временно оккупированной немецкими захватчиками советской территории как одно из важнейших условий достижения победы над фашистской Германией. И прилагал огромные усилия, чтобы партизанское движение приняло максимально широкий, всенародный характер. Уже выступая по радио 3 июля 1941 года, Сталин призвал: "В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов и обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.27). Важнейшие вопросы борьбы в тылу врага были сформулированы в приказе наркома обороны от 5 сентября 1942 года "О задачах партизанского движения". В 1943 году Сталин призывал партизан помогать всеми силами, всеми средствами наступающей Красной Армии.

ЦК ВКП(б) обязал ЦК компартий республик, краевые, областные и районные партийные комитеты возглавить организации партизанской борьбы. Для координации боевой деятельности партизан и организации их взаимодействия с советскими войсками создавались специальные органы. 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения, который возглавил П.К.Пономаренко. "По опыту своей работы в Генеральном штабе, -- вспоминал А.М.Василевский, -- я могу с полным основанием утверждать, что партизанское движение и борьба в тылу врага играли роль важного фактора в общих стратегических планах и расчетах Верховного Главнокомандования и принимались во внимание при разработке крупных наступательных операций, проводившихся на советской территории" ("Коммунист". 1970, №8, с.112).

Жизнь и борьба советского народа, поднявшегося на защиту своего Отечества, были пронизаны чувством лютой ненависти к фашистскому агрессору. И это чувство становилось сильнее и тогда, когда враг продвигался вглубь страны, и тогда, когда война приближалась к логову фашизма. Вместе с тем эта волна ненависти не захватила советский народ, не захватила Советскую Армию, не превратилась в слепую месть.

Еще в начале войны Сталин отметил: "... Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское -- остается" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.83-84). Вступив на территорию гитлеровской Германии, Красная Армия не допустила тотального мщения немецкому народу, А когда стали появляться факты мародерства, убийства, изнасилования и др., они были быстро и жестко пресечены. Директивой Верховного Главнокомандующего командующим фронтами и армиями предписывалось под их личную ответственность покончить с любыми бесчинствами, кем бы они ни творились и какими бы мотивами они ни объяснялись. 14 апреля 1945 года в газете "Правда" была опубликована статья начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрова "Тов. Эренбург упрощает", в которой известный писатель, много сделавший для разъяснения целей и характера Отечественной войны, был подвергнут резкой критике за изображение немцев как "единой колоссальной шайки". Политическое руководство страны продемонстрировало всему миру, что советский народ не может и не намерен мстить немецкому народу, который сам пострадал от гитлеровского фашизма. В этом сила советского интернационализма, советского гуманизма.

В ходе завершающего этапа Отечественной войны -- решение крайне сложных и чрезвычайно трудных стратегических задач, последовательный, раз за разом прорыв мощной обороны врага -- во всю силу проявилось военное мастерство Красной Армии, массовый героизм ее воинов. И все это было совершено тогда, когда вермахт еще опирался на ресурсы не только Германии, но и части европейских стран. К тому же фашистская Германия продолжала эксплуатировать такой немаловажный фактор, как затяжку правительствами Англии и США открытия второго фронта. Да и после вторжения англо-американских войск в июне 1944 года на северо-западе Франции гитлеровское командование основные свои силы держало на советско-германском фронте, стремясь остановить наступление Красной Армии на Берлин.

Захват столиц неприятеля всегда считался завершением войны и показателем высокого совершенства разработки наступательной операции и мужества армии. Взятие Берлина -- логова фашизма -- было новым делом в истории всех войн. Берлинская операция Красной Армии выделялась и по размаху наступления на огромном театре военных действий, и по взаимодействию трех фронтов -- 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского, различных родов и видов войск, частей военно-морского флота, а также войск польской армии, и по окружению и одновременному рассечению крупных сил противника, и по умению ведения боевых действий в многонаселенном городе, и по срокам проведения самой операции, с 16 апреля по 8 мая 1945 года.

Берлинская операция была одной из наиболее эффективных стратегических операций Красной Армии. "Осмысливая теперь события тех дней, -- писал маршал И.С.Конев, -- я прихожу к выводу, что в Берлинской операции наиболее ярко проявилась организующая и направляющая роль Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба.

И.В.Сталин внимательно выслушал соображения командующих фронтами, учитывая предложения Генштаба, определил главный замысел Берлинской операции, после чего поставил ясные оперативные задачи фронтам. На основе этих указаний командующие разработали планы операций, которые были рассмотрены и утверждены Ставкой. Верховный Главнокомандующий с присущей ему твердостью руководил Берлинской операцией, внимательно следил за ее развитием, лично координировал действия 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, оказывал необходимую поддержку" (И.С.Конев. Записки командующего фронтом. М., 1981, с.501).

2 мая 1945 года советские войска полностью овладели столицей фашистской Германии -- Берлином. 8 мая представителями германского верховного командования в Берлине был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Как известно, гитлеровской Германии, имевшей в 1941 году огромный военно-экономический потенциал и превосходство в силах, так и не удалось тогда окружить и уничтожить советские войска под Москвой и овладеть столицей СССР. С 30 сентября по 4 декабря 1941 года Красная Армия сдерживала мощный натиск фашистских войск, срывала их попытки прорваться на ближние подступы к Москве. А обескровив ударные группировки противника и создав необходимые условия для их разгрома, 5 декабря 1941 года сама перешла в решительное контрнаступление по широкому фронту. Войскам немецко-фашистской группы армии "Центр" был нанесен тяжелый урон, и они были отброшены на запад от Москвы на 100-250 и более километров.

Разгром Красной Армией в наступательных операциях стратегической обороны фашистской Германии, вступление наших победоносных армий в поверженный Берлин наглядно продемонстрировали эффективность политической и военной стратегии Советского Союза, высшие достижения советского военного искусства, блестящие образцы руководства вооруженной борьбой Верховного Главнокомандования, всех командных инстанций Красной Армии, их неоспоримое превосходство над военным искусством вермахта и его союзников, их командных кадров. Советское политическое руководство, военное командование через все испытания почти четырехлетней войны привели наш народ к Великой Победе.

Подытоживая опыт Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии, 11 апреля 1947 года на совещании с Булганиным, Василевским, Антоновым и Штеменко Сталин говорил:

"Нельзя отождествлять военную науку с военным искусством. Военная наука -- понятие широкое и всеобъемлющее, военная наука включает в себя и военное искусство, последнее является одной из составных частей военной науки.

Военное искусство включает в себя тактику, оперативное искусство и стратегию, т.е. занимается изучением вопросов, относящихся к способам ведения военных действий и войны в целом. Военная наука кроме вопросов, входящих в военное искусство, исследует вопросы экономики страны, ее материальные и людские ресурсы ... Только при условии знания и правильного использования всех указанных выше отраслей военной науки можно рассчитывать на достижение победы в войне ...

Бывшие руководители фашистской Германии не знали военной науки и не умели управлять экономикой страны. Они, эти руководители, и в частности Геринг, не учитывали возможностей страны, ставили ей невыполнимые задачи, и это являлось одной из важнейших причин поражения немцев в войне" ("Военно-исторический журнал". 1993, №5, с.3).

Адмирал флота Н.Г.Кузнецов, который, как известно, отличался твердостью и самостоятельностью суждений и у которого сложились непростые и нелегкие отношения со Сталиным, уже будучи в отставке, писал: "За годы Великой Отечественной войны по военным делам с Верховным Главнокомандующим чаще других встречался маршал Г.К.Жуков, и лучше едва ли кто может охарактеризовать его, а он назвал его "достойным Верховным Главнокомандующим". С этим мнением, насколько мне известно, согласны все военачальники, коим приходилось видеться и встречаться со Сталиным" ("Военно-исторический журнал". 1993, №4, с.51).

Сталин был в прямом смысле слова Верховном Главнокомандующим, и каждый из маршалов и военачальников воспринимал это в должной мере. Известна его требовательность к военным руководителям самого высокого ранга. Для него не имели значения былые заслуги или близкое знакомство. Главным было отношение к делу, к возложенным обязанностям. Сталин непосредственно работал со всеми командующими фронтами, а также командармами, лично знал многих военачальников, вплоть до командиров корпусов и дивизий.

Остановимся несколько подробнее на взаимоотношениях И.В.Сталина с маршалами и крупными военачальниками. Это тем более необходимо сделать, ибо здесь хоть отбавляй ненужных наслоений и откровенных измышлений.

Уже с февраля 1941 года И.В.Сталин стал вплотную работать с Г.К.Жуковым, только что назначенным на должность начальника Генерального штаба. За всю войну Г.К.Жуков был единственным заместителем Верховного Главнокомандующего. Верховный Главнокомандующий, заместитель верховного и начальник Генштаба решали вопросы руководства ходом войны, обсуждали оперативно-стратегические возможности наших войск. Естественно, Жуков часто встречался со Сталиным. В большинстве случаев это были официальные встречи, но были и приглашения на обед к Сталину и совместные прогулки, во время которых он рассказывал о своем детстве, разных событиях своей жизни.

"Что касается отношении Верховного с Георгием Константиновичем, то эти отношения, -- признавал главный маршал авиации А.Е.Голованов, -- я бы назвал сложными. Имел Верховный претензии и по стилю работы Г.К.Жукова, которые, не стесняясь, ему и высказывал. Однако И.В.Сталин никогда не отождествлял личных отношений с деловыми, и это видно хотя бы по всем тем наградам и отличиям, которые получены Г.К.Жуковым" (Полководцы. М., 1995. С.21).

Сталин, по словам К.Симонова, был удивлен, что в романе Э.Казакевича "Весна на Одере" отсутствует даже упоминание о Жукове и на заседании комиссии по присуждению Сталинских премий заметил: "Не все там верно изображено: показан Рокоссовский, показан Конев, но главным фронтом там, на Одере, командовал Жуков. У Жукова есть недостатки, некоторые его свойства не любили на фронте, но надо сказать, что он воевал лучше Конева и не хуже Рокоссовского" (К.М.Симонов. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М., 1988, с.198).

Г.К.Жуков не раз подчеркивал, что "Сталин нигде не сказал про меня ни одного плохого слова", что "попробуй меня кто-нибудь при нем обидь -- Сталин за меня голову оторвет". "И я, -- отмечал Г.К.Жуков, -- был, конечно, благодарен ему за такую объективность". Жуков говорил, что "Сталин уважал мою военную голову, а я ценил его государственный разум".

Жуков твердо заявлял, что Сталин владел "основными принципами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими со знанием дела. Эти способности И.В.Сталина как Верховного Главнокомандующего особенно раскрылись начиная со Сталинградской битвы.

Получившая распространение версия о том, что Верховный Главнокомандующий изучал обстановку и принимал решения по глобусу, не соответствует действительности. Конечно, он не работал с картами тактического предназначения, да это ему и не нужно было. Но в оперативных картах с нанесенной на них обстановкой он разбирался неплохо.

В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В.Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, наметить пути для оказания противодействия врагу, успешного проведения той или иной наступательной операции. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1990, с.108-109).

Жуков подчеркивал, что в обеспечении операций, создании стратегических резервов, в организации производства боевой техники и вообще всего необходимого для фронта И.В.Сталин проявил себя выдающимся организатором. И будет несправедливо, если не отдать ему за это должное.

Еще и сейчас, а особенно во время празднования 50-летия Великой Победы в Отечественной войне, Жуков противопоставлялся и противопоставляется Сталину. Утверждалось и утверждается, что Победа достигнута лишь благодаря Жукову, его воли и полководческому искусству, вопреки Сталину и даже при его противодействии Жукову. Однако во имя исторической правды нет никакой необходимости сталкивать и тем более противопоставлять эти две выдающиеся личности. Сталин был величайшим государственным, политическим и военным руководителем, международным деятелем, возглавлял воюющую державу, превратил страну в единый сражающийся фронт и тыл, осуществлял стратегическое и в целом общее руководство Красной Армией. Жуков был выдающимся полководцем, первым среди прославленных маршалов, одним из организаторов крупнейших стратегических операций Красной Армии от битвы за Москву до завершающей Берлинской операции.

Жуков сам был против противопоставления его Сталину. На пресс-конференции 9 июня 1945 года в Берлине для советских и иностранных корреспондентов корреспондент "Таймс" Р.Паркер спросил Г.К.Жукова:

-- Принимал ли маршал Сталин повседневное деятельное участие в операциях, которые вы возглавляли?

Г.К.Жуков ответил достойно:

-- Маршал Сталин деятельно и повседневно руководил всеми участками советско-германского фронта, в том числе и тем участком, на котором я находился.

В статье "Величие победы СССР и бессилие фальсификаторов истории", опубликованной в журнале "Коммунист" (1970, №1) Г.К.Жуков дал резкую отповедь американскому публицисту и историку Г.Солсбери за то, что тот "с легкостью необыкновенной сталкивает Жукова со Сталиным, с другими советскими маршалами, с подчиненными и т.д,, лишь бы обосновать свою концепцию решающей роли "сильной личности" ... Упражняться в водевилях на историческом материале, связанном с героизмом, кровью, жертвами и подвигом народа, гнусно и пошло".

Великую Отечественную войну Г.К.Жуков закончил трижды Героем Советского Союза (четвертой Золотой Звездой Героя Советского Союза награжден в 1956 г.), удостоенным двух высших военных орденов "Победа", ордена Суворова 1 степени за №1. Его личность стала в народе легендарной.

Сталин высоко ценил твердый характер и волю Жукова, его военное мастерство, проявленные при обороне Ленинграда, в битве за Москву, в Сталинградском сражении и боях на Курской дуге, в Белорусской операции и при штурме Берлина. Заместителю Верховного Главнокомандующего Маршалу Советского Союза Г.К.Жукову от имени и по поручению Советского Верховного Главнокомандования было поручено 8 мая 1945 года принять безоговорочную капитуляцию вооруженных сил фашистской Германии в Карлсхорсте (Берлин). Г.К.Жуков принимал Парад Победы 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади в ознаменование Победы Советского Союза над фашистской Германией в Великой Отечественной войне.

После Победы Г.К.Жуков был первым главнокомандующим Группой советских войск в Германии и главнокомандующим Советской военной администрации и одновременно главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных Сил СССР. Недруги пытаются изобразить дело таким образом, будто Сталин в 1946 году решил избавиться от Жукова, поскольку де видел в нем "соперника" себе как полководцу Отечественной войны. Но с должности главнокомандующего Сухопутными войсками Жуков был освобожден по собственной просьбе. По предложению И.В.Сталина на XIX партсъезде Г.К.Жуков был избран членом Центрального Комитета партии.

С чувством особого уважения И.В.Сталин относился к А.М.Василевскому, высоко ценил его талант военачальника крупного масштаба и глубокого военного мыслителя. Василевский не ошибался в оценках оперативно-стратегической обстановки. О большом авторитете Василевского у Верховного Главнокомандующего свидетельствуют многочисленные факты. Так, когда в кто-либо из командующих фронтами обращался с предложением в Ставку, Сталин обычно спрашивал:

-- А вы советовались по этому вопросу с товарищем Василевским?

И если следовал положительный ответ, предложение принималось к рассмотрению в Ставке. При решении вопроса Сталин полагался на мнение Василевского. В тех же случаях, когда Сталин не соглашался с мнением и доводами Василевского, последний умел с достоинством и вескими аргументами убедить Верховного Главнокомандующего, что в такой-то конкретной обстановке иного решения, чем предлагает он, принимать не следует.

Сталин посылал Василевского в качестве представителя Ставки на ответственные участки советско-германского фронта. И тогда, когда на фронте возникала критическая ситуация, и тогда, когда готовилась крупномасштабная стратегическая операция, посылал одного или вместе с Жуковым. Полководческая зрелость Василевского особенно проявилась во время Сталинградской битвы. Красная Армия еще вела оборонительные бои, а Василевский на совещании в Ставке предложил замысел контрнаступления, с тем чтобы зажать немецко-фашистскую группировку в тисках окружения. Его поддержал Жуков. Верховный Главнокомандующий спросил:

-- А под силу ли столь серьезная операция? Хорошенько подумайте над возможностью проведения такой операции.

План операции, получившей кодовое название "Уран", был разработан, а затем утвержден Верховным Главнокомандующим. Находясь в Сталинграде, Василевский принимал смелые и обоснованные решения по окружению и уничтожению противника.

В 1943 году Василевский, как представитель Ставки, осуществлял взаимодействие между Воронежским и Степным фронтами в Курской битве. "12 апреля вечером в Ставке, -- вспоминал впоследствии Александр Михайлович, -- состоялось совещание, на котором присутствовали И.В.Сталин, прибывший с Воронежского фронта Г.К.Жуков, я и заместитель начальника Генерального штаба А.И.Антонов. Было принято предварительное решение о преднамеренной обороне. Сталина беспокоило, и он не

скрывал этого, выдержат ли наши войска удар крупных масс фашистских танков. Однако шел уже не 1941 год. Красная Армия закалилась в сражениях, приобрела огромный боевой опыт, имела отличное вооружение и прекрасную боевую технику. Теперь уже фашисты боялись нас. И колебания были отброшены" (А.М.Василевский. Дело всей жизни. М., 1975, с.333).

И на фронте, и по возвращении в Генштаб Василевский целиком был поглощен работой. У него практически не оставалось времени для сна. Наблюдая это, Верховный Главнокомандующий стал даже иногда проверять, спит ли Александр Михайлович в отведенное для этого время. А когда Василевский свою усталость уже не мог скрывать, Сталин отдал распоряжение, чтобы Александра Михайловича поместили на ночь в санаторий "Архангельское" и обеспечили ему надлежащий отдых.

Однажды Александр Михайлович, не без некоторого смущения, поведал одному из авторов книги о таком состоявшемся между Сталиным и им разговоре. Закончив деловой разбор положения дел на фронте, Иосиф Виссарионович попросил его задержаться и внезапно спросил:

-- Как вы материально помогаете родителям? Ведь, насколько мне известно, -- продолжал Сталин, -- один ваш брат -- врач, другой -- агроном, третий -- командир, летчик, да и вы человек обеспеченный, могли бы помогать родителям. Тогда бы ваш отец бросил свою церковь, которая в его возрасте нужна ему для существования.

Александр Михайлович сказал, что он откровенно сознался Сталину, что со священником отцом давно, года с 1926, утратил всякую связь.

-- Так вы со священником дело не имеете, -- с лукавинкой заметил Сталин. -- А как же вы имеете дело со мной? Ведь я учился в семинарии и хотел пойти в попы.

-- Вы, товарищ Сталин, Верховный Главнокомандующий, -- ответил Александр Михайлович.

Уже серьезно Сталин сказал:

-- Вот что. Советую вам установить связь с родителями и оказывать им систематическую материальную помощь. Поезжайте к ним. Несколько дней вам хватит?

На возражение Василевского -- время военное и уехать никак нельзя -- Сталин спокойно произнес:

-- А мы вас заменим на несколько дней.

Побывав у родителей, Александр Михайлович узнал, что его отец Михаил Александрович регулярно получает денежные переводы и убежден, что их посылает ему именно он, Александр, а не другие сыновья, ибо сумма всегда довольно значительная. Кто посылает эти переводы -- стало загадкой и для Александра Михайловича. И только по возвращении в Москву все прояснилось. Деньги священнику М.А.Василевскому регулярно посылал лично И.В.Сталин.

Свой рассказ Александр Михайлович заключил так. Прибыв, он сразу же доложил И.В.Сталину, что наладил отношения с отцом.

-- Это вы правильно сделали,-- ответил Сталин. Затем Иосиф Виссарионович достал из сейфа пачку квитанций почтовых переводов. И, передавая их, произнес: -- Но со мной вы теперь долго не расплатитесь!

Сталин высоко ставил полководческий талант Василевского, На заключительном этапе Отечественной войны А.М.Василевский был назначен командующим 3-м Белорусским фронтом, руководил штурмом Кенигсберга. Здесь он был тяжело контужен. На заключительном этапе второй мировой войны А.М.Василевский участвовал в разработке плана кампании на Дальнем Востоке. Под руководством

Главнокомандующего Советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А.М.Василевского разгромлена японская Квантунская армия.

Рассказывая о Генеральном штабе в воспоминаниях "Дело всей жизни", А.М.Василевский специально рассмотрел деятельность И.В.Сталина как Верховного Главнокомандующего. Вот несколько характерных оценок.

"По моему глубокому убеждению, И.В.Сталин, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, являлся самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Он успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны на основе линии партии и был способен оказывать, значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне. Работать с ним было интересно и вместе с тем неимоверно трудно, особенно в первый период войны. Он остался в моей памяти суровым, волевым военным руководителем, вместе с тем не лишенным и личного обаяния ...

Думаю, Сталин в период стратегического наступления Советских Вооруженных Сил проявил все основные качества советского полководца. Он умело руководил действиями фронтов, и все советское военное искусство за годы войны показало силу, творческий характер, было значительно выше, чем военное искусство хваленой на Западе немецко-фашистской военной школы ...

И.В.Сталин прочно вошел в военную историю. Его несомненная заслуга в том, что под его непосредственным руководством как Верховного Главнокомандующего советские вооруженные силы выстояли в оборонительных кампаниях и блестяще провели все наступательные операции. Но он, насколько я мог его наблюдать, никогда не говорил о своих заслугах" (А.М.Василевский. Дело все жизни. М., 1975, с.541, 544, 551).

И еще один весьма важный штрих к характеристике А.М.Василевского. На Александра Михайловича большое впечатление производило завещание академика Ивана Петровича Павлова молодежи. И Василевский задумал вместе с Георгием Константиновичем Жуковым рассказать молодежи, как они, два Маршала Советского Союза, воспринимают и оценивают Великую Отечественную войну, оставить свое напутствие молодым людям, идущим служить в Советскую Армию, готовящимся к защите своей Родины. К огорчению, Георгия Константиновича вскоре не стало. Однако Александр Михайлович, будучи сам в то время тяжело больным, все же написал такую брошюру страниц на сто машинописного текста. Как человек дисциплинированный, он передал рукопись в Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота. Однако некий военный чиновник бросил упрек маршалу, что он слишком часто упоминает фамилию Сталина, иногда заменяя только на "Верховный Главнокомандующий". Обычно сдержанный, на этот раз Александр Михайлович с присущей ему прямотой и даже резко ответил: "А что, полковник, разве вы в годы Отечественной войны были рядом с И.В.Сталиным, знаете, что он нам говорил, как нами руководил, что и как мы совместно обсуждали! И кто вам дал право диктовать, сколько раз можно упоминать фамилию Сталина! Я честно излагаю события и факты. Как было, именно так и должно быть запечатлено!".

В итоге брошюра, а по существу книга, не увидела свет. После кончины Александра Михайловича ее не удалось издать и жене Екатерине Васильевне. Где-то теперь эта рукопись Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского?

По наблюдениям Г.К.Жукова, из командующих фронтами И.В.Сталин больше всего ценил Маршалов Советского Союза К.К.Рокоссовского, Л.А.Говорова, И.С.Конева и генерала армии П.Ф.Ватутина. Упоминание о "командире Р." и его войсках широко звучало во время битвы за Москву. А 20 октября в сводке Совинформбюро было напечатано полностью: "Бойцы командира тов. Рокоссовского, отражая яростные атаки немцев, сожгли 60 танков ...". В центральных газетах напечатана фотография молодого красивого генерала. Как мы уже писали, в его армию приезжал Сталин.

Полководческий талант К.К.Рокоссовского ярко проявился во время командования (с 1942 г.) Брянским, Донским и Центральным фронтами. Рокоссовский по ВЧ обратился к Верховному

Главнокомандующему с обоснованным предложением, что ликвидацию окруженной группировки войск Паулюса надо поручить одному фронту. Сталин переспросил:

-- Одному?

Рокоссовский убежденно повторил:

-- Одному фронту. Конечно, надо будет его соответственно усилить.

В Государственном Комитете Обороны состоялось обсуждение плана предстоящих военных действий: Сталин спросил:

-- Так кому поручим окончательную ликвидацию противника?

Дело в том, что на выполнение этой важной и почетной задачи были два претендента: командующий Донским фронтом К.К.Рокоссовский и командующий Сталинградским фронтом А.И.Еременко.

-- Рокоссовскому, -- раздались голоса.

Только Жуков сидел молча, листая какие-то бумаги. Сталин это заметил и с раздражением посмотрел на своего заместителя.

-- Вы почему молчите, товарищ Жуков?

Жукову выбирать было особенно трудно. Много лет он знал и Рокоссовского и Еременко, понимал, что и тот и другой заслужили почетное право добить окруженную группировку врага. И он выбрал:

-- Рокоссовскому!

Улыбка тронула усы на хмуром лице Сталина.

-- Так и решим! Пусть Рокоссовский добивает Паулюса.

Такое решение было на пользу дела, обеспечивало быстрое завершение Сталинградской операции (Полководцы. М., 1995, с.291).

Сталин любил Константина Константиновича Рокоссовского, называл его "мой Багратион". И Белорусская операция 1944 года получила кодовое название "Операция Багратион" в честь не только П.И.Багратиона, выдающегося полководца освободительной войны 1812 года, боевого сподвижника генерал-фельдмаршала М.И.Кутузова, но и в честь К.К.Рокоссовского. Сталин ценил Рокоссовского за то, что он первым перешел в контрнаступление под Москвой, что под его руководством была блестяще завершена Сталинградская битва окружением и разгромом крупнейшей немецкой группировки войск во главе с одним из признанных германских полководцев фельдмаршалом Паулюсом, за то, что Константин Константинович внес решающий вклад в разгром фашистов на Курской дуге, осуществил Белорусскую операцию, вместе с Жуковым и Коневым победоносно закончил штурм Берлина. Сталин поручил Маршалу Советского Союза К.К.Рокоссовскому командовать Парадом Победы на Красной площади в 1945 году.

Вспоминая о И.В.Сталине, К.К.Рокоссовский в книге "Солдатский долг" писал: "... Дежурный доложил, что командарма вызывает к ВЧ Сталин.

Противник в то время потеснил опять наши части. Незначительно потеснил, но все же ... Словом, идя к аппарату, я представлял под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, приготовился к худшему.

Взял трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на Истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командарму. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, оно пониманием сказал:

-- Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем ...

Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый, отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь -- полк "катюш", два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков, да еще Сталин прислал свыше двух тысяч москвичей на пополнение. А нам тогда даже самое небольшое пополнение было до крайности необходимо ...

В Ставке я был тепло принят Верховным Главнокомандующим. Он в общих чертах познакомил меня с положением на Воронежском направлении, а после этого сказал, что если у меня имеются на примете дельные работники, то он поможет мне их заполучить для укомплектования штаба и управления Брянского фронта. В то время часть войск и аппарата управления Брянского фронта передавалась новому Воронежскому фронту, который должен был встать между Брянским и Юго-Западным. Я назвал М.С.Малинина, В.Л.Казакова, Г.Н.Орла и И.Я.Максименко.

Сталин тут же отдал командующему Западным фронтом распоряжение откомандировать этих товарищей. Он пожелал мне успеха на новой должности, велел не задерживаться долго в Генеральном штабе а быстрее отправляться на место, потому что обстановка под Воронежем сложилась весьма серьезная ...

В марте Верховный Главнокомандующий пригласил меня к аппарату ВЧ и в общих чертах ориентировал относительно планируемой крупной операции и той роли, которую предстояло играть в ней 1-му Белорусскому фронту: Затем Сталин поинтересовался моим мнением. При разработке операций он и раньше прибегал к таким вот беседам с командующими фронтами. Для нас -- сужу по себе -- это имело большое значение.

Уже был вечер. Только мы собрались в столовой поужинать, дежурный офицер доложил, что Ставка вызывает меня к ВЧ. У аппарата был Верховный Главнокомандующий. Он сказал, что я назначаюсь командующим войсками 2-го Белорусского фронта. Это было столь неожиданно, что я сгоряча тут же спросил:

-- За что такая немилость, что меня с главного направления переводят на второстепенный участок?

Сталин ответил, что я ошибаюсь: тот участок, на который меня переводят, входит в общее западное направление, на котором будут действовать войска трех фронтов -- 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского; успех этой решающей операции будет зависеть от тесного взаимодействия этих фронтов, поэтому на подбор командующих Ставка обратила особое внимание.

Касаясь моего перевода, Сталин сказал, что на 1-й Белорусский назначен Г.К.Жуков.

-- Как вы смотрите на эту кандидатуру?

Я ответил, что кандидатура вполне достойная, что, по-моему, Верховный Главнокомандующий выбирает себе заместителя из числа наиболее способных и достойных генералов, каким и является Жуков. Сталин сказал, что доволен таким ответом, и затем в теплом тоне сообщил, что на 2-й Белорусский фронт возлагается очень ответственная задача, фронт будет усилен дополнительными соединениями и средствами.

-- Если не продвинетесь вы и Конев, то никуда не продвинется и Жуков, -- заключил Верховный Главнокомандующий.

Заканчивая разговор, Сталин заявил, что не будет возражать, если я возьму с собой на новое место тех работников штаба и управления, с которыми сработался за долгое время войны. Поблагодарив за заботу, я сказал, что надеюсь и на новом месте встретить способных сотрудников и хороших товарищей. Сталин ответил коротко:

-- Вот за это благодарю!

Этот разговор по ВЧ происходил примерно 12 ноября, а на другой день я выехал к месту нового назначения" (К.К.Рокоссовский. Солдатский долг. М., 1980, с.90, 124, 248,266-287).

К.К.Рокоссовского после Сталинградской битвы И.В.Сталин, как и Б.М.Шапошникова, называл только по имени и отчеству.

Рассказывают, что на одном из приемов после окончания войны Сталин спросил Рокоссовского:

-- Вы не обижаетесь, что были репрессированы и немалое время провели в заключении?

Константин Константинович спокойно и просто ответил:

-- Я веры в партию не потерял. Время было такое.

Длительное время в ходу легенда, будто после войны Сталин пытался избавиться от Рокоссовского, как человека имевшего огромный авторитет в стране и армии. А поэтому-де направил его в 1949 году в Польшу. Но известна беседа перед этим Сталина с Рокоссовским. Обращаясь к Константину Константиновичу с большой личной просьбой, Сталин говорил:

-- Обстановка такова, что нужно, чтобы вы возглавили армию народной Польши. Все советские звания остаются за вами, а там вы станете министром обороны, заместителем председателя Совета Министров, членом Политбюро и маршалом Польши. Я бы очень хотел, Константин Константинович, чтобы вы согласились, иначе мы можем потерять Польшу. Наладите дело -- вернетесь на свое место. Ваш кабинет в Москве всегда будет вашим!

Семь лет К.К.Рокоссовский возглавлял армию народной Польши как министр национальной обороны Польской Народной Республики и Главнокомандующий Войска Польского. Ему было присвоено звание Маршала Польши. Он стал членом Политбюро и заместителем предсовмина ПНР. А когда в 1956 году вернулся в Советский Союз, был назначен заместителем министра обороны СССР.

После выступления с докладом о культе личности Хрущев попросил Рокоссовского написать что-нибудь да почерней о Сталине. Константин Константинович без дипломатии ответил:

-- Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой!

Большое уважение И.В.Сталин испытывал к Б.М.Шапошникову, называл его только по имени и отчеству. Он был знаком с его фундаментальным трехтомным трудом "Мозг армии", другими работами. 7 мая 1940 года Б.М.Шапошникову было присвоено высшее воинское звание -- Маршал Советского Союза. Так же менее чем за год до начала Великой Отечественной войны он назначается заместителем народного комиссара обороны страны.

На следующий день после начала войны, 23 июня 1941 года, Б.М.Шапошников постановлением Совнаркома СССР и ЦК партии включается в состав организованного при Ставке института постоянных советников. 30 июля 1941 года по предложению Сталина был назначен начальником Генерального штаба, членом Ставки Верховного Главнокомандования.

Зная дело Генштаба до тонкостей, Б.М.Шапошников быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки Верховного Главнокомандования. Б.М.Шапошников непосредственно участвовал в разработке в 1941 году плана Смоленского сражения, контрнаступления и общего наступления Красной Армии зимой 1941-1942 годов.

Маршал А.М.Василевский, долго работавший вместе с Борисом Михайловичем, писал уже после войны: "Во время поездок с Шапошниковым в Кремль я имел возможность воочию убедиться, каким высоким уважением пользовался Борис Михайлович у Сталина. Работая в непосредственном контакте с Верховным Главнокомандующим, Шапошников представлял подготовленную Генштабом информацию, высказывал аргументированные предложения, на основе которых Ставка давала затем директивы. Сталин всегда с большим вниманием прислушивался к рекомендациям и мнению Бориса Михайловича. Это, конечно, отнюдь не означало, что Верховный Главнокомандующий всякий раз соглашался с ними. Как мне думается, Сталин особенно ценил Шапошникова за то, что тот никогда не приспосабливал свое суждение по решаемому вопросу к мнению, которое уже складывалось в Ставке. Он умел с достоинством отстаивать свои суждения, если был убежден в их правильности.

Но Сталин знал и другое: если решение принято, Шапошников будет проводить его в жизнь со всей присущей ему энергией вне зависимости от того, совпало оно с его собственной точкой зрения или нет. Личный авторитет Шапошникова, безусловно, благотворно сказывался на процессе превращения Генерального штаба в надежный рабочий орган Ставки Верховного Главнокомандования, По мере того как разворачивались события, Сталин все больше стал придерживаться правила -- принимать всякое ответственное решение по военному вопросу лишь после предварительного доклада начальника Генерального штаба" (Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1979, с.62-63).

За годы войны Сталин вместе с Шапошниковым подписал немало оперативных документов командующим фронтами и армиями.

Маршал Шапошников был крупнейшим военным теоретиком. И когда по состоянию здоровья ушел из Генштаба, его назначили начальником Военной академии Генерального штаба. Сталин по-прежнему часто звонил ему, приглашал на заседания Государственного Комитета Обороны и Ставки.

Б.М.Шапошникову не пришлось дожить до дня Великой Победы. В день похорон на Красной площади в Москве, 28 марта 1945 года, прозвучал приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И.Сталина:

"... Армия и флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом Шапошникова и отдают честь одному из выдающихся полководцев Красной Армии.

Приказываю:

В час погребения Маршала Советского Союза Шапошникова отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины Москве салют в двадцать четыре залпа из ста двадцати четырех орудий".

С большим вниманием, пишет Г.К.Жуков в книге "Воспоминания и размышления", относился Верховный Главнокомандующий к мнению Алексея Иннокентьевича Антонова, даже тогда, когда он не являлся членом Ставки, а временно исполнял должность начальника Генерального штаба.

Генерал-лейтенант А.И.Антонов работу в Генеральном штабе начал в 1942 году с должности первого заместителя начальника Генштаба и начальника Оперативного управления. Это был человек высокой штабной культуры и организованности. С 1943 года большинство директивных документов подписывались И.В.Сталиным вместе с генералом армии А.И.Антоновым или одним Антоновым от имени и по поручению Сталина и Ставки. Он докладывал Верховному Главнокомандующему о положении на фронтах. Его не раз направляли в войска. Он непосредственно участвовал в разработке важнейших операций Красной Армии, в том числе Берлинской и Пражской.

А.И.Антонов немало сделал по организационному совершенствованию работы Генштаба на новом победоносном этапе войны. С февраля 1945 года А.И.Антонов занимал пост начальника Генерального штаба, входил в состав Ставки Верховного Главнокомандования. Он единственный генерал армии, удостоенный высшего ордена "Победа". Антонов участвовал в Крымской и Берлинской конференциях союзных держав.

Государственное и военное руководство И.В.Сталина, считал А.И.Антонов, -- одна из важных составных побед Красной Армии в Отечественной войне.

Хорошее мнение у И.В.Сталина сложилось о командующем авиацией дальнего действия Главном маршале авиации Александре Евгеньевиче Голованове. Дивизия под его командованием и при личном участии бомбила Берлин, Кенигсберг, Данциг и другие стратегические объекты. Соединения авиации дальнего действия поддерживали наземные войска под Сталинградом, Курском и Берлином, помогали нашим и югославским партизанам. "Начиная с того момента, как я, -- пишет А.Е.Голованов, -- вступил в командование 81-й дивизией в августе 1941 года, в дальнейшем преобразованной в 3-ю авиационную дивизию Дальнего действия Ставки Верховного Главнокомандования, а в дальнейшем став командующим АДД, кроме лично Сталина никто не руководил ни моей деятельностью, ни деятельностью указанных мной соединений и рода войск ...

Могу сказать одно, что за все время моего общения с И.В.Сталиным я не имел основания утверждать или с чьих-либо слов предполагать, что отношение Верховного к другим военачальникам как-либо разнилось с отношением ко мне. Отношение его к людям соответствовало, если можно так сказать, их труду, их отношению к порученному им делу. Каково было отношение товарищей к порученной им работе, таково было и отношение к ним И.В.Сталина ...

Длительное время работали с ним те, кто безусловно, а может быть, правильнее сказать, безупречно знали свое дело, умели его организовать и умели им руководить. Способных и умных людей он уважал, подчас не обращая внимания на серьезные недостатки в личных качествах человека, но, прямо скажу, бесцеремонно вмешивался в дело, если оно шло не так, как он считал нужным, уже не считаясь с тем, кто его проводит, и, не стесняясь, выражал со всей полнотой и ясностью свое мнение. Однако этим дело и кончалось, и работа шла своим чередом. Если же он убеждался в неспособности человека, время на разговоры с ним он не тратил, освобождая от непосильной для него, с его точки зрения, должности. Удельный вес Сталина в ходе Великой Отечественной войны был предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров вооруженных сил. Это неоспоримый факт, противопоставить которому никто ничего не может" (Полководцы. М., 1995, с.25-27).

В книге "Воспоминания и размышления" Г.К.Жуков отмечает, что Верховный Главнокомандующий из командующих армиями выделял А.А.Гречко и К.С.Москаленко, ставших после войны Маршалами Советского Союза, маршалов бронетанковых войск И.С.Рыбалко и И.А.Ротмистрова, генерала армии Д.Д.Лелюшенко и генерала армии И.И.Федюнинского. Из начальников штабов фронтов отличал В.Д.Соколовского и М.В.Захарова, ставших также после войны маршалами Советского Союза, и генерала армии М.С.Калинина. Хорошего мнения был о командующем артиллерией Красной Армии Главном маршале артиллерии Н.Н.Воронове. Из военно-морских начальников ценил адмирала флота Советского Союза И.С.Исакова. По-доброму отзывался о генерале армии А.В.Хрулеве. "Невозможно перечислить всех тех, кто пользовался доверием И.В.Сталина. Скажу, -- пишет Г.К.Жуков, -- только одно: он хорошо знал их лично, ценил за знания и преданность делу и, когда возникала особо ответственная задача, в первую очередь поручал ее решение этим людям" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.2. М., 1990, С.113).

Однако тема "Сталин и маршалы и известные военачальники" недобросовестными историками и публицистами извращается до сих пор. Одни пишут, что маршалы и военачальники учили Сталина "азбучным истинам оперативного искусства и стратегии" (Д.А.Волкогонов), другие утверждают, что Сталин постоянно поучал военачальников и устраивал им разносы, а то и откровенно, мол, сталкивал между собой, обычно ссылаясь на подготовку и ход боев за Берлин. Подобным авторам полезно

напомнить высказывание маршала Жукова: "Мне трудно, да в этом нет надобности, особенно выделять кого-либо из участников Берлинской операции -- этой величайшей финальной битвы конца второй мировой войны. Каждый советский воин дрался и выполнял порученную ему задачу с максимальным напряжением своих сил и возможностей.

Разгром противника в операции, сражении или в бою -- дело всего коллектива, общее дело. Тот, кто пытается возвыситься над коллективом, или тот, кто хочет кого-либо возвысить, поступает фальшиво" (Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. Т.3. М., 1990, с.290).

Обо всем этом надо сказать, чтобы не принижалась полководческая деятельность И.В.Сталина.

В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа, увенчавшейся полным разгромом гитлеровской Германии, 9 мая 1945 года было объявлено днем всенародного торжества -- Праздником Победы. По радио с обращением к народу выступил Сталин. Он говорил:

"Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию ...

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом ...

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.192-194).

24 мая 1945 года Правительство Союза ССР устроило в Кремле прием в честь командующих войсками Красной Армии. На приеме выступил с речью И.В.Сталин. Он подчеркнул заслуги советского народа в Отечественной войне, и прежде всего русского народа, как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

В конце мая 1945 года по предложению И.В.Сталина в ознаменование Победы над фашистской Германией было решено провести в Москве Парад Победы, пригласить наиболее отличившихся героев-солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов. "Эту идею, -- вспоминал Г.К.Жуков, -- все горячо поддержали, тут же внося ряд практических предложений ... Кажется, 18-19 июня, меня вызвал к себе на дачу Верховный. Он спросил, не разучился ли я ездить на коне.

-- Нет, не разучился.

-- Вот что, вам придется принимать Парад Победы. Командовать парадом будет Рокоссовский.

Я ответил:

-- Спасибо за такую честь, но не лучше ли парад принимать вам? Вы Верховный Главнокомандующий, по праву и обязанности следует вам принимать парад.

И.В.Сталин сказал:

-- Я уже стар принимать парады. Принимайте вы, вы помоложе" (Цит. по кн. В.Ф.Аллилуев. Хроника одной семьи: Аллилуевы -- Сталин. М., 1995, с.193-194).

Об этом же рассказывает и К.К.Рокоссовский: "Когда вся подготовительная работа была проведена, созвали совещание, на которое пригласили командующих фронтами, был доложен ритуал парада. Остался открытым один вопрос: кто будет принимать Парад Победы и кто будет им командовать?

Один за другим выступали маршалы и единодушно предлагали:

-- Парад Победы должен принимать товарищ Сталин.

Сталин, по своему обыкновению, ходил по кабинету, слушал выступающих, хмурился. Подошел к столу.

-- Принимающий Парад Победы должен выехать на Красную Площадь на коне. А я стар, чтобы на коне ездить.

Мы все горячо стали возражать.

-- Почему обязательно на коне? Президент США Рузвельт -- тоже верховный главнокомандующий, а на машине парады принимал.

Сталин усмехнулся.

-- Рузвельт -- другое дело, у него ноги парализованы были, а у меня, слава Богу, здоровые. Традиция у нас такая: на коне на Красную площадь надо выезжать. -- И еще раз подчеркнул: -- Традиция!

После паузы посмотрел на меня и на Жукова и сказал:

-- Есть у нас два маршала-кавалериста -- Жуков и Рокоссовский. Вот пусть один командует Парадом Победы, а другой Парад Победы принимает" (Полководцы. М., 1995, с.305-306).

По приказу Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади состоялся парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона -- Парад Победы. На Красную площадь Советская Армия принесла знамена разбитых и уничтоженных ею немецко-фашистских армий и дивизий. Эти вражеские знамена были брошены к ногам победившего советского народа, к подножию ленинского Мавзолея.

Победно завершив войну против гитлеровской Германии, наша страна приступила к залечиванию тяжелых ран, нанесенных жестоким и неумолимым врагом. Однако безопасности Советского Союза угрожала еще империалистическая Япония, Союзники обратились к советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии. Верное своему союзническому долгу, советское правительство приняло это предложение союзников и, не тянув как они с открытием второго фронта, объявило состояние войны с Японией. Стремительное наступление частей Советской Армии и разгром ими значительной массы японских войск вынудили Японию капитулировать. 2 сентября 1945 года государственные и военные представители Японии подписали в Токио акт о безоговорочной капитуляции.

День победы над Японией 3 сентября 1945 года был объявлен Праздником Победы. В обращении к народу И.В.Сталин сказал:

"Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке, наступил долгожданный мир для народов всего мира" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.370).

В 1945 году по предложению Политбюро ЦК ВКП(б) И.В.Сталину в ознаменование исключительных заслуг в Великой Отечественной войне было присвоено звание Генералиссимуса Советского Союза. Он был награжден вторым орденом "Победа" и ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вопрос о присвоении звания генералиссимуса обсуждался несколько раз, и каждый раз Сталин убеждал этого не делать. И только после вмешательства Маршала Советского Союза К.К.Рокоссовского дал свое

согласие, когда последний заявил: "Товарищ Сталин, вы маршал и я маршал, вы меня наказать не сможете!".

Убедили Сталина и взять второй орден "Победа". От звания Героя Советского Союза Сталин решительно отказался. "Я не подхожу под статус Героя Советского Союза, -- сказал он. -- Я не совершал никакого подвига". Правда, художники рисовали И.В.Сталина с двумя звездами -- Героя Социалистического Труда и Героя Советского Союза. Сама же Золотая Звезда Героя хранилась в Наградном отделе Президиума Верховного Совета СССР. И была только на подушечке, когда И.В.Сталин лежал на смертном одре.

Что же касается звания Героя Социалистического Труда, которое ему было присвоено в день 60-летия со дня рождения, то Золотую звезду к свежевыглаженному кителю прикрепила дочь Светлана. А поскольку на Востоке существует обычай, если сделала женщина, то так тому и быть, Сталин эту Золотую звезду не снимал до самых последних дней жизни.

В честь Победы советского народа и его армии над фашистской Германией было решено в берлинском Трептов-парке воздвигнуть скульптурный ансамбль-памятник. Постановлением советского правительства художественным руководителем памятника-ансамбля был утвержден скульптор Е.В.Вучетич, прошедший в годы Отечественной войны путь от воина-добровольца до командира батальона. Евгений Викторович рассказывал, что в августе 1945 года К.Е.Ворошилов порекомендовал ему:

-- Недавно Потсдамскую декларацию победителей от имени советского народа подписал товарищ Сталин. Значит, в центре ансамбля-памятника должен быть он во весь рост из бронзы, с изображением Европы или глобусным полушарием в руках.

Вучетич сделал соответствующий эскиз. Однако подготовил еще один -- "Воин-освободитель", вдохновленный рассказом о советском солдате, спасшем, рискуя жизнью, немецкую девочку во время штурма Берлина. Оба эскиза выставили для обзора в одном из залов Московского Кремля. Посмотреть работу скульптора пришло много народа. Все столпились около полутораметровой скульптурной фигуры генералиссимуса и громко высказывали свое одобрение. Фигуру солдата с девочкой будто не замечали. Появился Сталин. Не торопясь прошел вокруг эскизов, повернувшись к скульптору, спросил:

-- Слушайте, Вучетич, вам не надоел этот ... с усами? -- Он нацелился мундштуком трубки в лицо полутораметровой фигуры.

-- Это пока эскиз, -- попытался кто-то заступиться за скульптора.

-- Автор был контужен на фронте, но не лишен языка, -- прервал Сталин и устремил взгляд на фигуру под целлофаном. -- А это что?

-- Это тоже эскиз, -- ответил Вучетич.

-- Тоже и ... кажется, не то же, -- заметил Сталин. -- Покажите ...

Вучетич снял целлофан с фигуры солдата. Сталин скудно улыбнулся и сказал:

-- Вот этого солдата мы и поставим в центре Берлина на высоком могильном холме ... Пусть этот великан в бронзе, победитель несет на своей груди девочку -- светлые надежды народа, освобожденного от фашизма.

Потом добавил:

-- Только знаете, Вучетич, автомат в руке солдата надо заменить чем-то другим. Автомат -- утилитарный предмет нашего времени, а памятник будет стоять в веках. Дайте ему в руку что-то более

символичное. Ну, скажем, меч. Увесистый, солидный. Этим мечом солдат разрушил фашистскую свастику. Меч опущен, но горе будет тому, кто вынудит богатыря поднять этот меч ... Согласны?..

-- Дайте подумать, -- ответил Вучетич.

-- Думать никому не запрещено. Думайте. Желаю успеха ... Возражений не слышу. Да и нет в них нужды ...

Сталин крепко пожал Вучетичу руку.

Так был сооружен широко известный тридцатиметровый бронзовый воин-освободитель в плащ-палатке, с непокрытой головой, стоящий в полный рост и попирающий сапогом поверженную и разбитую свастику, левой рукой поддерживающий прижавшуюся к его груди девочку, а в опущенной правой руке держащий тяжелый меч.

"Памятник воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом" был открыт 8 мая 1949 года. Между прочим, еще в 1937 году Гитлер хотел здесь, в Трептов-парке, соорудить памятник, прославляющий его эпоху. Венчать ансамбль должен был дворец победы. Тысячи обработанных элементов, некогда предназначавшиеся для нацистского памятника, пошли на отделку памятника-ансамбля воинам Советской Армии" ("Красная звезда". 1999, 12 января).

С опорой на известные факты, документы и мемуары в этой главе показаны некоторые характерные черты полководческого искусства И.В.Сталина, его деятельность на посту Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР в годы Великой Отечественной войны. Более подробное и специальное их рассмотрение выходит за пределы данной работы.

ЦЕНА ДОСТИГНУТОЙ ПОБЕДЫ

Одной из наиболее важных и острых проблем истории Великой Отечественной войны является вопрос о цене достигнутой в ней победы. Эта проблема теснейшим образом связана и с оценкой деятельности И.В.Сталина как полководца Великой Отечественной войны. Особую остроту вопрос о цене победы приобрел в последние годы. В подходе к его решению как в фокусе концентрируются важнейшие аспекты оценки войны в целом и ее отдельных периодов и операций. При этом эмоциональные всплески заслоняют суть проблемы, приводят к ее неправильному истолкованию. Часто этот вопрос является предметом политических спекуляций, далеких от научного подхода к его решению.

Так, определенная часть журналистов и историков всячески раздувают миф о том, что политическое и военное руководство нашей страны шло к победе в Великой Отечественной войне, совершенно не считаясь с потерями, с жертвами войск, шагая через моря крови, заваливая врага трупами своих солдат. Внес свою лепту в этот миф и Д.Волкогонов. По его словам "Сталин был бесчувственным к бесчисленным трагедиям войны. Стремясь нанести максимальный урон противнику, никогда особенно не задумывался: а какую цену заплатят за это советские люди? Тысячи, миллионы жизней для него давно стали сухой, казенной статистикой" (Д.А.Волкогонов. Триумф и трагедия. Кн.2. М., 1990, с.285). Вторят Волкогонову и другие представители "демократического" лагеря. Например А.Н.Мерцалов и Л.А.Мерцалова ничтоже сумняшеся пишут, что "Сталина и его порученцев цена победы не интересовала" (Иной Жуков. Неюбилейные страницы биографии сталинского маршала. М., 1996, с.28). Писатель В.П.Астафьев утверждает: "Да, до Берлина мы дошли, но как? Народ, Россию в костре сожгли, залили кровью. Воевать-то не умели, только в 1944 году навели порядок и стали учитывать расход патронов, снарядов, жизней ... Но наличие горючего, снарядов, патронов всегда было на первом месте, а наличие людей -- на последнем" ("Аргументы и факты". 1998, №19, май).

Посмотрим, насколько основательны эти утверждения. Прежде всего установим -- могло ли в принципе так подходить к вопросу о потерях в войне, о цене победы руководство советского государства и командование Вооруженных Сил.

Высокая цена победы всегда таила в себе страшную угрозу превращения победы в поражение. Эту истину человечество усвоило еще в глубокой древности на примере эпирского царя Пирра. В 279 году до нашей эры при Аускуле в Северной Апулии (Италия) произошло упорное двухдневное сражение. К концу второго дня Пирр сломил сопротивление римлян. Однако его потери были столь велики, что он произнес: "Еще одна такая победа, и у меня не останется больше воинов". С того времени выражение "пиррова победа" стало нарицательным, означающим победу, доставшуюся ценой огромных неоправданных потерь, полученную за счет истощения сил победителя и обрекающую его на последующее поражение.

Таящаяся угроза "пирровой победы" стала грозным предостережением для государственных деятелей и полководцев. Такая победа вела к поражению армии, бедствиям для государства. Угрозу таких последствий учитывал Кутузов, принимая тяжелое решение не продолжать Бородинское сражение и оставить Москву. Сохраняя армию, он рассчитывал спасти Россию. История подтвердила правильность его решения.

Добавим: от "пирровой победы" зависели также и личные судьбы и полководца, и руководящего слоя страны, причем эта зависимость до прозрачности ясна.

Примечательно высказывание по этому вопросу Черчилля. В переговорах с Молотовым в июне 1942 года он говорил: "Войну можно выиграть успешными операциями. Если не будет ни малейших шансов на успех, то он никогда не предпримет операции. Он скорее готов оставить свой пост премьер-министра. Пусть кто-нибудь другой возьмет на себя ответственность за подобный шаг. Если же операция имеет шансы на успех, то он готов заплатить за нее жертвами. Он готов заплатить любую цену за победу".

В силу перечисленных обстоятельств военно-политическое руководство любого государства не может безразлично относиться к вопросу потерь в войне, к цене победы.

Возникает вопрос -- владело ли этой, вообще-то прописной, истиной руководство нашего государства? Можем ли мы обоснованно судить, как относился к этой проблеме Сталин? Есть ряд документов и фактов, позволяющих дать однозначный ответ -- проблема осознавалась с достаточной глубиной, и руководством страны серьезно рассматривался вопрос потерь в войне еще в предвоенные годы.

Выступая на совещании начальствующего состава РККА 17 апреля 1940 года, Сталин настойчиво, в жесткой форме указывал на необходимость принять меры к тому, чтобы уменьшить потери в надвигавшейся войне. Он говорил: "... Разговоры, что нужно стрелять по цели, а не по площадям, жалеть снаряды, это несусветная глупость, которая может загубить дело. Если нужно в день дать 400-500 снарядов, чтобы разбить тыл противника, передовой край противника разбить, чтобы он не был спокоен, чтобы он не мог спать, нужно не жалеть снарядов, патронов ...

Кто хочет вести войну по-современному и победить в современной войне, тот не может говорить, что нужно экономить бомбы. Чепуха, товарищи, побольше бомб нужно давать противнику для того, чтобы оглушить его, перевернуть вверх дном его города, тогда добьемся победы. Больше снарядов, больше патронов давать -- меньше людей будет потеряно. Будете жалеть патроны и снаряды -- будет больше потерь. Надо выбирать. Давать больше снарядов и патронов, жалеть свою армию, сохранять силы, давать минимум убитых -- или жалеть бомбы, снаряды ... Нужно давать больше снарядов и патронов по противнику, жалеть своих людей, сохранять силы армии ... Если жалеть бомбы и снаряды -- не жалеть людей, меньше людей будет. Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, не жалейте мин" (Зимняя война 1939-1940. Кн.2. И.В.Сталин и финская кампания. М., 1998, с.278-279).

Призыв жалеть людей, сохранять силы армии, воевать малой кровью в выступлении звучит буквально как заклинание. И не случайно лозунг "Воевать малой кровью, на чужой территории!" воспринимался в предвоенные годы как призыв, имеющий обязывающую силу.

Пристальное внимание и озабоченность Сталина вопрос потерь, вопрос цены победы занимал и в годы Великой Отечественной войны. Это сейчас у его критиков преобладает чисто бухгалтерский подход. Отбрасывается все -- конкретная военно-политическая ситуация, цели стратегической и тактической операции, ее боевое обеспечение и т.д. Сталин был политик, умел оценивать и конкретную ситуацию и предвидеть будущее, принимал окончательное решение по той или иной крупномасштабной операции. Для руководства нашей страны задача сохранения могущества государства, чтобы Советский Союз вышел из войны мощным, с сильной армией, имела первостепенное значение. Это связывалось непосредственно с результатами войны для нашей страны, какое место, какие позиции она займет в послевоенном мире, в каких условиях будет проходить ее развитие в послевоенный период.

О том, что вопрос наших потерь привлекал пристальное внимание Сталина в годы войны, свидетельствуют многочисленные документы. Так, 27 мая 1942 года в 21 час 50 минут Сталин направил в адрес Тимошенко, Хрущева, Баграмяна следующую телеграмму:

"За последние 4 дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт -- значит доставлять врагу легкую победу.

Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас и другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого во всей стране.

Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь" (ЦАМО, ф.32, оп.1, д.16, л.19).

В каждой войне вопрос о цене победы имеет свои особенности. Тем более это относится к Великой Отечественной войне, не имеющей себе равных по размаху, напряженности и ожесточенности борьбы, по такой колоссальной протяженности линии фронта и т.д. ни в истории прошлых войн, ни в ходе второй мировой войны.

Какие же особенности Великой Отечественной войны оказывают влияние на подход к вопросу о цене достигнутой в ней победы?

Прежде всего отметим, что в силу ряда объективных факторов победа в Великой Отечественной войне не могла быть легкой и стоить малой крови. Советская Армия вела борьбу с мощной военной коалицией, возглавлявшейся фашистской Германией.

Она опиралась на ресурсы завоеванных стран Европы. На вооружении вермахта находилась самая передовая по тому времени боевая техника. Ее поражающие возможности были неизмеримо большими, чем в первую мировую войну. Германия вступила в войну против нашей страны в период своего наибольшего могущества и обрушила на нас удары еще невиданной до этого силы.

Если в начале мая 1940 года, развертывая агрессию против Франции (операция "Гельб"), Германия на западном фронте имела 136 дивизий (из них 17 танковых и моторизованных), то для нападения на СССР (операция "Барбаросса") Германия и ее союзники сосредоточили уже 190 дивизий (из них 33 танковые и моторизованные). Такое же резкое наращивание сил произошло и по другим показателям: личный состав 3,3 млн. человек -- и 5,5 млн. человек; артиллерийские орудия калибра 75 мм и выше около 7,4 тыс.-- и орудия и минометы 47200; танки около 2,6 тыс. -- и танки и штурмовые орудия около 4,3 тыс.; самолеты боевые 3,8 тыс. -- и 4980 (История второй мировой войны, т.3, с.89, т.4, с.21; Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984, с.55-56). Такой мощной группировки сил, сосредоточенной для первого удара, еще не знала история. Советский Союз этой силе противостоял один, в то время как в 1940 году на стороне Франции выступали ее союзники.

Один из английских парламентариев в августе 1941 года писал: "Меня охватывает дрожь при одной мысли о том, какая судьба могла бы постичь Великобританию, если бы против нас, находящихся в одиночестве, было бы предпринято наступление такой же силы, какое было начато Гитлером против России" (Памяти павших. Великая Отечественная война 1941-1945. М., 1995, с.257).

Помимо резкого увеличения к лету 1941 года боевой мощи фашистского блока, вермахт и его генералы получили еще очень важное преимущество -- опыт ведения победоносных крупномасштабных военных действий в войне в Европе. Вермахт середины 1941 года был намного сильнее, чем в 1939 году во время войны с Польшей, в 1940 году в войне с Францией. В середине 1944 года, когда наконец открылся второй фронт в Европе, его лучшие дивизии были уже перемолоты на советско-германском фронте. В борьбе с мощным врагом для Советской Армии были неизбежны большие потери.

При рассмотрении вопроса о цене достигнутой нами победы в Великой Отечественной войне необходимо учитывать, что Советский Союз принял на себя основные удары Германии. Именно на советско-германском фронте были разгромлены главные силы и лучшие дивизии немецкой армии и ее союзников и урон вермахта в личном составе в 4 раза превзошел потери, понесенные им на Западноевропейском и Средиземноморском театрах военных действий. Против Советской Армии одновременно действовало от 190 до 270 наиболее боеспособных дивизий фашистской Германии и ее сателлитов. В то время как англо-американским войскам в Северной Африке противостояли от 9 до 26 дивизий противника, в Италии -- от 7 до 26, в Западной Европе -- от 56 до 75. Из общего количества убитых, раненых и пленных, которых Германия потеряла во второй мировой войне, 72 процента приходится на Восточный фронт ("Военно-исторический журнал". 1997, №4, с.3).

Президент США Ф.Рузвельт, выступая по радио в апреле 1942 года, справедливо отметил: "Русские армии уничтожали и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов ... чем все другие объединенные страны, вместе взятые". И так было на протяжении всех лет второй мировой войны.

А вот высказывание по этому вопросу Верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерала Д.Эйзенхауэра. В феврале 1944 года он констатировал: "Мир стал свидетелем одного из самых доблестных в истории подвигов оборонительной войны, когда солдаты русской армии приняли на себя всю мощь ударов нацистской военной машины и окончательно остановили ее" (Величие подвига советского народа. Зарубежные отклики и высказывания 1941-1945 годов. М., 1985, с.93).

Сам характер борьбы на советско-германском фронте резко отличался от борьбы на других театрах военных действий своими грандиозными масштабами, напряженностью, ожесточением. Этот факт признавали и руководители фашистской Германии. Министр пропаганды третьего рейха Геббельс 27 марта 1945 года писал в своем дневнике: "В настоящий момент военные действия на западе являются для противника не более чем детской забавой. Ни войска, ни гражданское население не оказывают ему организованного и мужественного сопротивления ..." (Геббельс. Дневники 1945 г. Последние записи. Смоленск, 1993, с.298).

В то же время на советско-германском фронте вермахт оказывал ожесточенное сопротивление до последнего дня войны. Только в Берлинской операции безвозвратные потери наших войск составили более 78 тысяч человек (Гриф секретности снят. М., 1993, с.220).

Но не только сосредоточение главных и лучших сил вермахта и его союзников на советско-германском фронте и их ожесточенное сопротивление создавали тяжелейшие условия борьбы и вели к большим потерям наших войск. Свею лепту в это внесли и наши союзники -- их саботаж открытия второго фронта в Европе. В основе затягивания открытия второго фронта лежали вполне определенные цели влиятельных кругов США и Англии. Их с предельным цинизмом выразил сенатор от штата Миссури Г.Трумэн, ставший впоследствии президентом США:

"Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах" (История второй мировой войны 1939-1945. М., 1975. Т.4, с.34). Расчет был таким: пусть Германия и Советский Союз истощат во взаимной борьбе друг друга, а сохранившие силы США в конце войны продиктуют свои условия мира. Эти коварные расчеты союзников не могли не влиять на отношение советского руководства к проблеме потерь в войне, к проблеме цены победы.

Второй фронт не был открыт ни в 1941 году, ни в 1942 году, ни в 1943 году, ни в первой половине 1944 года. В ответ на послание Черчилля от 19 июня 1943 года, в котором он извещал, что и в 1943 году второй фронт в Европе не будет открыт, Сталин писал:

"Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв Советской Армии, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину" (Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.2. М., 1976, с.76).

Непосредственное влияние на количество потерь, понесенных Советским Союзом в Великой Отечественной войне, имело то обстоятельство, что Германия вела против нас тотальную войну, войну на истребление. Еще 30 марта 1941 года, говоря о войне против СССР, Гитлер особо подчеркнул: "Речь идет об истребительной войне" ("Военно-исторический журнал". 1997, №4, с.10). Преследовалась цель полного разгрома Красной Армии, уничтожения СССР, истребления и порабощения советского народа. Для этого правящие круги Германии мобилизовали все силы, использовали с максимальной энергией

все средства насилия, уничтожения, все формы и методы террора как против личного состава Вооруженных Сил, так и против мирного населения. Огромные завоеванные пространства Советского Союза должны были превратиться в колониальную территорию, на которой господствовали бы немецкие поселенцы, а оставшемуся "расово неполноценному" населению отводилась роль рабов.

В "Памятке немецкого солдата" предписывалось: "Помни и выполняй: 2) ... У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай -- этим самым ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семье и прославишься навек. 3) Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы постаем на колени весь мир. Германец -- абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты -- германец: как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоем пути, думай всегда о возвышенном -- о фюрере, и ты победишь. Тебя не возьмет ни пуля, ни штык. Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир!" (См. "Советская Россия", 1997, 21 июня).

Сейчас опубликованы письма немецких солдат, которые они посылали с фронта в Германию. Отмечая, что "русские оказывают нам упорное сопротивление", они с озлоблением писали: "Мы покажем русским, что такое немецкая метла. Там, где проходит немецкий солдат, даже трава больше не растет".

К намеченной цели фашисты шли с железной последовательностью как на фронте, так и на захваченной территории. Вот факты: около 11 миллионов советских граждан, из них почти семь миллионов мирных жителей, в том числе стариков, детей, женщин, и 4 миллиона военнопленных, погибли в результате зверств фашистских извергов ("Военно-исторический журнал". 1997, №1, с.12). В Великой Отечественной войне перед нами вопрос стоял так -- или победить, или быть просто уничтоженными. Это не СЛОВА. Они подтверждаются кровавой вакханалией, развернутой фашистами на захваченной советской территории, тысячами документов, материалами Нюрнбергского процесса. Оспорить эту ужасную истину невозможно. Ее можно только извратить. Или скрыть неоспоримые факты.

Изуверским планам "истребительной войны" фашистов необходимо было противопоставить все силы, использовать самые решительные формы борьбы. В приказе народного комиссара обороны 23 февраля 1942 года Сталин писал: "Красной Армии приходится уничтожать немецко-фашистских оккупантов, поскольку они хотят поработить нашу Родину, или когда они, будучи окружены нашими войсками, отказываются бросить оружие и сдаться в плен. Красная Армия уничтожает их не в виду их немецкого происхождения, а в виду того, что они хотят поработить нашу Родину. Красная Армия, как армия любого другого государства, имеет право и обязана уничтожать поработителей своей Родины независимо от их национальной принадлежности" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.47).

Сейчас находятся авторы, которые обвиняют Сталина в жестокости, излишних жертвах во время войны. В этих целях идет спекуляция на приказе №270 от 16 августа 1941 года, подписанном от имени Ставки Верховного Главнокомандования Сталиным, Молотовым, Буденным, Ворошиловым, Тимошенко, Шапошниковым и Жуковым. Особенно нагнетаются разного рода толки вокруг приказа №227 от 28 июля 1942 года наркома обороны Сталина, известном больше как приказ "Ни шагу назад!".

Быть может, с точки зрения сегодняшнего читателя, эти меры и документы покажутся безжалостными, несправедливыми. Однако их надо оценивать с позиций не сегодняшнего дня, а с позиций того сурового времени, когда гитлеровцы, несмотря на большие потери, прорвались в глубь страны. В приказе прозвучала грозная и беспощадная правда о положении, создавшемся на данном критическом рубеже войны, величайшая озабоченность Сталина утратой огромной части ресурсов страны, необходимых для продолжения борьбы, требование добиться коренного перелома в ходе войны, отстаивать каждую пядь родной земли, идти на жертвы ради спасения отечества и решительно пресекать любые проявления паники, безответственности, разгильдяйства. Слова приказа звучали как набат: "Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок Советской земли и отстаивать его до последней возможности" (И.В.Сталин. Соч. Т.15, М., 1997, с.111).

Маршал А.М.Василевский писал о приказе №227: "Приказ наркома №227 как раз и выразил тревогу народа, веление Родины -- "Ни шагу назад!" Этот приказ занял видное место в истории Великой Отечественной войны. В нем в сжатой, понятной каждому воину форме излагались задачи борьбы с врагом ... Суровость мер за отход с позиций без приказа, предусмотренные приказом №227, не противоречила факту высокого морально-патриотического подъема в войсках. Она была направлена против конкретных случаев нарушения воинской дисциплины, невыполнения боевой задачи, приказ этот вместе с другими мерами партии, Ставки ВГК, командования фронтов повысил личную ответственность каждого воина за ход и исход каждого боя, каждого сражения. Он не унизил чести советского патриота -- защитника Родины" ("Военно-исторический журнал". 1987, №2, с.69).

Несмотря на всю свою суровость, приказ №227 сыграл исключительно важную роль в стабилизации фронта и обеспечении нашей победы под Сталинградом. Необходимость такого приказа понималась страной и армией, была положительно встречена и в войсках, и в тылу. Вспоминая это время, генерал армии В.Варенников пишет: "Возьмите известный приказ И.В.Сталина №227 от 28 июля 1942 года. Сегодня дико слышать, что это якобы был драконовский документ. Да нет же! Он был крайне необходим. Его ждала страна, армия. В нем была заложена целая программа мобилизующих действий. Мы еще в училище были, когда вышел этот приказ. А приехав в Сталинград, первое, что нам довели до сведения, так этот приказ. В нем ясно и четко было сказано: "Ни шагу назад!" Действительно, куда дальше?" ("Гласность". 1997, 18 июня).

Значение сталинского приказа №227 "Ни шагу назад!" в том, что и фронт и тыл почувствовали: немецко-фашистская армия будет остановлена, под отступлением подведена черта. И фронт и тыл прониклись ответственностью, что должны переломить ход войны и добьются этого.

В ожесточенных боях советские войска осенью 1942 года остановили наступление немецко-фашистских армий в районе Сталинграда и в предгорьях Кавказа. И на фронте, и в тылу создались условия для коренного перелома хода войны в пользу СССР.

До последнего времени много спекуляций о штрафных батальонах. С одной стороны, пытаются убедить, что в них гибло много людей, поскольку их посылали на самые опасные участки фронта. С другой, что благодаря им и была выиграна война. Но ни отдельными видами войск, ни тем более штрафбатами войны не выигрываются. Войну Отечественную вел и выиграл народ, собравший все свои силы и всю свою волю, вооруживший свою армию всем необходимым для победы над фашистским агрессором.

Для критики Сталина демагогически используется и высылка крымских татар, ингушей, чеченцев, калмыков и других народностей в глубинные восточные районы страны. При этом "упускается", что они были высланы за сотрудничество с немецкими оккупантами и за участие в операциях вермахта (калмыцкий кавалерийский корпус и др.). "Забывается", что в конце 1943 года и начале 1944 года положение Советского Союза было еще тяжелым, обстановка была чревата серьезными опасностями. Сражающиеся на стороне фашистов части, укомплектованные из некоторых представителей этих народов, крайне осложнили борьбу Советской Армии за освобождение Северного Кавказа и Крыма.

К тому же неизвестно было, куда могла быть повернута политика США и Англии, а там раздавались голоса за примирение с Германией и поворот оружия против СССР. Неспокойно было и на границе с Турцией, ее дивизии в полной боевой готовности ждали своего часа на закавказской границе Советского Союза. В этих условиях часть мусульманских единоверцев на Кавказе, уже показавших свою враждебность Советскому государству, вполне могла стать опасной.

Что же до самого переселения, то это была бескровная акция. А ведь она проводилась во время ожесточенных битв на многочисленных фронтах, когда и силы и средства нужны были для борьбы с гитлеровцами. Поэтому не бросать бы упреки в адрес Сталина за депортацию тем, кто причастен к кровавой бойне в Чеченской Республике или кто молчит о ее трагических последствиях.

Массовое выселение было тяжелой и трагической операцией, но она была вызвана именно экстремальными условиями войны на ее переломном этапе. Но ведь были массовые переселения и в

США во время второй мировой войны, когда американское правительство выдворяло своих граждан японского происхождения со своего западного побережья. Тогда США находились за многие тысячи километров от театра военных действий. Да и переселение было в концлагеря. Однако что-то никто до сих пор за это не упрекает в негуманности президента Рузвельта.

Поистине невозможно понять, как сейчас в стране, пережившей ужасы тотальной войны, ужасы фашистской оккупации, находятся люди, жалеющие о поражении фашистской Германии и проклинающие нашу Победу. Корни таких суждений кроются в отношении этих людей к самой Великой Отечественной войне, к ее целям, в отношении к врагу, напавшему на нашу страну, и к тому поколению людей, которые вынесли на своих плечах неимоверную тяжесть борьбы за спасение Родины.

При рассмотрении вопроса о цене победы в Великой Отечественной войне Советского Союза необходимо исходить из того, что цена военных потерь находится в неразрывной связи с той ценой, которую пришлось бы заплатить в случае нашего поражения. В своих же ухищренных суждениях "демократы" всячески обходят эту существенную сторону вопроса цены потерь. А цена нашего поражения была четко и беспощадно обозначена фашистскими захватчиками -- уничтожение советского социалистического государства, уничтожение советского народа.

Еще до нападения на СССР откровенничал Гитлер: "... В недалеком будущем мы оккупируем территории с весьма высоким процентом славянского населения, от которого нам не удастся так скоро отделаться. Мы обязаны истреблять население, это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развить технику истребления населения ... я имею в виду уничтожение целых расовых единиц ... Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожать миллионы людей низшей расы ... Одна из основных задач ... во все времена будет заключаться в предотвращении развития славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают им не только побеждать своих врагов, но и уничтожать их".

Ни один народ, разве только народ-самоубийца, да и то сомнительно, может согласиться со своим уничтожением, с уничтожением своего национального государства. Для советского народа, всех здоровых сил нации такой исход войны был абсолютно неприемлем. И советские люди на деле показали, что были готовы заплатить дорогую цену за победу в войне. Как бы она ни была высока -- это было спасение от всеобщей гибели от рук врага. Жертвы при поражении многократно бы превзошли любые потери на пути к победе. Выбор советским народом был сделан, твердо пронесен через ужасы войны и привел к спасению, к победе. В этих условиях война не могла не носить крайне ожесточенного и напряженного характера. На карту было поставлено все.

В развернувшейся борьбе подвергались жесточайшему испытанию все основы духовных, нравственных, физических сил народа, его способность вести борьбу за выживание. Тотальной войне врага требовалось противопоставить ответные меры. Необходима была не только мобилизация всей мощи государства, но и такие методы борьбы, которые могли бы сломить его мощь и яростную жестокость. От народа, от армии, от руководства страны потребовалось проявление величайшего мужества, стойкости, принятия чрезвычайных, решительных, жестких мер как на фронте, так и в тылу. Это было неизбежно. Народ знал, во имя чего приносил жертвы. Знал, чем вынужден платить за свое выживание, за сохранение Отечества. Его стремление сохранить себя и Родину было величайшей движущей силой и на фронте и в тылу.

Нужно абсолютно не понимать, какой была Великая Отечественная война (или делать вид, что не понимает), чтобы осуждать и проклинать жесткие, в ряде случае и жестокие меры, которые было вынуждено принимать советское командование, чтобы стабилизировать положение на фронте, особенно в экстремальных условиях 1941-1942 годов.

Только как ложь и лицемерную спекуляцию гуманными заклинаниями можно расценить такие, например, рассуждения мерцаловых: "... Наиболее часто обвиняют в жестокости Жукова. И это не случайно. Из военных к Сталину он был ближе всех и не мог не воспринять соответствующего образа мысли и действий ... 24 ноября 1941 г. Жуков и Булганин требовали "трусов и дезертиров, оставляющих

поле боя, расстреливать на месте". Такая формулировка не выдерживает никакой критики: кому дано право судить о том или ином военнослужащем как о "трусе и дезертире" (то есть в данном случае -- приговаривать его к смерти), что значит "оставлять поле боя?" (А.Н.Мерцалов, Л.А.Мерцалова. Иной Жуков. Неюбилейные страницы биографии сталинского маршала. М., 1996, с.65).

Все проверяется жизнью, боем -- кто храбрый, смелый, а кто трус, дезертир. Бои под Москвой и Ленинградом, под Сталинградом и на Курской дуге, все другие сражения, словом, наша победа в Великой Отечественной войне показали, что суровые меры, принимавшиеся советским командованием к трусам, дезертирам, паникерам и т.д., были вынужденным, но необходимым слагаемым на пути к нашей победе.

Вновь подчеркнем, что мерцаловы и их сторонники умалчивают, с каким врагом нам пришлось воевать, какие зверские методы войны он применял. Как на них необходимо было ответить, чтобы спасти армию и страну, какие жертвы были при этом неизбежны. Умышленно умалчивается, каким тягчайшим испытаниям подвергались в прошлой войне духовные и физические силы человека, какими невероятными сверхусилиями в тяжелейшей, критической обстановке удавалось добиваться перелома в ходе сражения. Какая сила воли требовалась от полководца и как под давлением трагических обстоятельств он порой был вынужден идти на крайние меры -- расстреливать дрогнувших, спасая этим сотни тысяч их товарищей, добиваться победы. В Великой Отечественной войне легких побед быть не могло.

Казалось бы, вопрос ясен. Большие потери в Великой Отечественной войне были неизбежны. Но в кампании клеветы на Советскую Армию, ее командный состав, политическое руководство страны вопрос о больших потерях, понесенных нами в ходе войны, занимает одно из главных мест. Пропаганда следует в строго заданном направлении -- всемерного преувеличения понесенных потерь армией и гражданским населением. В приводимых ею данных господствует полная вакханалия -- что ни автор, то свои цифры, единственно здесь общее -- огромное преувеличение понесенного нами урона.

Дело доходит до абсурдных утверждений, будто бы потери Советской Армии в 10 и более раз превзошли потери фашистских войск. Для таких потерь не хватило бы всего мужского населения страны.

В грудах лжи, воздвигаемых "демократической" пропагандой о потерях Красной Армии в Отечественной войне, наблюдается даже некая закономерность. Верно подметил доктор технических наук Владимир Литвиненко: "Расстройство математических способностей продемонстрировали антикоммунисты и в подсчетах потерь Советской Армии в Великой Отечественной войне ... С начала девяностых годов наши потери ежегодно увеличивались ими на 1-2 млн. человек, а немецкие потери на такую же величину уменьшались. В результате соотношение потерь неуклонно росло в пользу немцев -- 1:3,5; 1:4,5; 1:5; 1:7 -- и, наконец, доктор филологии Борис Соколов довел это соотношение до 1:10, то есть советских солдат, по его "подсчетам", погибло в 10 раз больше, чем немецких" ("Новая газета". 22.06.1993 г. и 22.06.1994 г.). Арифметические манипуляции сопровождались причитаниями о "пренебрежительном и небрежном ведении войны", о "чрезмерной цене побед", о "горе трупов, которыми мы завалили немцев" и тому подобным" ("Советская Россия". 1999, 11 февраля).

Не менее странное впечатление производят и "подсчеты" А.И.Солженицына. Он утверждает, что во время Отечественной воины погибли то 44 миллиона наших солдат, то 31 миллион. По поводу такой игры цифрами потерь убедительно высказался писатель и историк Вадим Кожинов: "Когда человек приводит цифры, он должен все-таки как-то соотносить свои утверждения с реальностью. К тому же этот человек имеет образование математическое. Ведь давным-давно установлено, причем не только у нас в стране, но и эмигрантской демографией, что, во-первых, с 1941-го по 1945-й из 195 миллионов человек, которые в нашей стране жили, исчезли 38 миллионов. Это всего -- детей, стариков, женщин и так далее. Поэтому называть цифру 44 миллиона применительно к погибшим солдатам -- простите, даже как бы неприлично.

Продолжу анализ. Из названных 38 миллионов -- около 13 должны были умереть естественной смертью. Это минимум, потому что речь идет о смертности за год 1,3 процента населения. Скажем, в

20-е годы такая была ежегодная доля умерших в США. У нас, конечно, несколько больше. Словом, если взять период с 1 января 1941 года по 1 января 1946-го, то около 13 миллионов человек должны были умереть.

Теперь второе. Во время войны и сразу после ее завершения из страны эмигрировали пять с половиной миллионов человек. Это в основном были немцы, жившие в. Прибалтике, поляки, представители балтийских народов, жители Западной Украины и так далее. Значит, прибавьте это к 13 миллионам и получится, что погибнуть во время войны могли около 19 с половиной миллионов наших сограждан. Всех вместе! И говорить, что погибли пусть теперь уже не 44, а 31 миллион одних только солдат -- ну, как можно?" ("Советская Россия". 1996, 3 декабря).

У такого рода ученых и писателей научных исследований этой очень болезненной и животрепещущей проблемы, разумеется, нет. Их расчеты основываются на каких-то отрывочных сведениях, на субъективных построениях, не подкрепленных фактами и документами, порой просто взятых, что называется, с потолка. И тем не менее они продолжают кричать изо всех сил.

Таким крикунам полезно напомнить одно очень степенное суждение ветерана Отечественной войны Маршала Советского Союза Д.Т.Язова. Вспоминая годы войны, он писал: "Я не могу согласиться с тем, когда скороспелые, псевдонаучные идеи и взгляды на ход и исход войны, на роль в ней тех или иных лиц и событий, ханжеские рассуждения о "чрезвычайно высокой цене победы" выдаются за истину в последней инстанции. Знаю, история не признает сослагательного наклонения, но давайте зададимся простым вопросом: что было бы со страной, Европой, всем миром, наконец, если бы защищавший Москву, Ленинград, Сталинград советский солдат не бился бы до последнего дыхания с врагом, а по примеру некоторых "просвещенных" европейцев посчитал свою жизнь слишком высокой ценой за жизни сотен тысяч своих соотечественников?" ("Правда". 1991, 9 мая).

Вот этого-то вопроса и подлинного ответа на него как раз и не хотят слышать фальсификаторы истории Отечественной войны. Они не только в упор не видят проделанную серьезную научно-исследовательскую работу, но нагло отвергают ее результаты. А такая работа проводилась и проводится. С наибольшей полнотой она отражена в коллективной монографии большой группы военных и гражданских специалистов, в том числе и работников Генерального штаба, "Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах" (М., 1993 г.) и в публикациях генерала армии М.А.Гареева. На сегодняшний день эти исследования, опирающиеся на огромное количество документальных данных, наиболее научно обоснованы.

Согласно им, за годы Великой Отечественной войны (включая и кампанию на Дальнем Востоке против Японии в 1945 г.) общие безвозвратные демографические потери (убиты, пропали без вести, попали в плен и не вернулись из него, умерли от ран, болезней и в результате несчастных случаев) советских Вооруженных Сил вместе с пограничными и внутренними войсками составили 8 миллионов 668 тысяч 400 человек! ("Гриф секретности снят". С.129).

Агрессия против нашей страны дорого обошлась Германии и ее союзникам. Их безвозвратные людские потери на советско-германском фронте были лишь на 30 процентов меньше аналогичных потерь советских войск. Таким образом, соотношение по безвозвратным потерям составило 1:1,3 ("Гриф секретности снят". С.393). Большие наши потери связаны в основном с первым периодом Великой Отечественной войны, с внезапным нападением Германии на Советский Союз и с просчетами советского руководства, допущенными в начале войны.

Наши безвозвратные потери по годам войны выглядят следующим образом: 1941 год (за полгода войны) -- 27,8; 1942 год -- 28,2; 1943 год -- 20,9; 1944 год -- 15,6; 1945 год -- 7,5 процентов от общего количества потерь. Следовательно, наши потери за первые полтора годы войны составили: 57,6 процентов, а за остальные 2,5 года -- 42,4 процента (М.А.Гареев. Маршал Жуков. С.197).

Необходимо отметить следующее. Если безвозвратные потери наших вооруженных сил составили 8,6 миллионов человек, то остальные потери -- более 18 миллионов человек -- были из мирного населения. Оно больше всего пострадало от фашистских зверств. М.А.Гареев справедливо пишет: "Если бы

Советская Армия, придя на немецкую землю, поступила по отношению к мирному населению и военнопленным так же, как фашисты к нашим людям, соотношение потерь было бы другим, но этого не случилось. И не могло случиться. И теперь "цивилизованный" подход к этому крайне деликатному вопросу довели до того, что нашему народу ставят в вину его же гуманность, да еще пытаются привести к этой "вине" жертвы фашистских злодеяний. И приходится только удивляться, что люди, исповедующие такую дикую "логику", смеют говорить, что выступают за историческую "правду!" (М.А.Гареев. Маршал Жуков. С.199).

В войне с фашистским блоком мы понесли огромные потери. Их с великой скорбью воспринимает народ. Тяжелым ударом они обрушились на судьбы миллионов семей. Но это были жертвы, принесенные во имя спасения Родины, жизни грядущих поколений. И грязные спекуляции, развернувшиеся в последние годы вокруг потерь, умышленное, злорадное раздувание их масштабов глубоко аморальны. Они продолжаются и после опубликования ранее закрытых материалов. Под ложной маской человеколюбия скрыты продуманные расчеты любыми способами осквернить советское прошлое, великий подвиг, совершенный народом.

Нелишне вспомнить, что в годы войны честные люди во всем мире высоко ценили величие жертв, приносимых советским народом на алтарь общей победы. Так, в приветствии, полученном из США в июне 1943 года, подчеркивалось: "Многие молодые американцы остались живы благодаря тем жертвоприношениям, которые были совершены защитниками Сталинграда. Каждый красноармеец, обороняющий свою советскую землю, убивая нациста, тем самым спасает жизнь и американских солдат. Будем помнить об этом при подсчете нашего долга советскому союзнику" ("Правда". 1943, 30 июня).

Тем, кто сейчас льет слезы о потерях в годы Отечественной войны, следовало бы не забывать, что сейчас, в годы мирного неолиберального реформирования, потери населения больше, чем тогда, при Сталине. К тому же тогда всегда был прирост населения. Даже в годы войны не падала рождаемость. Профессор МГУ Б.Хорев утверждает: "Правление Ельцина обошлось русским в 20 миллионов жизней. Каждый год "продолжения реформ" прибавляет к этой цифре от полутора до трех миллионов" ("Правда". 1998, 26 февраля). Такого в России никогда не было.

Анализировать причины потерь нужно и сегодня, но делать это грамотно, не раздувая искусственно скандальных сенсаций. В ходе Великой Отечественной войны были операции, в которых командование допустило серьезные, трагические просчеты. Что было, то было. Но это не повод для злорадства, для искажения истории, искажения истины.

Советский Союз вышел из второй мировой войны, хотя вынес на своих плечах главную ее тяжесть, мощным государством с самой сильной в мире армией. К концу войны фашистская армия вообще перестала существовать и потеряла все свое вооружение. Советские Вооруженные Силы к этому времени имели 35,2 тыс. танков и САУ -- в 1,6 раза больше, чем к началу Великой Отечественной войны; орудий и минометов 321,5 тыс. единиц -- превышение 2,9 раза; боевых самолетов 47,3 тыс.-- в 2,4 раза больше, чем в начале войны! ("Гриф секретности снят". С.375). При этом их качественные характеристики значительно превосходили образцы боевой техники 1941 года. Резко возросла в ходе войны и численность личного состава действующих фронтов. Если в начале войны она составляла немногим более 3 миллионов человек, то к концу 1944 г. возросла до 6,7 миллионов человек (там же, с.151).

Насколько остро стоял в ходе войны вопрос о резервах, какими обладала страна для своего спасения, о цене войны, насколько трагично и тревожно воспринимало этот вопрос руководство страны, видно из приказа народного комиссара обороны СССР №227 от 28 июля 1942 г. В нем набатом звучали такие слова: "Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства -- это не пустыня, а люди, рабочие, крестьяне, интеллигенция, -- наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, -- это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало

намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше -- значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину" (И.Сталин. Соч., Т.15. М., 1997, с.110-111).

Тогда в суровое, поистине смертоносное время армия и народ откликнулись на этот призыв -- сделали все для спасения отчизны. Да, повторимся, это стоило больших потерь с нашей стороны. Но было достигнуто главное -- немецко-фашистское наступление было не просто остановлено, а враг был повергнут -- стал отступать уже вглубь своей территории, Красная Армия стала громить фашистского зверя в его логове.

Вопрос о цене нашей Победы в Отечественной войне -- это вопрос экономического противоборства СССР с Германией на всем протяжении войны. Ведь каждый день, каждая неделя, каждый месяц, каждый год войны требовали огромных материальных ресурсов. Это и восполнение прямых потерь боевой техники и вооружений на фронте, особенно в первые месяцы войны, а они были колоссальны. Например, если к 22 июня 1941 года у нас имелось 22,6 тыс. танков, то к концу года их осталось 2100, из 20 тыс. боевых самолетов -- 2100, из 112,8 тыс. орудий -- всего около 12,8 тыс., из 7,74 млн. винтовок и карабинов -- 2,24 млн. ("Военно-исторический журнал". 1998, №3, с.4). А еще требовалось и наращивать силы армии, для чего были нужны тысячи новых танков, самолетов, артиллерийских орудий и т.д. От всего этого зависел не только успех проводимых операций, но и размер наших возможных потерь.

Экономическое противоборство СССР с Германией в годы войны велось с предельным напряжением всех сил. И, несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которых оно началось, Советский Союз в конце концов добился в этом противоборстве решительной победы. Вопрос этот настолько важен, что следует хотя бы кратко остановиться на основных слагаемых этой борьбы.

В годы Отечественной войны И.В.Сталин вместе с другими руководителями партии и государства провел огромную работу по перестройке народного хозяйства СССР в соответствии с требованиями войны, организации оборонной промышленности, увеличению производства вооружения и боевой техники, созданию и использованию стратегических резервов. Программа военной перестройки народного хозяйства Советского Союза содержалась уже в выступлении И.В.Сталина по радио 3 июля 1941 года, затем была развита в докладе 6 ноября 1941 года о 24-й годовщину Великой Октябрьской социалистической революции и других документах.

Деятельность Сталина охватывала чрезвычайно широкий и разнообразный круг проблем. Он руководил важнейшими мероприятиями, связанными с перестройкой народного хозяйства страны для обеспечения нужд войны. Через неделю после начала войны правительство приняло первый план военного времени -- "мобилизационный народно-хозяйственный план" на III квартал 1941 года, переводивший социалистическую экономику на рельсы военной экономики. 16 августа 1941 года правительство приняло "Военно-хозяйственный план" на IV квартал 1941 года и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, рассчитанный на перемещение промышленности в восточные районы страны и форсирование в этих районах военного производства, необходимого для нужд войны. ЦК партии и Совнарком СССР приняли ряд чрезвычайных мер по более эффективному использованию в народном хозяйстве всех наличных кадров и изысканию их резервов. Был увеличен рабочий день, введены обязательные сверхурочные работы, отменены очередные и дополнительные отпуска, что позволило без увеличения числа работников примерно на одну треть повысить использование оборудования.

В середине июля 1941 года Сталин потребовал от наркома вооружения Устинова срочно начать строительство завода-дублера по производству 20-мм авиапушек в Поволжье, поскольку в ходе тяжелых боев на Ленинградском и Киевском направлениях фашисты все время бомбили наши предприятия по производству этих и других видов вооружения. Было принято постановление ЦК партии и Совнаркома по строительству заводов-дублеров. Вскоре строительство было развернуто, и через полтора месяца задание было выполнено. Маршал Д.Ф.Устинов вспоминает: "Мне не раз

приходилось докладывать И.В.Сталину о выполнении графиков выпуска продукции. На их нарушения он реагировал иногда довольно резко. Когда, например, в сентябре один из уральских заводов не выполнил заказ по выпуску орудий, Сталин тут же дал телеграмму директору завода и парторгу, строжайше предупредил их об ответственности. Эта телеграмма всколыхнула весь завод, и случаев нарушения графика больше не было" (Д.Ф.Устинов. Во имя Победы. Записки наркома вооружения, М., 1988, с.162).

Как известно, еще в предвоенное время по инициативе Сталина на востоке страны создавалась вторая промышленная база. Это было дальновидное решение, подлинное значение которого было оценено уже в первые месяцы Отечественной войны, когда пришлось проводить почти одновременную массовую эвакуацию промышленных предприятий с Украины, из Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Крыма, Северо-западного, а позднее и Центрального промышленных районов. Наличие такой базы ускорило ввод в действие эвакуированных предприятий.

Перемещение промышленных предприятий из западных районов страны на восток, налаживание на них бесперебойной работы находилось под пристальным вниманием Сталина. Он часто звонил на заводы директорам, парторгам с просьбой увеличить производство самолетов, танков, моторов и др. М.С.Комаров -- директор одного из авиационных заводов -- вспоминает:

"Я был в сборочном цехе, когда диспетчер сообщил мне, что нужно срочно позвонить А.П.Поскребышеву. Вернувшись в кабинет, я набрал номер телефона, который мне дали. Поднял трубку Поскребышев и сказал:

-- С вами будет говорить товарищ Сталин, подождите у телефона, я доложу.

Хотя я ждал разговора, но голос Сталина прозвучал как-то неожиданно.

-- Здравствуйте, товарищ Комаров, -- сказал Сталин.-- Можете ли вы в ближайшее время увеличить суточный выпуск хотя бы на один мотор?

Я ответил:

-- Трудно и даже вряд ли возможно.

Сталин отозвался:

-- Подумайте. Нужно это сделать. Очень необходимы фронту штурмовики Ильюшина".

Сталин звонил на завод еще не раз. Однажды он спросил М.С.Комарова, что задерживает выпуск моторов?

-- Песок, -- ответил директор.

-- Какой песок? -- изумился Сталин.

-- На заводе всего двухдневный запас песка, необходимого для формовки, и производство может остановиться.

-- Почему ни к кому не обращаетесь?

-- Обращался. Но говорят, нет вагонов, чтобы завезти песок.

-- Песок будет, -- сказал Сталин и повесил трубку.

К исходу следующего дня на завод подали эшелон песка, которого хватило надолго. (Цит. по кн. А.И.Шахурин. Крылья победы. М., 1983, с.181-182).

От рабочих не отставали и колхозники. Миллионы из них ушли на фронт и в промышленность. Для военных нужд село передало лучшие тракторы и автомобили, лошадей. В фонд Красной Армий поставлялась значительная часть собранного урожая. На колхозные и личные средства покупались для армии самолеты и танки. Вся тяжесть земледельческого труда военных лет лежала в основном на женщинах, стариках и подростках.

Знаменитая женская тракторная бригада Героя Социалистического Труда Паши Ангелиной, эвакуированная в 1941 году из Сталинской (Донецкой) области Украины в Казахстан, на новом месте уже в 1942 году обработала 5401 га вместо положенных 2100 га и сэкономила 13,5 тонны горючего. Она собрала по 190 пудов зерна с каждого гектара, хотя до этого здесь собирали очень низкие урожаи. Бригада еще в войну впервые начала освоение казахстанской целины. Паша Ангелина оказывала помощь в подготовке женских кадров трактористов. По ее призыву "Сто тысяч подруг -- на трактор!" свыше 200 тысяч девчат и женщин освоили эту сложную профессию. Женщины-трактористки позволили пополнить армию новыми силами, а страну обеспечить хлебом. Ангелину не раз принимал Сталин, беседовал с ней.

Из прифронтовой зоны в предельно сжатые сроки во второй половине 1941 года на восток были перебазированы 2593 промышленных предприятия и более чем 10 миллионов человек. Одновременно в тыл перевозились запасы продовольствия, десятки тысяч тракторов и сельскохозяйственных машин, эвакуировались сотни научных институтов, лабораторий, библиотек, уникальные произведения искусства. Для перевозки были использованы около 1,5 млн. железнодорожных вагонов (Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984, с.127).

Эвакуация потребовала огромного напряжения сил. Она стала народным подвигом. Люди работали самоотверженно, нередко под огнем противника, забывая об усталости и сне. Целая индустриальная держава была перемещена на тысячи километров на восток. Там, часто под открытым небом, машины и станки буквально с железнодорожных платформ пускались в дело. Значение этого народного подвига для развития военной экономики страны, для судьбы войны невозможно переоценить.

Маршал войск связи А.И.Белов по этому поводу пишет: "А вспомнить эвакуацию нашей промышленности на Восток. Эвакуацию и развертывание ее в кратчайшие сроки на новом месте. Беспримерная эпопея! И кто был душой ее? Сталин. Я знаю это тоже по рассказам многих участников и очевидцев. Понятно, не одного Сталина тут заслуга. Была огромная организаторская работа партии и правительства, всех органов государственной власти, сверхчеловеческий труд миллионов людей. Но это -- большая заслуга и лично Сталина. Его мысли, умения организовать, его неукротимой воли" ("Советская Россия". 1997, 11 сентября).

Характерно признание немецкого генерала Курта Типпельскирха: "Сталин смог оснастить свои новые армии гораздо лучше, чем оснащались до того времени русские войска. Вновь созданная по ту сторону Урала или перебазированная туда военная промышленность работала теперь на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов" (К.Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, с.256).

Большое внимание Сталиным уделялось совершенствованию боевой техники, поступавшей на вооружение армии и флота. Г.К.Жуков об этой стороне деятельности Сталина писал так:

"Уделяя постоянное внимание развитию вооружения и боевой техники, Сталин часто встречался с наркомами авиационной и танковой промышленности А.И.Шахуриным и В.А.Малышевым, наркомом вооружения Д.Ф.Устиновым, а также ведущими главными конструкторами авиационной техники Н.Н.Поликарповым, А.Н.Туполевым, С.В.Ильюшиным, А.С.Яковлевым, П.О.Сухим; артиллерийских систем -- В.Г.Грабиным, танков -- Ж.Я.Котиным, А.А.Морозовым, стрелкового оружия -- В.А.Дегтяревым, Б.Г.Шпитальным, Г.С.Шпагиным" ("Военно-исторический журнал". 1995, №3, с.21).

Гигантская работа в годы войны была проделана по производству военной техники -- в решающей сфере экономического противоборства с Германией и ее союзниками. Противоборство, развернувшееся

на этом направлении, происходило в крайне неблагоприятных условиях. Мощная военная экономика третьего рейха с предельной интенсивностью использовала ресурсы завоеванных стран Европы. Советской военной экономике противостоял по существу экономический потенциал Европы. Примечательна в этом отношении запись в дневнике Геббельса от 18 марта 1941 года: "Фюрер хвалит работу заводов Шкода (крупнейшие в Чехословакии предприятия военно-промышленного комплекса. -- авт.). В ходе этой войны они оказали нам величайшую услугу, поставляя оружие ... Крупп, Рейн-металл и Шкода -- это 3 наши крупные кузницы оружия и военной техники" ("Военно-исторический журнал". 1996, №1, с.44).

Борьба в области производства вооружения и боевой техники между СССР и Германией развернулась еще в предвоенные годы и с огромным напряжением сил велась на протяжении всей войны. Поистине драматического напряжения она достигла в 1943 году -- в год коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. К этому времени уже обозначилось превосходство Советского Союза над Германией и ее союзниками не только на полях сражений, но и в военной экономике. Для Германии центральной проблемой, определявшей возможность успеха на востоке, стало изменение соотношения сил на советско-германском фронте в пользу вермахта. Правители Германии были уверены, что путем жесточайших мер по мобилизации колоссальных людских и материальных ресурсов порабощенной Европы и направления их против Красной Армии они смогут восполнить потери, понесенные в войне с СССР, и подавить его растущую мощь превосходящими силами.

С февраля 1943 года с лихорадочной поспешностью стала проводиться "тотальная мобилизация" экономических, людских и чисто военных ресурсов. Считалось, что Советский Союз будет не в состоянии противостоять огромному военному и экономическому потенциалу Европы. Геббельс 18 февраля 1943 года заявил: "Опасность, нависшая над нами колоссальна ... больше нельзя лишь наспех и поверхностно использовать богатый военный потенциал не только своей собственной страны, но и имеющихся в нашем распоряжении важных районов Европы. Необходимо использовать его полностью и настолько быстро и основательно, насколько это мыслимо в организационном и деловом отношении. Ложный стыд здесь абсолютно ни к чему. Будущее Европы зависит от нашей борьбы на Востоке!" (Б.Г.Соловьев. Битва на Курской дуге. М., 1983, с.4).

Ресурсы, находившиеся в распоряжении Германии, были огромны. Меры по их мобилизации проводились со всей решительностью, жестокостью и поспешностью. В ходе "тотальной мобилизации" удалось достигнуть значительного роста военного производства, и новые сотни тысяч солдат были брошены в котел войны. В 1943 году танков и штурмовых орудий было выпущено больше, чем в 1942 году, почти на 73 процента, самолетов -- свыше чем на 71 процент ("История второй мировой войны" 1939-1945. Т.7. М., 1976, с.84). Вермахт получил новые танки, самолеты. и другие образцы боевой техники. В приказе перед началом летнего наступления Гитлер писал: "Армии, предназначенные для наступления, оснащены всеми видами вооружения, которые оказались в состоянии создать дух немецкого изобретательства и немецкая техника" (В.И.Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма. Т.2. М., 1973, с.421).

Советская Армия, весь советский народ стояли перед новыми тягчайшими испытаниями. Им предстояло отразить готовящиеся удары огромной силы. Очень многое зависело от того, сумеет ли советский тыл мобилизовать новые силы для продолжения борьбы, дать своей армии материальные средства борьбы и количественно и качественно сопоставимые с теми, какие направляла на советско-германский фронт Германия, использовавшая ресурсы порабощенных стран Европы.

Это была задача неимоверной трудности. Решение ее еще более осложнялось тем, что огромная территория страны находилась под пятой фашистской оккупации и ее ресурсы враг использовал для продолжения войны. И на полях сражений, и в военно-экономическом противоборстве с Германией и ее союзниками СССР по существу находился в одиночестве, получаемые поставки по ленд-лизу несопоставимы с ресурсами, которые направил третий рейх на советско-германский фронт.

Война не давала передышки. Перед лицом надвигавшихся новых тяжелых испытаний, требовавших огромных жертв, напряжения всех сил у советского народа и руководства страны не опустились руки.

Великая цель спасения Родины, вызволения попавших в рабство миллионов людей, победы над фашизмом рождала великую энергию и самоотверженность и на фронте, и в тылу.

Общий объем промышленного производства в нашей стране увеличился на 17 процентов, а в Германии -- на 12 процентов. Располагая меньшей промышленной базой, социалистическая держава превзошла Германию по выпуску вооружения. В 1943 году Советский Союз произвел до 35 тыс. самолетов, или почти на 10 тыс. больше, чем Германия, и 24,1 тыс. танков и САУ, против 10,7 тыс. танков и штурмовых орудий, произведенных в Германии (История второй мировой войны 1939-1945. Т.7. М., 1976, с.512). В войска поступала новая боевая техника, которая по многим показателям превосходила боевую технику врага. Количество автоматического оружия в действующей армии к июлю 1943 года по сравнению с апрелем увеличилось почти в два раза, противотанковой артиллерии -- в 1,5; зенитной -- в 1,2; самолетов -- в 1,7; танков -- в 2 раза (История второй мировой войны 1939-1945. Т.7. М., 1976, с.97). Советское правительство, Коммунистическая партия, превратив страну в единый военный лагерь, мобилизовали огромные материальные и людские ресурсы. Народ напряжением всех своих сил успешно ковал меч Победы.

В 1943 году не только на полях сражений, но и в области военной экономики завершился коренной перелом в пользу Советского Союза. В книге "Военная экономика СССР в период Отечественной войны" Н.А.Вознесенский писал: "В истории военной экономики СССР 1943 год является годом коренного перелома, он характеризуется крупнейшими победами Советской Армии, укреплением и развитием военного хозяйства с резко выраженными особенностями расширенного воспроизводства. Значительно увеличилось производство всего совокупного общественного продукта по сравнению с 1942 г. Увеличилось производственное потребление, вырос народный доход, выросло личное потребление трудящихся и накопление, увеличились основные и оборотные фонды народного хозяйства.

В 1944 г., в течение которого советская земля была полностью очищена Советской Армией от гитлеровской нечисти, в военном хозяйстве СССР продолжалось нарастание процессов расширенного воспроизводства. Увеличение военных расходов в 1943-1944 гг. происходило наряду с абсолютным ростом производственного и личного потребления и накопления, а не за счет их абсолютного сокращения, как это было в 1942 г. В этом сказываются особенности расширенного воспроизводства на различных этапах периода военной экономики СССР" (Н.А.Вознесенский. Избранные произведения. 1931-1947. М., 1979, с.496).

В 1943 году советская экономика достигла выдающихся успехов. Это между прочим вынужден был признать и президент США Ф.Рузвельт. Говоря о росте американской военной экономики, он в послании конгрессу от 7 января 1943 года отмечал: "Мы не должны забывать при этом, что наши достижения не более велики, чем достижения русских ... которые развили свою военную промышленность в условиях неимоверных трудностей, порожденных войной" ("Правда". 1943, 9 января).

После изгнания фашистских оккупантов на освобожденной территории по указанию И.В.Сталина сразу же начиналось восстановление городов и сел, заводов и предприятий, больниц и школ. Государство выделяло немалые средства для возрождения экономики в пострадавших от оккупации районах. Так, в 1944 году они составили две пятых всех капитальных вложений в народное хозяйство. В восстановлении хозяйства участвовала вся страна. Широко было развито шефство тыловых районов для возрождения пострадавших от врага областей.

В прошлом история не знала примера одновременного ведения крупнейших наступательных операций армии и широкого развертывания народом восстановительных работ на огромной территории, освобожденной от противника.

1944 год был годом максимального выпуска основных видов военной техники. Авиационная промышленность дала стране 40,3 тыс. самолетов, из них 33,2 тыс. боевых. Советские ВВС имели на фронте в 4 раза больше самолетов, чем немцы, а в 1945 году это превосходство стало еще большим. С января 1945 года до конца войны танкостроители произвели для армии 49,5 тыс, танков и САУ, в то

время как германская промышленность только 22,7 тыс. Потребности фронта полностью удовлетворялись боеприпасами всей номенклатуры. Если в битве под Москвой зимой 1941-1942 года в сутки расходовалось лишь 700-1000 тонн боеприпасов, то в 1944 году, например, 1-м Белорусским фронтом расходовалось в сутки 20-30 тыс. тонн. Выпуск артиллерийских снарядов, на долю которых приходилось более половины всех боеприпасов, составил в 1944 году 94,8 млн. штук, а всего за годы Отечественной войны советская артиллерия получила от промышленности 775,6 млн. снарядов и мин, что в 14 раз больше, чем поступило в русскую армию в период первой мировой войны ("Военно-исторический журнал". 1998, №3, с.10).

Отмечая значительный рост к концу войны огневой мощи нашей армии, нарком вооружения Д.Ф.Устинов писал: "В последнюю военную зиму стали особенно сказываться на росте огневой мощи наших войск количественные и качественные изменения в артиллерийском парке. Если взять для сравнения две крупнейшие операции заключительного периода войны, Белорусскую и Берлинскую, можно отметить в последней незначительное вроде бы увеличение общего количества стволов -- всего на 15 процентов. Но зато доля тяжелой артиллерии выросла до небывалых размеров, количество ее -- прежде всего 100-мм пушек и 152-мм гаубиц-пушек -- возросло почти в полтора раза. Такой насыщенности артиллерией, особенно крупных калибров, не было ни в одной операции Великой Отечественной войны. В разгроме берлинской группировки противника участвовало столько орудий, сколько имелось во всех государствах мира к концу первой мировой войны ... Упор на качество, который мы сделали уже в ходе завоевания коренного перелома в войне, а затем неуклонно усиливали, принес свои плоды. Красная Армия была оснащена лучшей в мире полевой и танковой артиллерией" (Д.Ф.Устинов. Во имя Победы. М., 1988, с.309, 310).

Подвиг тружеников тыла имел историческое значение -- такова была его весомость в судьбах страны. В нем воплотилось растущее превосходство социалистической экономики над капиталистической экономикой Германии, опиравшейся на ресурсы почти всей Европы. Возможность такого роста экономической мощи СССР начисто отрицалось и не учитывалось ни в каких расчетах руководством третьего рейха, да и явилось полной неожиданностью для руководителей антигитлеровской коалиции. Жизнь вдребезги разбила ими созданную легенду, в которую они сами уверовали, о неспособности военной экономики СССР противостоять мощной экономике Германии, об "убогости" советской боевой техники.

По данным Госплана СССР, в 1941-1945 годах наша военная промышленность произвела самолетов 142,8 тысячи, танков и самоходно-артиллерийских установок (САУ) 110,3 тысячи, орудий 523,5 тысячи. Гитлеровская Германия за 1941-1944 годы произвела 78,9 тысячи самолетов, 53,8 тысячи танков и САУ, 170,1 тысячи орудий.

Наши авиаконструкторы и самолетостроители создали истребители и бомбардировщики, обладавшие высокими летно-техническими данными, Всего за годы войны было освоено и запущено в серийное производство 25 типов новых и модернизированных самолетов и 23 типа авиационных двигателей. Например, такого боевого самолета, как штурмовик Ил-2, прозванный фашистами "черной смертью", не было ни в одной стране мира. С лета 1943 года наша авиация имела полное превосходство в воздухе.

Наши тяжелые и средние танки, особенно прославленный Т-34, и самоходно-артиллерийские установки превосходили не только германские, но и все зарубежные машины аналогичного класса.

В танковой промышленности впервые в мировой практике песочные формы при отливке крупных стальных деталей были заменены металлическими, что позволяло вдвое сократить затраты труда. Впервые также была применена термическая обработка деталей токами высокой частоты. Огромное значение для совершенствования танкового производства имела осуществленная под руководством академика Е.О.Патона замена ручной сварки брони корпусов танков автоматической. Этого до конца войны так и не сумели сделать ни фашисты, на которых работала вся Европа, ни наши союзники, обладавшие высокоразвитой промышленностью. Наша танковая промышленность сваривала танки автоматически, да еще на конвейерах. Е.О.Патон вспоминал: "1944 год был для нас во многом не похожим на другие годы. Мы продолжали все шире развертывать работу на оборонных заводах, продолжали жить войной, ее интересами и нуждами" (Е.О.Патон. Воспоминания. М., 1958, с.333).

Оборонная промышленность наладила массовый выпуск реактивных минометных установок -- знаменитых "катюш", наводивших ужас на фашистов.

При этом новые виды вооружений. создавались, как правило, в рекордно сжатые сроки. Так, 152-миллиметровая гаубица была сконструирована и изготовлена в 1943 году за 18 дней, а массовое производство ее было освоено всего за полтора месяца.

В США за годы войны было произведено 297 тысяч самолетов, свыше 86 тысяч танков, а в Советский Союз было направлено лишь 14450 самолетов и 7 тысяч танков, что составляет по самолетам 4,9% и по танкам 8,1%. В то же время в Англию, которая до лета 1944 года вела войну ограниченными силами на второстепенных театрах, из США было отправлено более 10 тысяч самолетов и 12750 танков ("Внешняя политика". 1945, №10, с.11).

Красная Армия воевала оружием собственного производства.

Виднейший военный деятель и теоретик маршал Б.М.Шапошников сделал очень много для становления и развития советского Генерального штаба, всемерного поднятия его роли. Но, подчеркивая большую роль Генерального штаба, он писал: "Если "оперативный" генеральный штаб можно приравнять к прежнему мозгу армии, то "экономический" и "политический" генеральные штабы должны составить, по нашему мнению, "мозг страны", а "сверхгенеральным штабом" может быть только одно правительство. Одним словом, мы считаем, что руководство подготовкой к войне на политическом и экономическом фронтах должно быть представлено особым органом государства, а не армии, и отнюдь не генеральным штабом. В общем и целом войну подготавливает, ведет ее и несет ответственность за успех или неудачу не генеральный штаб, а правительство, которое или само по себе или через особый орган (Совет обороны) цементирует подготовку на различных линиях" (См. "Советская Россия". 1997, 7 августа).

Опыт Великой войны подтвердил правильность этих суждений. Вместе с тем он показал не только огромную роль Сталина как Верховного Главнокомандующего, но и как председателя правительства, его выдающуюся роль в решении вопросов внутренней и внешней политики страны. Сталин решал огромный круг проблем, которые были вне сферы компетенции полководцев. В этом смысле масштабы и многосторонность его деятельности нельзя сравнить с деятельностью любого из полководцев, будь то даже Жуков, Василевский, Конев, Рокоссовский или кто-либо другой.

Победа в Великой Отечественной войне спасла советских людей от гибели и порабощения, спасла первое в мире социалистическое государство. Его территориальная целостность и безопасность границ были укреплены. Советскому Союзу была возвращена старинная русская земля -- Печенгская область с незамерзающим портом. Отодвинута от Ленинграда граница. Отошла к нашей стране северная часть Восточной Пруссии -- этого исконного плацдарма немецкой агрессии. Литовский народ получил отторгнутую ранее Клайпедскую область. На Дальнем Востоке нашей стране были возвращены Южный Сахалин и Курильские острова.

Чрезвычайно важным явилось и то, что в результате победы в Великой Отечественной войне было создано между Советским Союзом и враждебными государствами Запада стратегическое предполье из дружественных стран, которое в определенной мере предохраняло СССР от военного вторжения.

В ходе Великой Отечественной войны Советский Союз осуществил великую освободительную миссию. Его войска, насчитывающие более 7 миллионов воинов, вели напряженные бои почти 15 месяцев с врагом на территории 13 стран. Ими были разгромлены 607 дивизий, взяты в плен 2,5 миллиона солдат и офицеров противника (Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971, с.469).

Красная Армия сыграла решающую роль в освобождении от фашистского рабства многих народов Европы. От тирании фашистов был избавлен и немецкий народ. В результате разгрома японской Квантунской армии от гнета иноземных захватчиков были освобождены народы Азии, прежде всего

Китая и Кореи. Победа в Великой Отечественной войне имела всемирно-историческое значение. Она далеко перешагнула рамки судьбы нашей страны и народа.

Для всего здравомыслящего человечества, с полным основанием отмечает фронтовик писатель Михаил Алексеев, символом Победы над фашизмом является Сталинград. "Да, -- пишет он, -- во многих странах Европы мы можем повстречаться со Сталинградом ... И более всего меня поразило и обрадовало то, что этот факт -- перелом для всего мира совершился именно в Сталинграде! -- признали все-таки наши былые союзники, воздвигая мемориал. Тут, как видим, они проявляли и объективность, и справедливость, и порядочность. Увы, не хватило им всего этого, когда ... позже с величайшей помпой они праздновали 50-летие высадки своих войск в Нормандии -- и ... "позабыли" (!) пригласить на торжества представителей России. И что же? Новые власти страны промолчали, проглотили горькую пилюлю" (М.Алексеев. Сеятель и хранитель. "Советская Россия". 1998, 14 мая).

Глубокого осмысления требует и тот факт, что СССР, несмотря на огромные опустошения своей территории, потери, понесенные в Великой Отечественной войне, вышел из нее более мощным, чем до начала войны. А Красная Армия обрела славу самой мощной армии мира.

Что стоят в свете этих фактов пропагандистские потуги "демократов", их попытки внедрить в сознание народа ложь о том, что Советский Союз к войне вообще не был подготовлен, что Красная Армия начала и кончила войну, не умея воевать, оружие ее было никудышным, ее Верховный Главнокомандующий и его полководцы были бездарными. При этом самые лестные комплименты отпускаются "демократами" немецким генералам, которые все делали "правильно", а наши полководцы воевали "неправильно", допускали сплошные ошибки, напрасно губили людей. Всячески затемняется факт, что именно Красная Армия под руководством ее командного состава разгромила главные силы вермахта и его союзников, сокрушила фашизм. Совершая только ошибки и просчеты, одержать победу невозможно. Пренебрегая этими очевидными истинами, "демократы" своей пропагандой ненависти к советскому прошлому загнали себя в логический тупик. Еще раз следует подчеркнуть, что Сталиным в ходе войны, в начальный ее период были допущены тяжелые ошибки. Это -- принятое 23 июня 1941 года, совершенно не соответствующее обстановке решение о нанесении контрударов по вторгнувшимся войскам противника, его пагубное стремление до последней возможности удерживать Киев, просчеты в определении задач войскам в зимней кампании 1941-1942 годов и летне-осенней кампании 1942 года. И не только это. Что было, то было.

Больше того, эти ошибки и просчеты необходимо знать, чтобы уберечься от подобного в будущем. Ведь положение России становится все более грозным.

Но необходимо помнить и то, какой чрезвычайно сложной и тяжелой была обстановка начала 40-х годов. А развернувшиеся боевые действия сразу приняли небывалый размах, приобрели невиданную напряженность, динамичность, грандиозный масштаб. Развернувшаяся борьба обрела новые необычные способы и формы ее ведения. Это крайне осложнило задачу сразу найти правильные методы решения вставших проблем вооруженной борьбы в современной войне не только Сталину. Это была беда не только его. Ни один из политических и военных лидеров стран Европы не смог найти эффективного способа отражения фашистской агрессии. Их страны рухнули под ударами немецкого блицкрига. Лишь Ла-Манш спас Англию от разгрома в первый период второй мировой войны.

Военачальники армии и ее Верховный Главнокомандующий, пройдя через горнило поражений, приобрели опыт ведения тяжелейшей из войн с самым опасным противником -- фашистской Германией и привели советский народ к блистательной победе.

Для Советского Союза "пирровой победы" не произошло. Победу удалось достигнуть, хотя и ценой больших потерь, но все же в масштабах, не истощивших сил государства, не подорвавших его экономическую, политическую и военную мощь.

Этот неоспоримый факт оказал поистине судьбоносное влияние на исход завершающего этапа второй мировой войны. Дело в том, что весной и летом 1945 года правящие круги Англии и США всерьез рассматривали возможность начать, привлекая силы немецкого вермахта, войну против СССР. План

экстренной операции "Unthinkable" ("Немыслимое") разрабатывался по указанию Черчилля в обстановке величайшей секретности высшим органом военного руководства вооруженных сил Великобритании -- комитетом начальников штабов. Цель операции заключалась в том, чтобы принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи. Начать войну намечалось 1 июля 1945 года. Рассекреченные документы личного досье премьер-министра Великобритании в октябре 1998 года были опубликованы в английской и мировой печати. Краткий комментарий этих документов дал профессор О.А.Ржешевский в газете "Красная звезда" 27 февраля 1999 года, полностью план операции и сопутствующие материалы опубликованы в журнале "Новая и новейшая история" №3 за 1999 год.

Анализируя состояние военно-экономического потенциала СССР, разработчики плана войны вынуждены были признать следующее. "В области экономики Россия обеспечивает себя широким спектром материальных потребностей для сухопутных войск и авиации. Военный потенциал России значительно возрос в первой половине 1945 года. Не возникает для нее серьезных проблем и с продовольственным снабжением. Вооружение русской армии совершенствовалось на протяжении всей войны и находится на хорошем уровне, не уступает другим великим державам. Известны случаи, когда немцы заимствовали некоторые виды вооружения. Из соотношения сухопутных сил сторон ясно, что мы не располагаем возможностями наступления с целью достижения быстрого успеха. Мы считаем, что, если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти, если возрастут усталость и безразличие американцев и их оттянет на свою сторону магнит войны на Тихом океане. В этой обстановке русские будут располагать силами для наступления к Северному морю и Атлантике". Документ подписал начальник Имперского генерального штаба фельдмаршал А.Брук и начальники штабов ВМС и ВВС. Их анализ был подтвержден в сентябре 1945 года на совещании генерала Д.Эйзенхауэра -- в то время главнокомандующего союзными силами в Европе -- и британского фельдмаршала Б.Монтгомери.

В условиях такого соотношения сил Черчилль не смог осуществить своего плана развязывания третьей мировой войны. К тому же советское руководство, зная из разведданных о британских планах, приняло соответствующие меры противодействия -- перегруппировало силы Красной Армии, укрепило оборону, детально изучило дислокацию войск западных союзников. Это подействовало отрезвляюще.

И эти зловещие планы вынашивались тогда, когда главы правительств великих держав на Потсдамской конференции (17 июля -- 2 августа 1945 г.) решали вопросы послевоенного мирного устройства.

Черчилль никак не хотел смириться с победой Советского Союза над гитлеровской Германией. Ведь еще в день нападения Германии на СССР он говорил: "Никто за последние 25 лет не был более ярым противником коммунизма, чем я. Я не беру обратно ни одного слова, которое я когда-либо сказал о нем. Но сегодня это уже не играет никакой роли ... Мы имеем только одну цель, от которой никогда не отступим, мы ни при каких обстоятельствах не будем вести переговоров с Гитлером и его отродьем ... Если Гитлер считает, что нападение на Советскую Россию может вызвать хотя бы малейшее изменение больших целей и уменьшение усилий, которые мы прилагаем, чтобы его уничтожить, то он глубоко заблуждается ..." (Цит. по кн. К.Типпельскирх. История второй мировой войны. М., 1956, с.175).

Таков Черчилль.

Сталин никогда не забывал о его антисоветизме и антикоммунизме, о его двурущничестве. Он говорил:

-- Черчилль всегда был антисоветчиком номер один. Он им и остался.

Между прочим, не простой фигурой был и президент США Ф.Рузвельт. В беседе с сыном Элиотом в августе 1941 года он откровенничал: "Китайцы убивают японцев, а русские убивают немцев. Мы должны помогать им продолжать свое дело до тех пор, пока наши собственные армии и флоты не будут готовы выступить на помощь. Поэтому мы должны начать посылать им в сто раз, в тысячу раз больше материалов, чем они получают от нас теперь. Ты представь себе, что это футбольный матч. А мы,

скажем, резервные игроки, сидящие на скамейке. В данный момент основные игроки -- это русские, китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент.

Еще до того, как наши форварды выдохнутся, мы вступим в игру, чтобы забить решающий гол. Мы придем со свежими силами. Если мы правильно выберем момент, наши форварды еще не слишком устанут" (Э.Рузвельт. Его глазами. М., 1947, с.68).

Что уж говорить о пришедшем на смену Рузвельта Трумэне. США всегда вынашивали гегемонистские замыслы. Но были вынуждены всерьез считаться с Советским Союзом при решении важнейших вопросов послевоенного устройства мира. Наша страна имела миллионы новых сторонников.

ВЕЛИКИЙ ПОЛИТИК И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Если и сегодня еще есть лица, не желающие видеть в Сталине выдающегося полководца, то даже стоящие на разных политических позициях признают в нем великого политика и государственного деятеля. Расскажем о деятельности Сталина в области внутренней и внешней политики.

Есть все основания утверждать, что советской внешней политике принадлежала выдающаяся роль в обеспечении победы над Германией и ее союзниками во второй мировой войне. И в предвоенные годы и в годы войны ее отличали высокая активность, целеустремленность, настойчивость в достижении поставленных задач, гибкость, трезвый учет особенностей складывающейся обстановки, разнообразие методов действий для достижения намеченных целей.

Несмотря на крайнюю сложность обстановки, в которой приходилось действовать советской дипломатии, ее работа была успешной и хорошо послужила интересам страны не только в ходе войны, но и в обеспечении прочных позиций Советскому Союзу в послевоенном мире, надежно содействовала в течение ряда десятилетий его безопасности и твердой позиции в решении важнейших мировых проблем. В годы войны деятельность советской дипломатии была сосредоточена на решении задач создания и укрепления антигитлеровской коалиции, расшатывании и разгроме союза фашистских государств, завершении войны в кратчайшие сроки с наименьшими потерями, на обеспечении прочных основ послевоенного мира и безопасности. Усилия Советского Союза сыграли важнейшую роль в оказании всеобъемлющей помощи странам-жертвам агрессии Польше, Чехословакии, Югославии, Албании, Китаю, Франции, а также Болгарии, Румынии и Венгрии после выхода их из фашистского блока.

Важнейшая роль принадлежала советской дипломатии в решении сложнейших вопросов, связанных с разоружением, демилитаризацией, денацификацией и демократизацией Германии. Большой вклад внесла советская дипломатия в установление союзнических отношений между народами СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Албании, Болгарии, Румынии, Венгрии, ГДР, Китая, Вьетнама, КНДР, Лаоса. Огромная заслуга принадлежит Советскому Союзу и его дипломатии в защите интересов народов колоний, в их освобождении от империалистического ига.

Исторические факты неоспоримо свидетельствуют, что советская внешняя политика и в ходе войны, и в послевоенном устройстве мира занимала ведущую роль. Деятельность Сталина и на этом направлении работы оставила неизгладимый след на скрижалях мировой истории. В предвоенные годы при его руководящем участии удалось решить важнейшую проблему, стоявшую перед страной, -- предотвратить создание единого фронта капиталистических государств против СССР. Не переломив уже наметившегося курса развития событий, наша страна оказалась бы в тяжелейшем, трагическом положении, по всей вероятности, в безысходной ситуации. Советской дипломатии удалось оттянуть срок нападения Германии и ее союзников на нашу страну, оставаться вне начавшейся второй мировой войны. В то же время было заметно улучшено геополитическое положение Советского Союза -- значительно отодвинута на запад на всей линии от Карелии до Западной Белоруссии и Западной Украины граница от важнейших политических и экономических центров страны.

Именно эти факты в решающей степени определяют отношение к договору 1939 года с Германией. Каждый, болеющий за судьбу страны, не может с ними не считаться. Последующий ход событий, сама история, элементарный здравый смысл (вопреки лживым построениям А.Яковлева и его приспешников) показывают, что заключенный с Германией договор был крупным успехом советской дипломатии. Он сорвал замыслы мировой реакции объединенными силами обрушиться на социалистическое государство, обеспечил нам почти два мирных года для подготовки к отпору агрессии, проложил путь к заключению пакта о ненападении с Японией, во многом содействовал нашей победе во второй мировой войне.

Во время Великой Отечественной войны масштабы внешнеполитической деятельности Сталина многократно возросли. Он руководил и непосредственно участвовал в важнейших дипломатических акциях нашей страны. Вел непосредственные переговоры с президентами США, премьер-министрами Великобритании и с их представителями. Особое место во взаимоотношениях союзников занимала

личная переписка Сталина с высшими руководителями США и Англии по сложнейшим политическим и военным проблемам. Она носила интенсивный характер на протяжении всей войны. Сталин участвовал в важнейших международных конференциях глав правительств. Выработанные там решения оказали глубокое влияние на ход войны и послевоенное устройство мира. Не преуменьшая значения деятельности наркомата иностранных дел и его главы Молотова, можно с полным основанием сказать, что во время войны Сталин был "первым дипломатом страны".

Большой личный вклад Сталин внес в начале Великой Отечественной войны в создание антигитлеровской коалиции. Начиная войну с СССР, Гитлер рассчитывал, что удастся изолировать нашу страну на международной арене и даже организовать под эгидой Германии мировой "крестовый поход" против большевизма, вовлечь в эту коалицию Англию и США. Планы фашистов полностью провалились. В речи 3 июля 1941 года Сталин пророчески заявил: "В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.16). Ход событий показал, что в изоляции оказались фашистские государства, а СССР занял подобающее ему место в мощной антигитлеровской коалиции. Союзниками нашей страны стали и Англия и США. Роль Сталина в таком развитии событий была исключительно велика.

Мы уже упоминали о посещении в начале Великой Отечественной войны Москвы Гопкинсом. В декабре 1941 года, подытоживая свои впечатления от встречи со Сталиным, он писал: "Не было ни одного лишнего слова, жеста, ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной. Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете ... Если он всегда такой же, как я его слышал, то он никогда не говорит зря ни слова ... Кажется, что у него нет сомнений. Он создает у вас уверенность в том, что Россия выдержит атаки немецкой армии" (Р.Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т.1. М., 1958, с.547-548). Гопкинс считал Сталина выдающимся военным руководителем, с которым возможно самое тесное сотрудничество в рамках антигитлеровского союза. С его мнением считался Рузвельт.

А вот как сам Рузвельт оценивал деятельность Сталина: "Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним одно удовольствие. Никаких околичностей. Он излагает вопрос, который хочет обсудить, и никуда не отклоняется" ("Советская Россия", 1998, 15 января). Интересны и воспоминания сына Ф.Рузвельта полковника Э.Рузвельта: "И мой отец, и Черчилль блестяще знали историю. Сталин по-своему учил историю и географию. Он знал английский, отлично понимал по-английски, но виду не подавал. Я узнал об этом, когда брал у него интервью, а к тому времени я уже посещал курсы русского языка, и когда иногда в моем присутствии велся разговор по-русски, я мог понять, о чем речь. Я обнаружил, что он так же знает английский, как любой из тех русских, кто встречался с отцом, не считая специалистов-переводчиков. Сталин внимательно слушал все, что говорили на этих встречах Черчилль и отец, затем ждал перевода и выигрывал таким образом время, отлично зная, что было сказано. У него было преимущество перед обоими, но он никогда себя не выдавал".

На протяжении всей войны в центре дипломатической деятельности И.В.Сталина стояли проблемы защиты государственных интересов нашей страны, максимального вовлечения в борьбу с Германией ресурсов Англии и США, обеспечения безопасности СССР в послевоенный период, надежности границ, обеспечения наших твердых позиций за столом мирной конференции.

Уже в декабре 1941 года на переговорах с Иденом эти проблемы ставились Сталиным со всей настойчивостью и твердостью. Он заявил, что "вопрос о границах СССР ... представляет для нас исключительную важность ... что вся война между СССР и Германией возникла в связи с западной границей СССР, включая, в особенности, балтийские государства. Он хотел бы знать, готова или не готова Англия, наш союзник, поддержать нас в восстановлении этих границ" (О.А.Ржешевский. Война и дипломатия. М., 1997, с.31, 33).

В книге приводится любопытная выдержка из мемуаров Идена об этих переговорах: "Предложенный Сталиным протокол указывал, что наши надежды в Лондоне на то, что удастся ограничить обсуждение вопроса о границах общими положениями Атлантической хартии, не оправдались. Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменилась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России ... Сталин показывал свои когти. Он начал с того, что запросил немедленного признания советских границ 1941 года как границ, которые будут указаны в послевоенном мирном договоре" (О.А.Ржешевский. Война и дипломатия. М., 1997, с.30).

Одной из характерных черт внешнеполитической деятельности Сталина было то, что в переговорах он занимал как бы менее жесткую позицию, чем Молотов. Это была позиция человека, который, глубже вникая в суть обсуждаемых проблем, находил менее жесткие ее решения, не отступая от принципиальных позиций. Эту особенность сталинской дипломатии отметил и президент Финляндии Ю.Паасикиви, страны, которая в период правления Сталина дважды воевала с СССР и дважды потерпела поражение в этих войнах. Уже после смерти Сталина Паасикиви говорил: "Сталин -- один из величайших созидателей государства в истории. В отношении Финляндии Сталин проявлял симпатию и дружественность. Поэтому его уход из жизни вызывает искреннюю скорбь нашего народа. Я имел возможность много раз встречаться с генералиссимусом Сталиным и вести с ним переговоры. Об этих встречах я сохранил самые наиприятнейшие воспоминания" (В.В.Похлебкин. Великий псевдоним. М., 1996, с.150).

А вот как оценивал Хрущев политику Сталина по отношению к Финляндии и другим восточноевропейским странам. Уже будучи отстраненным от дел, на пенсии, он заявил в своих мемуарах: "Вот я -- тот человек, который жестко критикует Сталина. Но я всем скажу, что Сталин был умнейший человек. Мы начали войну с финнами в 1939 г. Официально пишут, что финны на нас напали. Да финнам это и не снилось! Мы на них напали, я это точно знаю. Мы хотели тогда, чтобы Финляндия стала советской. Но когда финны дали нам по морде, и крепко дали, Сталин пошел на мир. Карельский перешеек мы взяли, и он сразу подписал договор. Финны отвоевали свою независимость упорной борьбой, и Сталин тоже не стал упорствовать. А когда финны во время войны с Германией двинулись с Гитлером против нас, Сталин все-таки опять пошел потом на мирный договор с ними, хотя обстановка была такая: еще немножко повоевать и можно было всю Финляндию завоевать. Но он не пошел на это. Почему? Считаю, что в этом проявилась разумность Сталина. Он хотел этим актом положить начало разложению германской коалиции: раз русские не захотели завоевать Финляндию, то они не захотят, стало быть, завоевывать Венгрию, Румынию и другие союзные Германии страны. Это толкало союзников Гитлера на мир с нами. Так оно и получилось. Вышли из войны Болгария, Румыния, Венгрия" ("Вопросы истории. 1992, №8-9, с.100). И на полях сражений и за столом дипломатических переговоров Сталин последовательно отстаивал национальные интересы народов, подвергшихся фашистской агрессии. Советской Армией были освобождены из-под ига фашистов Польша, Чехословакия, Болгария, Румыния, Венгрия, Австрия, Югославия. Неоценимый вклад был внесен Советским Союзом в возрождение суверенитета растоптанных Гитлером Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Греции. Сталин, вопреки требованиям тогдашнего чанкайшистского правительства Китая, настоял на включение в Ялтинское соглашение 1945 года пункта о независимости Внешней Монголии ("Завтра". 1997, №36).

Во внешнеполитической деятельности Сталина особое вместо занимала Польша. До войны у Советского Союза с Польшей складывались порой серьезные конфликтные отношения. Во время войны она была членом антигитлеровской коалиции, ее вооруженные силы сражались на многих фронтах. Однако польское эмигрантское правительство стояло на жестких антисоветских позициях. Все это приходилось учитывать, сотрудничая с США и Англией борьбе против Германии. Новые проблемы возникли, когда Красная Армия вступила на территорию Польши, первой освобождая ее от фашистской оккупации. Правда, еще тогда, когда фашисты рвались к Москве, Сталин уже присматривался к тем польским лидерам, которые могли бы стать костяком будущего нового руководства Польши, ориентированного и учитывающего интересы СССР. В 1944 году было сформировано народное Войско Польское. Созданный Польский комитет национального освобождения стал временно исполнять функции правительства Польши. Эти советские инициативы, отражавшие в то время интересы

значительного большинства поляков, способствовали освобождению страны и становлению впервые в ее истории народной власти. 21 апреля 1945 года в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польской Республикой. Потсдамская конференция 1945 года установила западную границу Польши по Одеру -- Нейсе.

Даже такой явный недоброжелатель Советского Союза, как Черчилль, писал: "Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы это сделать" (См. "Советская Россия". 1997, 11 июня).

Клеветническую цель преследует кампания вокруг так называемого катынского дела. Как известно, в Катынском лесу под Смоленском трагически погибли польские военнослужащие. Геббельсовское радио в апреле 1943 года объявило о расстреле "еврейскими комиссарами" 10 тысяч польских офицеров. В новую фазу катынская история вступила, когда в апреле 1990 года М.Горбачев безапелляционно заявил о виновности НКВД в этом убийстве. "Демократическая" пропаганда приписала решение о расстреле поляков Сталину, а советским людям -- исполнение этого варварского действа.

Но в катынской истории много неясного. За все прошедшие годы, несмотря на настойчивые поиски, не найдено ни одного советского документа времен войны, указывающего на расстрел поляков в Катынском лесу органами НКВД, ни свидетелей, ни участников самого расстрела. В тоже время аргументы и факты, обращающие внимание на то, что катынское дело сфабриковано не без участия академика А.Яковлева, Ю.Зоря, В.Фалина, Н.Лебедевой и других активистов "команды Геббельса" (См. Ю.Мухин. Катынский детектив. М., 1995 и др. труды) игнорируются или замалчиваются. Рано или поздно свое слово о катынской истории должна сказать Генеральная прокуратура РФ.

Ведя борьбу с главными силами фашистского блока и уничтожив их, Советский Союз спас от разгрома Англию и от тяжелейших испытаний и жертв США. В этом великая заслуга нашей страны перед человечеством. Бывший государственный секретарь США Э.Стеттиниус писал: "Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были бы в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке. Рузвельт постоянно имел в виду эту нависшую угрозу" (История второй мировой войны. М., 1982. Т.12, с.114).

В качестве главы Советского правительства Сталин участвовал в работе Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференций. На них, когда возникала необходимость, Сталин занимал жесткую позицию по отношению к союзникам, твердо и решительно отстаивая интересы СССР. При рассмотрении принципиальных проблем налаживания и организации взаимодействия Советской Армии с войсками союзников Сталин последовательно и твердо отстаивал интересы наиболее эффективного применения союзных сил в борьбе с фашистским блоком. Конференции глав правительств трех великих держав имели важнейшее международное значение. Сталину как главе советской делегации принадлежала выдающаяся роль в выработке решений этих конференций, в отстаивании коренных интересов нашей страны, в поиске соглашений направленных на укрепление антигитлеровской коалиции. Число стран-союзников СССР непрерывно росло. К концу войны их начитывалось более пятидесяти (История второй мировой войны. М., 1982. Т.12, с.115).

На Тегеранской конференции И.В.Сталин действовал решительно, чтобы побудить союзников открыть второй фронт на западе Европы не позднее мая 1944 года. Рассказывая, как проходила работа конференции, А.А.Громыко сообщает: "... Сталин несколько раз пытался получить ответ от Черчилля, когда начнется высадка союзников в Европе, то есть когда будет открыт второй фронт. Но он так и не получил этого ответа. Однажды, едва сдержавшись, Сталин поднялся с кресла и сказал Ворошилову и Молотову:

-- У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получается ...

Черчилль в замешательстве, боясь, что конференция может быть сорвана, заявил:

-- Маршал неверно меня понял. Такую дату можно назвать -- май сорок четвертого ...

Атмосфера разрядилась.

Участники конференции продолжали работу" (А.А.Громыко. Памятное. Кн.1. М., 1988, с.173).

Как известно, срок проведения этой операции под кодовым названием "Оверлорд" -- май 1944 года -- был тем не менее нарушен. Высадка англо-американских войск на французское побережье состоялась лишь 6 июня 1944 года.

Конференции и связанные с ними заботы отнимали у Сталина много времени. Однако он успевал и принимать решения, связанные с боевыми действиями Красной Армии, Например, во время Ялтинской конференции к нему в Кореиз, в Юсуповский дворец, приезжали командующие войсками и армиями. Сталин беседовал с ними обычно в присутствии генерала Антонова, у которого всегда были карты с уже нанесенной обстановкой на фронте и с графическими изображениями будущих операций.

Дипломатическая деятельность Сталина, в частности его участие в конференциях глав правительств, высоко оценивалась рядом крупных политических деятелей западного мира. Так, Гопкинс об итогах конференции "большой тройки" в Ялте писал: "Мы были абсолютно уверены в том, что одержали первую великую победу мира, и под словами "мы" я разумею всех нас, все цивилизованное человечество. Русские показали, что они могут поступать разумно и проницательно, и ни у президента, ни у кого-либо из нас не осталось никакого сомнения в том, что мы сможем ужиться с ними и вести совместные дела в обозримом будущем. Но я должен сказать еще об одном: никто из нас не мог предсказать, какие будут результаты, если что-нибудь случится со Сталиным. Мы были уверены в том, что можем рассчитывать на его разум, чувства и понимание, но мы совсем не распространяли свою уверенность на те обстоятельства и тех деятелей, которые находились за его спиной там, в Кремле" (Sherwood R. Roosevelt and Hopkins. N.-Y. 1950, p.870). В период гонения на Сталина при издании книги Шервуда (книга появилась в 1958 году) пошли на грубый подлог и в русский перевод включили лишь начальную половину его фразы до слов "в обозримом будущем" (Т.2, с.589). Нужно отдать должное Гопкинсу, он предугадал возможность крутого изменения политики Советского Союза в связи с уходом Сталина. Появление на вершине власти Хрущева подтвердило его предвидение. Грозная тень карибского кризиса тому свидетельство ("Вопросы истории". 1996, №11-12, с.68-69).

Напряженной деятельностью в области внешней политики Сталину пришлось заниматься на протяжении всей войны. Важное место здесь занимала длительная и упорная борьба за открытие второго фронта в Европе, за более активное участие союзников во второй мировой войне, за получение хотя бы минимальной помощи по ленд-лизу. Сталину приходилось почти повседневно решать сложные и деликатные проблемы, возникавшие в ходе войны в союзнических отношениях с правительствами Англии и США.

Сталин, по свидетельству Главного маршала авиации А.Е.Голованова, в феврале или марте 1942 года готовился сам лететь к президенту США Ф.Рузвельту, о чем поставил его в известность специальным посланием. Он поручил Голованову организовать трассу возможного полета Вашингтон по разным направлениям и на разных самолетах. Обдумывался полет через Аляску, через Иран и даже через занятую фашистами Европу. В это был посвящен только Молотов.

12 апреля того же года в Москву пришло личное послание президента США Сталину, в котором сообщалось, что "к несчастью, географическое расстояние делает нашу встречу практически невозможной в настоящее время. Такая встреча, дающая возможность личной беседы, была бы чрезвычайно полезна для ведения войны против гитлеризма. Возможно, что, если дела пойдут так хорошо, как мы надеемся, мы сможем с Вами провести несколько дней вместе будущим летом близ нашей общей границы возле Аляски". Одновременно президент США предложил обдумать вопрос "о возможности направить в самое ближайшее время в Вашингтон г-на Молотова и доверенного генерала".

События на советско-германском фронте, как известно, в то время сложились так, что Сталин не смог вылететь в США. Советское правительство дало согласие на встречу в Вашингтоне В.М.Молотова. В

ответе от 20 апреля 1942 года Сталин указывал: "Само собой понятно, что Молотов побудет также в Лондоне для обмена мнениями с английским правительством ...". В.М.Молотов летел под именем "мистер Браун". На встречах с Ф.Рузвельтом и У.Черчиллем В.М.Молотов обсуждал главный вопрос -- об открытии второго фронта в Европе в 1942 году. Союзники просили Молотова уведомить Сталина, что "надеются открыть второй фронт в этом году".

Проблема открытия второго фронта была ключевым вопросом всей второй мировой войны. Сталин занимал непримиримую позицию в этом вопросе. Он решительно требовал, чтобы англо-американские союзники выполнили свое главное обязательство перед Советским Союзом и открыли второй фронт в Европе. Так, 18 июля 1941 года в послании Черчиллю Сталин писал: "Мне кажется ... что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на западе (Северная Франция) и на севере (Арктика)" (Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.1. М., 1976, с.19).

После Курской битвы стало очевидным, что Советский Союз и его Красная Армия одни, без помощи союзников, способны разгромить военную машину фашистской Германии и армии ее сателлитов. Президент США Ф.Рузвельт, по словам сына, говорил ему накануне Тегеранской конференции: "Ведь если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится" (Э.Рузвельт. Его глазами. М., 1947, с.161).

Советскому Союзу пришлось не только вести напряженную борьбу с главными силами фашистского блока, но и преодолевать недоброжелательство, порой близкое к открытому противодействию, со стороны реакционных сил буржуазных государств, противодействовать правящим кругам этих стран вступить тайно от Советского Союза в сепаратные переговоры с Германией.

Известно, что уже осенью 1941 года, а также в 1942 и 1943 годах в Лиссабоне и Швейцарии проходили переговоры за спиной СССР между представителями Англии и Германии, а потом между представителями США и Германии по вопросу заключения мира с Германией. (Фальсификаторы истории. Историческая справка. М., 1948, с.71).

Определяя внешнеполитический курс СССР, принимая военные решения, следя за действиями союзников по антигитлеровской коалиции, Сталин придавал огромное значение разведке, определяя приоритетные направления ее деятельности. Так, инструктируя перед отъездом в США в конце 1941 года нового резидента НКГБ В.М.Зарубина, И.В.Сталин следующим образом лично сформулировал задачи разведывательных служб в Америке: "Следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и все вместе не пошли против Советского Союза; добывать сведения о военных планах Гитлера в войне против СССР, которыми располагают союзники; выяснять секретные цели и планы союзников в этой войне; пытаться узнать, когда западные союзники собираются в действительности открыть второй фронт в Европе; добывать информацию о новейшей секретной технике, созданной в США, Англии и Канаде" (А.С.Феклисов. За океаном и на острове. Записки разведчика. М., 1994, с.51-52).

В то же время СССР на протяжении всей войны оставался верным союзническому долгу и принимал все меры к укреплению антигитлеровской коалиции. Его политика характеризовалась последовательным и честным выполнением принятых на себя обязательств.

К концу войны попытки влиятельных сил в США и Англии заключить за спиной Советского Союза сепаратную сделку с Германией не только не утихли, но приобрели еще более опасный характер. Но и в этих условиях Советский Союз делал все для укрепления антигитлеровской коалиции, оставался верен союзническим обязательствам и был готов оказать помощь союзникам. Вот один из таких фактов.

16 декабря 1944 года немцы начали наступление в Арденнах. Они нанесли серьезное поражение противостоявшим им американским дивизиям, устремились к реке Маас. 1 января 1945 года фашисты нанесли новый удар, намереваясь вернуть Эльзас. В связи со сложившейся тяжелой обстановкой 6 января Черчилль обратился к Сталину с посланием: "На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое

время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших решениях ... я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации ... Я считаю дело срочным" (Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.1. М., 1957, С.298).

Уже 7 января Сталин направил Черчиллю следующий ответ: "Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать, для того чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам" (Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т.1. М., 1957, с.298-299).

Желая ускорить помощь союзникам, советское Верховное Главнокомандование приняло решение начать наступление даже раньше обещанного Черчиллю срока. Огромное по своим масштабам, оно началось 12 января на фронте от Балтийского моря до Карпат. Немецкое командование было вынуждено прекратить свое наступление на западе и спешно начать переброску крупных масс своих войск на восток -- против наступавших советских армий.

17 января Черчилль писал Сталину: "От имени Правительства Его Величества и от всей души я хочу выразить Вам нашу благодарность и поздравления по случаю такого гигантского наступления, которое Вы начали на Восточном фронте".

После в мемуарах о второй мировой войне Черчилль отмечал, что "со стороны русских и их руководителей было прекрасным поступком ускорить свое широкое наступление, несомненно, ценой тяжелых людских потерь. Эйзенхауэр был действительно очень обрадован новостью, которую я ему сообщил". Это также подтвердил и Эйзенхауэр в письме советским военным руководителям: "Важное известие о том, что доблестная Красная Армия новым мощным рывком двинулась вперед, воспринято союзными армиями на Западе с энтузиазмом".

Сложность и опасность обстановки, в которой приходилось действовать нашей стране и Сталину, сохранялась до последних дней войны. Приходилось серьезно считаться с возможностью резкого изменения позиции наших союзников по антигитлеровской коалиции. Тайные переговоры продолжались вестись, и многочисленные факты говорили о возможности такого развития событий.

Опасный узел противоречий и интриг завязался вокруг Берлина. Если бы взятие Берлина советскими войсками затянулось, можно было ожидать самых тяжелых последствий. В условиях сложной и запутанной обстановки необходимо было пресечь закулисные дипломатические маневры англо-американцев и немцев путем быстрейшего разгрома еще остававшихся сил вермахта и овладением столицы Германии.

Политические и военные руководители Англии и США рвались к Берлину. 1 апреля 1945 года Черчилль писал Рузвельту: "Я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять" (Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Перев. с англ. М., Изд. "Терра", 1995, с.787).

А вот что писал Эйзенхауэр 7 апреля 1945 года председателю Объединенного комитета начальников штабов: "Я признаю, что война ведется для достижения политических целей. И если Объединенный комитет начальников штабов решит, что стремление ... взять Берлин превышает чисто военные соображения, я с радостью пересмотрю мои планы, чтобы осуществить такую операцию" (История внешней политики СССР. 1945-1980. Т.2, с.254).

Взятие Советской Армией Берлина, водружение красного знамени над рейхстагом разрубило завязывающийся узел интриг мировой реакции в самом преддверии завершения войны. Это была не только великая победа советского оружия, но и победа советской дипломатии в ее борьбе за сохранение единства антигитлеровской коалиции.

Гигантская, неустанная деятельность Сталина оказывала глубокое влияние не только на борьбу с мощным врагом на полях сражений и на могучий подъем военной экономики нашей страны в годы войны. Ее плодотворное влияние в полной мере проявилось и в области внешней политики. Под его руководством советской дипломатии удалось не только в сложнейших условиях разрущить козни врагов страны социализма, создать мощную антигитлеровскую коалицию государств противоположных социальных систем, сохранить ее единство в сложных условиях войны, но и успешно отстоять коренные интересы нашей страны, обеспечить ей мощные позиции в послевоенном мире.

В конце войны, в 1945 году, Сталину в присутствии союзников по антигитлеровской коалиции сообщили, что у американцев есть бомба необычайной разрушительной силы. Сталин с присущим ему хладнокровием дал понять собеседникам, что он прекрасно осведомлен в этой области. И Трумэн, и Черчилль такого исхода не ожидали. Сталин дал задание советским ученым, прежде всего Курчатову, ускорить работу по созданию отечественного атомного оружия -- оружия защиты мира. А через три года он воочию увидел грозное детище советской промышленности и ученых. Сталин знал, что с Советским Союзом не удастся Америке обращаться как с Японией, которую в августе 1945 года бомбили США (Хиросима и Нагасаки). Внешнюю политику Сталин подчинил разгрому фашистской Германии, сплочению антигитлеровской коалиции, выработке основ послевоенного мирного устройства.

Вскрыв, пожалуй, самую глубинную сущность внешней политики Сталина во время войны, емко сказал Черчилль, выступая 8 сентября 1942 года в палате общин: "Для меня имела исключительное значение встреча со Сталиным ... Главная цель моего визита (в Москву. -- авт.) состояла в том, чтобы установить такие же отношения уверенности и открытости, которые я установил с президентом Рузвельтом. Я думаю, что, несмотря на языковой барьер, который создает многие препятствия, мне в значительной степени это удалось".

И далее: "Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить. Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре, что я, как человек, выросший в палате общин, не могу не оценить, в особенности когда я могу в известной мере сказать это и о себе. Прежде всего Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций, и в особенности для великих людей и для великих вождей. Сталин произвел на меня также впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода. Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова.

Одно совершенно очевидно -- это непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома. Сталин сказал мне, что русский народ в обычных условиях является по природе своей миролюбивым народом, но что дикие зверства, совершенные против этого народа, вызывали в нем такую ярость и возмущение, что его характер изменился" (Ф.Н.Чуев. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998, с.303-304).

В другой речи, также произнесенной в палате общин, но уже в 1959 году, когда Сталина не было в живых и память о нем вытравлялась из народного сознания, У.Черчилль признавался, что, когда он видел на конференции Сталина, "невольно становился по стойке "смирно" и держал руки по швам", что Сталин "принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет, что бы ни говорили о Сталине, таких история и народ не забывают".

Чем объяснить такое уважение к Сталину и его высокий авторитет у руководителей США и Англии? Собственно, ответ содержится в самих высказываниях Ф.Рузвельта и У.Черчилля, приводимых в настоящей книге.

Это можно подкрепить и авторитетным высказыванием нашего известного дипломата А.А.Громыко. В книге "Памятное" он справедливо отмечал: "Это, конечно, беспримерный подвиг советского народа, ставшего грудью на защиту своей страны. Уже в первый период войны американцы были поражены самоотверженностью советских людей в борьбе против фашизма, считавшегося непобедимым". Эти же чувства к советскому народу разделяли и англичане, и французы, и другие народы разных континентов, видя в советском народе и его армии единственную силу, способную сломить хребет фашистской Германии и спасти мир от гитлеровского рабства.

Надо заметить, что Сталин зарубежных деятелей не особенно баловал вниманием, берег честь и достоинство нашей страны. И уж тем более кощунственна была бы сама мысль о каком-то заигрывании с зарубежными деятелями, какого бы высокого ранга они ни были.

Уже только поэтому увидеть и услышать И.В.Сталина считалось у зарубежных деятелей крупным событием. А.А.Громыко, вспоминая конференции в Тегеране, Ялте и Потсдаме, писал: "Когда в ходе заседания говорил Сталин -- выступал он, как правило, с непродолжительными заявлениями -- все присутствующие в зале ловили каждое его слово. Он нередко говорил так, что его слова резали слух обоих лидеров западных держав, хотя сами высказывания по своей форме вовсе не были резкими, тем более грубыми -- такт соблюдался. То, что заявлял Сталин, плотно укладывалось в сознании тех, к кому он обращался.

Бросалось в глаза, что Рузвельт и Черчилль неодинаково реагируют на заявления Сталина: спокойно и с пониманием -- Рузвельт и со строгим выражением лица, а то и с выражением плохо скрываемого недовольства -- Черчилль ...".

И далее: "Когда говорил американский президент, все присутствовавшие выслушивали его очень внимательно. Они наблюдали за ходом и поворотом его мысли, за меткими суждениями, шутками. Все сознавали, что он высказывал мысли, которые имеют огромное значение в предстоящем строительстве здания мира.

Выступал или делал замечания премьер-министр Англии. Он умело и даже ловко формулировал свои мысли, умел блеснуть и шуткой. Чувствовалось, что он "на ты" не только с политикой, но и с историей, особенно новейшей ...

Тем не менее как-то само собой получалось, что все присутствующие -- и главные, и не главные участники -- фиксировали взгляды на Сталине. Даже если говорил другой участник, то почему-то большинство присутствующих все равно наблюдали за Сталиным, за выражением его лица, за взглядом, стараясь понять, как он оценивает слова и мысли своих коллег.

И вот тихо, как бы между прочим, начинал говорить Сталин. Он говорил так, как будто кроме него присутствовали еще только двое. Ни малейшей скованности, никакого желания произвести эффект, ни единой шероховатости в изложении мысли у него не было. Каждое слово у него звучало так, как будто было специально заготовлено для того, чтобы сказать его в этой аудитории и в этот момент.

Обращало на себя внимание то, что во время высказываний Сталина, даже если они не относились к высокой политике, Рузвельт часто старался дать понять свое отношение -- либо кивком головы, либо

своим открытым взглядом -- словам советского лидера" (А.А.Громыко. Памятное. Кн.1. М., 1988, с.181, 227-228).

В воспоминаниях, изданных в 1962 году, министр иностранных дел Великобритании А.Иден, пожалуй, наиболее часто из западных политиков встречавшийся со Сталиным, писал: "Сталин изначально произвел на меня впечатление своим дарованием и мое мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя и ее оценка не требовала преувеличений. Ему были присущи хорошие естественные манеры, видимо, грузинского происхождения. Я знаю, что он был безжалостен, но уважаю его ум и даже отношусь к нему с симпатией, истоки которой так и не смог до конца себе объяснить. Вероятно, это было следствием прагматизма Сталина. Быстро забывалось, что ты разговариваешь с партийным деятелем ... Я всегда встречал в нем собеседника интересного, мрачноватого и строгого, чему часто обязывали обсуждавшиеся вопросы. Я не знал человека, который бы так владел собой на совещаниях. Сталин был прекрасно осведомлен по всем его касающимся вопросам, предусмотрителен и оперативен ... За всем этим, без сомнения, стояла сила" (The Eden Memoirs. Facing the Dictators. London, 1962, p.153). Джордж Кеннан, во время войны работавший в посольстве США в Москве, писал о Сталине: "Смелый, но осторожный, легко впадающий в гнев и подозрительный, но терпеливый и настойчивый в достижении своих целей. Способный действовать с большой решительностью или выжидательно и скрытно -- в зависимости от обстоятельств, внешне скромный и простой, но ревниво относящийся к престижу и достоинству государства ... Принципиальный и беспощадно реалистичный, решительный в своих требованиях в отношении лояльности, уважения и подчинения. Остро и несентиментально изучающий людей -- Сталин мог быть, как настоящий грузинский герой, большим и хорошим другом или непримиримым, опасным врагом. Для него трудно было быть где-то посередине между тем и другим" ("Диалог". 1996, №10, с.74).

Из высказываний и оценок политиков мира четко и ясно вырисовывается портрет выдающегося государственного и политического деятеля И.В.Сталина.

В интервью на смерть Сталина в марте 1953 года Шарль де Голль отмечал, что "Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел "приручать" своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него больше, чем поражений.

Сталинская Россия -- это не прежняя Россия, погибшая вместе с монархией. Но сталинское государство без достойных Сталину преемников обречено".

И даже такой ненавистник Сталина как Чан Кайши признавал, что "Сталин был первым среди равных в союзнической коалиции.

Послевоенная внутренняя и внешняя политика сталинского государства обусловлены прежде всего стремлением Сталина укрепить державный статус России, обеспечить ее глобальные интересы ... Благодаря Сталину и помощи СССР Китай выстоял в первые годы войны с Японией (1937-1941 гг.). И благодаря Сталину китайская компартия не только избежала разгрома, но и захватила власть в континентальном Китае. Однако и капитуляция Японии была бы невозможна без побед Красной Армии во главе с генералиссимусом Сталиным. Так или иначе, но история Китая с 1930-х годов во многом связана с политикой Сталина и СССР".

Сталин был неприступен, как гранит, когда речь шла о принципиальных вопросах, затрагивающих интересы СССР и достоинство советского народа. Он жестко руководствовался интересами государственной безопасности страны при решении территориальных проблем. Именно при нем русские земли, захваченные враждебными соседями в прошлые или недавние времена -- Западная Белоруссия и Западная Украина, Бессарабия и Прибалтика -- вновь стали неотъемлемой частью России. Сталин после войны укрепил западные и восточные рубежи страны, не шел ни на какие территориальные уступки и не поддавался никаким давлениям.

Уже в наши дни один из архитекторов холодной войны и ядерной дипломатии бывший государственный секретарь США Г.Киссинджер пишет: "Как ни один из лидеров демократических стран, Сталин был готов в любую минуту заняться скрупулезным изучением соотношения сил. И

именно в силу своей убежденности, что он -- носитель исторической правды, отражением которой служит его идеология, он твердо и решительно отстаивал советские национальные интересы, не отягощая себя бременем лицемерной, как он считал, морали или личными привязанностями" (Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1997, с.287).

С ростом успехов Красной Армии на советско-германском фронте разрасталась и борьба народов в оккупированных гитлеровцами странах Европы. Во главе сил сопротивления стояли рабочие и коммунистические партии. В мае 1943 года, учитывая изменившуюся международную обстановку, добиваясь сплочения всех патриотов и борцов против фашизма, Президиум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала принял решение о роспуске Коминтерна. Это было смелое историческое решение, окончательно разоблачавшее буржуазную клевету, будто коммунистические партии действуют не самостоятельно, не в интересах своего народа, а по указке извне, из Москвы.

Отвечая по этому поводу на вопрос британского корреспондента, И.В.Сталин подчеркивал: "Роспуск Коммунистического Интернационала является травильным и своевременным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага -- гитлеризма.

Роспуск Коммунистического Интернационала правилен, так как:

а) Он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что "Москва" якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и "большевизировать" их, Этой лжи отныне кладется конец.

б) Он разоблачает клевету противников коммунизма в рабочем движении о том, что коммунистические партии различных стран действуют якобы не в интересах своего народа, а по приказу извне. Этой клевете отныне также кладется конец.

в) Он облегчает работу патриотов свободолюбивых стран по объединению прогрессивных сил своей страны, независимо от их партийности и религиозных убеждений, в единый национально-освободительный лагерь для развертывания борьбы против фашизма.

г) Он облегчает работу патриотов всех стран по объединению всех свободолюбивых народов в единый международный лагерь для борьбы против угрозы мирового господства гитлеризма, расчищая тем самым путь для организации в будущем содружества народов на основе их равноправия" ("Правда". 1943, 30 мая).

Сталин выразил уверенность, что все эти обстоятельства, взятые вместе, приведут к дальнейшему укреплению единого фронта союзников и других объединенных наций в их борьбе за победу над гитлеровской тиранией. Это было тем более важно, что роспуск Коминтерна происходил тогда, когда гитлеровцы напрягали свои последние силы и только организацией общего натиска можно было добить фашистского зверя и, таким образом, избавить народы от фашистского гнета.

Переломный 1943 год был ознаменован рядом важных внутриполитических событий, инициатором которых явился Сталин. Назовем некоторые из них.

Летом 1943 года, в разгар военных событий на советско-германском фронте, правительство по предложению Сталина приняло решение о создании нового Государственного Гимна СССР. Новый Гимн должен был заменить "Интернационал", написанный Эженом Потье на музыку Пьера Дегейтера. С 1888 года "Интернационал" был международным революционным гимном пролетариата, а после Октябрьской социалистической революции 1917 года стал Гимном СССР. "Интернационал" было решено оставить партийным гимном.

Правительственной комиссией, возглавляемой маршалом К.Е.Ворошиловым, за основу был принят вариант, написанный С.В.Михалковым и Г.Г.Эль-Регистаном.

С.В.Михалков вспоминает: "Перед маршалом на столе лежит отпечатанная в типографии книга в красной обложке. В ней собраны все варианты текста будущего Гимна СССР, представленные авторами

на конкурс. На 83-й странице закладка: наш текст с пометками Сталина.

-- Основа есть, -- продолжает Ворошилов. -- Но вот, посмотрите, замечания товарища Сталина. Вы пишете: "Свободных народов союз благородный". Товарищ Сталин делает пометку: "Ваше благородие?" Или вот здесь: "созданный волей народной". Товарищ Сталин делает пометку: "Народная воля?" Была такая организация в царское время. В Гимне все должно быть предельно ясно. Товарищ Сталин считает, что называть его в Гимне "избранником народа" не следует, а вот о Ленине надо сказать, что он был "великим".

... Нам приходилось слышать от собратьев по перу, что, дескать, не стоило в советском Гимне употреблять слово "Русь", поскольку это понятие архаическое, древнее и сегодня звучит диковато. Но нам казалось, что именно это слово и привлекло внимание Сталина. "Великая Русь" -- понятие собирательное, в нем есть и сегодняшний день. За этим понятием стоит огромная слава и история русского народа ...

После короткого обсуждения нового варианта нового четверостишия Сталин обращается к членам Политбюро:

-- Каких захватчиков? Подлых? Как вы думаете, товарищи?

-- Правильно, товарищ Сталин! Подлых! -- соглашается Берия.

-- На том и остановимся! Товарищ Щербаков, пусть этот текст отпечатают сейчас на машинке. А вы пока посидите с нами, -- обращается к нам Сталин.

Так появился куплет, в котором были строки:
Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!..

Я вспоминаю еще такой эпизод. В дни работы над текстом Гимна СССР меня разыскали на фронте и привезли к командующему генерал-лейтенанту Курочкину. Тот говорит: "Срочно звоните Ворошилову, он интересовался, где вы пропадаете".

Дозваниваясь до Ворошилова, слышу в трубке: "Товарищ Сталин просил у вас узнать, можно ли заменить знак препинания во второй строке второго куплета?". Получить согласие авторов текста на изменение одного знака препинания?.. Наступил день окончательного утверждения Гимна. В пустом зале Большого театра сидели оба автора текста. В правительственной ложе -- члены правительства и Политбюро.

Сталин (обращаясь ко всем): "Мы приняли новый Гимн страны. Это большое событие ... Александр Васильевич Александров создал в свое время музыку "Гимна партии большевиков", которая больше всего подошла для Гимна Советского Союза. (Обращается к Шостаковичу) Ваша музыка звучит очень мелодично, но что поделать. Гимн Александрова более подходит по своему торжественному звучанию. Это -- Гимн могучей страны, в нем отражена мощь государства и вера в нашу победу ... Товарищ Щербаков! Нам, видимо, надо принять постановление Совнаркома? И назначить день первого исполнения Гимна. Мы можем успеть дать команду нашему радио исполнить Гимн в новогоднюю ночь?" (Сергей Михалков. Я был советским писателем. М., 1992, с.35, 37-38, 40).

О создании Гимна оставил свои воспоминания и Г.Г.Эль-Регистан. Сообщая о личной встрече Сталина с авторами, он пишет: "Тов. Сталин дает текст. "Посмотрите, как получилось ...". Он весь в его пометках. Поставлены единица, двойка, тройка. Варьируются слова "дружба", "счастье", "слава". Слова "священный оплот" заменены на "надежный оплот". Щербаков спрашивает о "мире". Не надо. Мы воевали. Действительно -- хорошо. Везде теперь одинаково запомнят. "Нас от победы к победе ведет!" -- хвастовство. Надо, говорит, "Пусть от победы к победе!..". Заметил -- "Отчизну свою поведем". Это

хорошо. В будущее. Идем печатать. Возвращаемся. Сразу же читает. Каждого спрашивает. Примем? Сталин внес поправку в четверостишие:
Сквозь грозы сияло нам солнце свободы.
Нам Ленин в грядущее путь озарил.
Нас вырастил Сталин -- избранник народа,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Во второй строке он вычеркнул слово "грядущее". Сталин нашел, что его могут не понять в деревне. В третьей строке он счел "избранник народа" слишком напыщенным и собственноручно написал "на верность народу"".

Авторы попросили себе на память поправки, сделанные Сталиным от руки синими чернилами.

Эль-Регистан рассказывает, что на заключительном прослушивании Гимна в Большом театре присутствовали члены Политбюро ЦК партии, руководители советских учреждений, было много военных. Сталин пришел в маршальской форме. Он заметно поседел. Слущал очень внимательно, был оживлен, энергичен.

Новый государственный Гимн СССР был исполнен в новогоднюю ночь 1944 года. Позади были Сталинградская и Курская битвы, сражение за Днепр. Впереди -- предстояло окончательное снятие блокады с Ленинграда, освобождение Белоруссии, Советской Прибалтики, выход Советской Армии на государственную границу и начало полного изгнания врага за пределы СССР, разгром фашизма. Новый Государственный гимн, его призывные строки и исполненная величавости музыка звали советских людей и на фронте, и в тылу к новому подвигу во имя любимой Родины, воспитывали народ в духе осознанного патриотического долга.

4 сентября 1943 года, сообщила правительственная газета "Известия", в Кремле Сталин принял патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия вместе с митрополитами Алексием (Ленинградским) и Николаем (Крутицким и Коломенским). В беседе принимал участие В.М.Молотов. Сталин высоко отозвался о патриотической деятельности Православной церкви, поблагодарил за внесенные ею в фонд обороны 150 млн. рублей, собранных за счет пожертвований верующих. Он поинтересовался проблемами, которые стоят перед Церковью. На это митрополит Сергий ответил, что самая главная у них проблема -- это выборы патриарха. Однако для этого надо собрать Поместный собор, что в условиях войны, отсутствия транспорта осуществить в огромной стране трудно, да и понадобится месяца два.

Сталин сказал: "А нельзя проявить большевистские темпы?". И тут же отдал распоряжение привлечь авиацию для сбора всех епископов, чтобы открыть Поместный собор через три дня. 8 сентября Собор был созван. Главой православной русской Церкви -- Патриархом Московским и всея Руси -- был избран митрополит Сергий (в миру Страгородский И.Н.).

Были решены и другие вопросы, поставленные на встрече церковными иерархами. Образован при Патриархате Святейший Синод. Открыты духовные академии и семинарии. Началось издание церковной литературы. Правительство в распоряжение Патриархии и Патриарха предоставило в Москве трехэтажный особняк на Чистом переулке, который до войны занимал германский посол.

Первая краткая встреча Сталина с митрополитом Сергием состоялась уже в июле 1941 года. На завершающем этапе войны, 10 апреля 1945 года, состоялась его встреча с Патриархом Московским и всея Руси Алексием (в миру Симанский С.В.), избранным после кончины в 1944 году Патриарха Сергия.

И Сергий, и Алексий называли Сталина богоданным вождем. Этого же мнения придерживался и крупный ученый медик и богослов архиепископ Лука -- В.Ф.Войно-Ясенецкий, кстати, сидевший в тюрьме до войны. "Сталин, -- говорил он, -- сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я как православный христианин и русский патриот низко кланяюсь Сталину".

Служители культа всех религий разделили судьбу народа. Исполняя свой патриотический долг, они совершали служение Отечеству как в традиционных, так и диктуемых военным временем формах.

Все это привело к изменению взаимоотношений государства и церкви. Началась новая плодотворная полоса их сотрудничества.

Иные недобросовестные авторы пишут теперь об "уступках" церкви, об "отступничестве" Сталина от социалистических принципов и т.д. На самом деле эта мера советского правительства, Сталина была продиктована стремлением объединить весь народ, без деления на верующих и неверующих, атеистов. Это отражало морально-политическое единство народа и служило делу мобилизации всех его сил на окончательный разгром фашизма.

И до войны И.В.Сталин, будучи Генеральным секретарем ЦК партии, читал в день пять и более книг объемом в 400-500 страниц. Во время войны он не изменил этому своему правилу, хотя на него были возложены обязанности Верховного Главнокомандующего, председателя Государственного Комитета Обороны, народного комиссара обороны. Ему ежедневно приходилось знакомиться со множеством шифровок, военных, политических, хозяйственных, дипломатических и других документов, телеграмм, рапортов и писем трудящихся и воинов. И все же он находил время для систематического чтения произведений классиков отечественной и мировой литературы, романов, поэм и стихотворений советских писателей, научных трудов.

Регулярно просматривал Сталин нашу и трофейную фронтовую кинохронику, внимательно знакомился с очерками военных корреспондентов. Главный редактор органа Центрального Комитета и МК ВКП(б) газеты "Правда" П.Н.Поспелов рассказывал, что перед публикацией передовых и наиболее принципиальных военно-политических статей регулярно посылал их на просмотр И.В.Сталину и практически без задержки получал обратно читанные, а зачастую и исправленные материалы с пометкой "можно печатать". Это подтверждал и главный редактор газеты наркомата обороны "Красная звезда" Д.И.Ортенберг. В этих газетах не раз печатались статьи, написанные И.В.Сталиным, но либо под псевдонимом, либо безымянно.

И.В.Сталин проявлял чрезвычайную заботу о развитии литературы, науки и искусства. Вот несколько наиболее характерных фактов.

В 1942 году А.Е.Корнейчук написал пьесу "Фронт". В ней речь шла об отношении к ведению Отечественной войны. Заслуженному участнику гражданской войны, законсервировавшемуся на ее способах ведения боевых операций, противостоял молодой военачальник, понимающий, что старыми методами ныне воевать уже нельзя. У пьесы были реальные прототипы.

И. В, Сталин сразу же оценил достоинства пьесы и рекомендовал ее для публикации в газете "Правда". Пьеса была напечатана в четырех номерах газеты за 24-27 августа 1942 года. Она вызвала различные отзывы, в том числе и резко отрицательные. В архиве И.В.Сталина сохранилась переписка об этой пьесе. 28 августа 1942 года командующий Северо-Западным фронтом маршал С.К.Тимошенко послал И.В.Сталину телеграмму, в которой отмечал: "Опубликованная в печати пьеса тов. Корнейчука заслуживает особого внимания. Эта пьеса вредит нам целыми веками, ее нужно изъять. Автора привлечь к ответственности, виновных в связи с этим следует разобрать".

В тот же день И.В.Сталин ответил С.К.Тимошенко следующей телеграммой:

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
МАРШАЛУ ТИМОШЕНКО

Вашу телеграмму о пьесе Корнейчука "Фронт" получил. В оценке пьесы Вы не правы. Пьеса будет иметь большое воспитательное значение для Красной Армии и ее комсостава. Пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии и было бы неправильно закрывать глаза на эти недостатки. Нужно

иметь мужество признать недостатки и принять меры к их ликвидации. Это единственный путь улучшения и усовершенствования Красной Армии.

И.СТАЛИН.

1 сентября 1942 года И.В.Сталин на копии телеграммы, полученной от С.К.Тимошенко, написал: "Т-щу Корнейчуку. Посылаю Вам для сведения телеграмму т. Тимошенко и мой ответ. Стиль телеграммы т. Тимошенко сохранен полностью, привет! И. Сталин". 3 сентября А.Е.Корнейчук в ответном письме сердечно поблагодарил И.В.Сталина за внимание и поддержку.

Драматургу доработать свое произведение, сделать его более актуальным помогли рекомендации Сталина, пьеса "Фронт" с большим успехом шла в те годы во многих театрах страны. Сталин предложил по пьесе снять кинофильм. Одноименная кинокартина была поставлена Сергеем Дмитриевичем Васильевым и Георгием Николаевичем Васильевым, снявшими в 1934 году фильм "Чапаев". Кинокартина демонстрировалась в кинотеатрах и клубах, повсюду шли жаркие обсуждения, что во многом способствовало правильному пониманию сущности характера Великой Отечественной войны, ведению ее современными приемами.

Вспоминая то время, академик Г.Л.Смирнов пишет: "Потом фронтовой театр показал спектакль по пьесе Корнейчука "Фронт". Со сцены повеяло критическим духом, призывом к пересмотру устаревшей стратегии и тактики. Из нынешнего далека некоторые литераторы и критики свысока и иронически бросают шпильки в адрес автора: не тех критикуете и не за то. Вот если бы Сталина взять под обстрел ... Хотел бы я видеть такого смельчака. Однако в пьесе разворачиваются масштабные события армейского и фронтового порядка, через них были показаны больные проблемы. Зал, где сидело немало военных, сочувственно реагировал на происходящее на сцене" (Г.Л.Смирнов. Уроки минувшего. М., 1997, с.53).

В том же году режиссеры Васильевы экранизировали повесть А.Н.Толстого "Хлеб". Был создан двухсерийный фильм "Оборона Царицына". Первая серия вышла на экраны кинотеатров. Вторая серия была по настоянию Сталина снята с демонстрации. Главным образом из-за того, что в кинокартине идеализировались опыт и традиции гражданской войны, что в тот период было неуместным.

В 1942 году Сталин внимательно прочитал другую пьесу А.Н.Толстого -- "Иван Грозный". Он ее одобрил и распорядился издать массовым тиражом. Сталин считал, что Иван Грозный был жесток, но эта жестокость оправдывалась великой целью --создать мощное и единое российское государство.

По рекомендации Сталина С.М.Эйзенштейну было поручено написать сценарий об Иване Грозном. Ознакомившись в 1943 году со сценарием, Сталин отметил: "Сценарий получился неплохой. Тов. Эйзенштейн справился с задачей. Иван Грозный, как прогрессивная сила своего времени, и опричнина, как его целесообразный инструмент, вышли неплохо".

Осенью 1943 года Сталин ознакомился со сценарием А.П.Довженко "Украина в огне". По свидетельству писателя, его повесть Сталину не понравилась, и он запретил ее для печати и для постановки (А.Довженко. Из дневника. "Огонек". 1987, №43, с.5).

В 1941-1945 годах многие произведения литературы и искусства получили Сталинские премии. Вместе с тем ряд повестей и стихотворений был подвергнут резкой критике за низкий литературно-художественный уровень и крупные идейные провалы и недостатки.

В обсуждении произведений, выдвинутых на соискание премий, участвовали члены Политбюро ЦК партии, Президент Академии наук СССР, руководители Союза писателей, Союза композиторов, отдельные наркомы. По свидетельству участников заседаний, Сталин приходил наиболее подготовленный по сравнению с остальными. Он практически знал все имеющие сколько-нибудь существенное значение социально-политические работы, произведения художественной литературы, музыкальные сочинения. Многое он прочитывал на стадии "сигнальных" экземпляров или в "толстых" литературно-художественных, научных, политических и гуманитарных журналах. Зачастую лично

предлагал тому или иному произведению присудить премию, чем повергал в растерянность и членов Политбюро, и руководителей ведомств искусств и кинематографии, ничего не знавших об этих творениях. Вместе с тем отвергал, а иногда и высмеивал попытки "протащить" на Сталинскую премию художественно беспомощные или политически незрелые работы.

Сталин бывал в Художественном и Малом театрах, в Большом театре. Однажды в беседе с дирижером Большого театра А.М.Пазовским И.В.Сталин поинтересовался, когда же состоится премьера оперы М.И.Глинки "Иван Сусанин". Получив неопределенный ответ, заметил:

-- Да, если бы и мы на фронте с такой же скоростью продвигались вперед, с какой вы переучиваете "Сусанина", то, пожалуй, далеко еще не добрались бы до Днепра ("Независимая газета". 1991, 12 февраля).

Когда в конце войны в Новосибирске был отстроен Театр оперы и балета, Сталин рекомендовал открыть оперный сезон патриотической оперой "Иван Сусанин".

И.В.Сталин любил народную и классическую музыку. Слушал исполнение произведений классической музыки выдающимися артистами: пианистом Эмилем Гилельсом, певцами Верой Давыдовой, Иваном Козловским, Александром Пироговым и многими другими. И.В.Сталин часто посещал театры, особенно Большой театр, МХАТ, Малый театр. Он любил устраивать концерты в Кремле, особенно с участием вокалистов.

А.А.Громыко вспоминает: "Когда во время выступления Козловского некоторые члены Политбюро стали громко выражать пожелание, чтобы он спел задорную народную песню, Сталин спокойно, но во всеуслышание сказал:

-- Зачем нажимать на товарища Козловского, пусть он исполнит то, что сам желает. А желает он исполнить арию Ленского из оперы Чайковского "Евгений Онегин".

Все дружно засмеялись, в том числе и Козловский. Он сразу же спел арию Ленского. Сталинский юмор все воспринимали с удовольствием" (А.А.Громыко. Памятное. Кн.1. М., 1988, с.204).

Иван Семенович Козловский рассказывал одному из авторов, что беседы с Иосифом Виссарионовичем Сталиным помогли ему, в частности, глубже понять образ Юродивого в опере Мусоргского "Борис Годунов" как выразителя дум и устремлений народа в тяжелую годину испытаний.

Сталин любил слушать оперу "Иван Сусанин" с участием Михайлова. Однако тот, будучи в прошлом протодьяконом, не осмеливался петь в полный голос. Узнав об этом, Сталин, положив руку на плечо артиста, попросил:

-- Максим Дормидонтович, вы не стесняйтесь, пойте в полную силу. Я тоже учился в духовной семинарии. И если бы не избрал путь революционера, кто знает, кем бы я стал. Возможно, священнослужителем.

С тех пор Михайлов полностью раскрыл свой талант. Сталин считал, что в роли Сусанина он -- истинный костромской крестьянин.

Сталин всегда был внимателен к артистам, старался в чем-то помочь им. Однажды, заметив, что заслуженная артистка А.А.Бышевская до предела истощена, а поэтому из последних сил пропела арию Ярославны, Сталин попросил ее подойти и участливо сказал:

-- Александра Андреевна, вы очень исхудали. А по истории княгиня Ярославна должна быть солидней ...

Услышав, что она не только голодает, но н не имеет своего угла, Сталин успокоил:

-- Квартиру отремонтируем, питание восполним.

Вскоре всем артистам был увеличен паек и прибавлена зарплата.

Во время Потсдамской конференции Сталин дал прощальный концерт для Черчилля, Волновавшихся артистов успокаивал: вас слушают простые любители. Он попросил, чтобы наряду с произведениями Чайковского, Моцарта, Баха были исполнены русские народные и советские песни.

Был Сталин знаком и с новыми музыкальными творениями.

Услышав Седьмую симфонию Д.Д.Шостаковича в феврале 1942 года в Куйбышеве, А.Н.Толстой писал в газете "Правда": "Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами. Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого мирового искусства, понятного на всех широтах и меридианах, потому что она рассказывает правду о человеке в небывалую годину его бедствий и испытаний. Симфония прозрачна в своей огромной сложности, она и сурова, и по-мужски лирична, и вся летит в будущее, раскрывающееся за рубежом победы человека над зверьем ...

Гитлеру не удалось взять Ленинград и Москву ... Красная Армия создала грозную симфонию мировой победы. Шостакович прильнул ухом к сердцу Родины и сыграл песнь торжества" ("Правда". 1942, 16 февраля).

За создание Седьмой симфонии Д.Д.Шостакович был удостоен Сталинской премии.

В день рождения М.А.Шолохова, 24 мая 1942 года, И.В.Сталин пригласил писателя к себе на ужин. Беседуя с ним, сказал: "Идет война. Тяжелая. Тяжелейшая. Кто о ней после победы ярко напишет? Достойно, как в "Тихом Доне" ... Храбрые люди изображены -- и Мелихов, и Подтелков, и еще многие красные и белые. А таких, как Суворов и Кутузов, нет. Войны же, товарищ писатель, выигрываются именно такими великими полководцами. В день ваших именин мне хотелось пожелать вам крепкого здоровья на многие годы и нового талантливого всеохватывающего романа, в котором бы правдиво и ярко, как в "Тихом Доне", были изображены и герои-солдаты, и гениальные полководцы, участники нынешней страшной войны..." ("Смена". 1995, №2, с.122).

В 1943-1944 годах М.А.Шолоховым были написаны отдельные главы нового романа "Они сражались за Родину". По указанию Сталина некоторые главы романа были опубликованы в газете "Правда", выходившей массовым тиражом.

Большое внимание Сталин уделял привлечению ученых к совершенствованию и разработке новых видов боевой техники, развитию производства.

Крупнейшие деятели науки были включены в научно-технические советы ведущих наркоматов. Так, в наркомат черной металлургии вошли И.П.Бардин, Н.Т.Гудцов, в наркомат электростанций -- А.В.Винтер, Б.Е.Веденеев, в наркомат путей сообщения -- В.Н.Образцов, в наркомат электропромышленности -- А.И.Берг, в Госплан -- А.А.Байков и др. В начале войны Государственный Комитет Обороны, заслушав сообщение выдающегося ученого и исследователя вице-президента Академии наук СССР О.Ю.Шмидта, одобрил план работы по военной тематике научных учреждений Академии наук СССР. В переломном 1943 году были учреждены Академия педагогических наук РСФСР, Академии наук Армянской ССР и Узбекской ССР. В 1944 году была образована Академия медицинских наук СССР. Это было признанием огромного вклада деятелей медицинской науки в создание эффективных методов лечения раненых, в разработку проблем хирургии, терапии, эпидемиологии, санитарной гигиены и др. В 1945 году была организована Академия наук Азербайджанской ССР.

По проблемам создания в стране радиолокационной промышленности И.В.Сталин принял известного радиотехника А.И.Берга. Впоследствии ученый вспоминал: "Мой доклад один на один длился более трех часов. Сталин ходил по кабинету, курил трубку ... Потом, попыхивая трубкой, подытожил: "А по-

моему, товарищ Берг прав!" Так за день до начала Курской битвы был создан Совет по радиолокации при Государственном Комитете Обороны. О новых сортах пшеницы И.В.Сталин подолгу беседовал с академиком Н.В.Цициным. И.В.Сталин дал указание об ускорении работы ведущих ученых-атомщиков под руководством академика (с 1943 г.) И.В.Курчатова по созданию у нас атомной бомбы. А до этого, еще в 1942 году, И.В.Сталин пригласил группу ученых и беседовал с ними о возможности освоения космоса.

В годы войны необходима была четкая, слаженная работа всей экономики -- промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи, снабжения и т.д., всего государственного организма, печати, пропаганды и др. Все это должно было быть связано воедино, направляться и контролироваться из единого центра, ориентироваться и нацеливаться одной твердой и сильной рукой, и таким единым центром и такой твердой рукой был И.В.Сталин. Он не только обладал всей полнотой власти, он умело ею распоряжался, талантливо руководил как фронтом, так и тылом, мобилизовывал все силы страны, вдохновлял многомиллионный народ на разгром немецко-фашистского агрессора.

Уже в речи на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года перед красноармейцами, идущими на фронт, Сталин провозгласил: "Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков -- Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!" (И.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950, с.71-72). Во время войны были введены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Ушакова, Нахимова. Ими награждали особо отличившихся в защите Отечества. Введение этих высоких наград еще больше поднимало патриотический настрой войск, звало их на разгром врага, напоминало о том, что наш народ всегда давал достойный отпор зарвавшимся иностранным агрессорам, до последней капли крови защищал свою Родину.

И что особенно ценно, этими важными государственными актами подчеркивалось единство нашей тысячелетней истории, что построенное новое общество не только не порывает, а, напротив, вбирает в себя все то лучшее, что было в прошлой истории страны, ее достижениях и ее культуре, чтит и приумножает подвиг народных героев. Этим еще раз демонстрировалась прочность советского социалистического строя, выражалась уверенность в том, что фашистские захватчики будут полностью разгромлены.

Русских и белорусов, украинцев и казахов, грузин и узбеков, евреев и татар, словом, все народы, нации и народности Советского Союза объединяла общая непримиримая ненависть к гитлеровскому фашизму. Такой ненависти всего народа не было ни во Франции, ни в Польше, ни во многих других странах Европы, подвергшихся фашистской агрессии. Там, хотя речь и шла о национальном поражении, социально-политическое устройство не претерпело изменений. Другое дело Советский Союз. Для его народов гитлеровская агрессия несла не просто потерю национальной государственности, а ликвидацию социалистического общественно-политического строя, не просто германизацию населения, а физическое истребление его большей части. Вот такие "сосиски и пиво" были уготованы нам в случае поражения. Вот почему советские люди поднялись на самоотверженную борьбу против гитлеровского фашизма. Народ и политическое руководство страны стали единой силой, противостоящей фашистской Германии. Олицетворением этого единства, выражением этой единой воли стал Сталин. Его анализ, его призывы, выраженные простым и доступным языком, доходили до самых широких масс, вселяли в них уверенность в победе над фашизмом. Выступая на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1943 года, Сталин подчеркнул, что русский народ является руководящей силой всех народов страны потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. На эту роль русский народ объективно выдвинула и определила как многовековая история, так и особое географическое положение. А что касается терпения, то оно проявляется в зависимости от оценки народом конкретной ситуации, почему народ далеко не всегда одинаково терпелив. Народ терпелив, если им правильно руководят, если он доверяет правительству. В этом случае не бывает и безвыходных положений.

Правильная политика партии и государства была той жизненной основой, которая крепила единство фронта и тыла, которая позволяла Красной Армии одерживать победы над ненавистным врагом.

Широкие народные массы воспринимали эту политику как свое кровное дело, они понимали, что решат все задачи по разгрому агрессора, как бы это трудно ни было, обеспечат фронт всем необходимым. Наши люди проявили столько самопожертвования и героизма. Но для того чтобы решать стоящие задачи, нужно было вести огромную идейную работу в массах, Настроения упадничества, паникерства, бездуховности, аполитичности и безыдейности, как никогда, были опасны для судеб нашей страны.

Великая Отечественная война показала всему миру, как народы нашей страны могут отстаивать свою Родину. Надо согласиться с академиком Ю.С.Кукушкиным, который в статье "22 июня и 9 мая в жизни Отечества", пишет: "Всему миру известно, что Советский Союз выиграл войну прежде всего потому, что его народы сплотились в битве с коричневой чумой XX века. Свои планы блицкрига гитлеровцы строили, исходя из расчета, что во время войны в Советском Союзе начнутся междоусобицы на национальной основе. Но они жестоко просчитались. Однако их замыслы враги нашей страны сумели реализовать спустя полстолетия после окончания Великой Отечественной. Это им удалось сделать прежде всего путем разрушения Советского Союза" (Живая память. Ветераны войны и труда: верность Отечеству. 1945-1997. М., 1997, с.689).

За последние годы в связи с "демократическими" преобразованиями в стране меняется отношение к тем факторам, которые стали залогом Победы в Великой Отечественной войне, которые привели к тому, что, несмотря на четыре труднейших, требовавших неимоверных сил народа года Великой Отечественной войны наша страна создала могущественный фронт освободительной борьбы против гитлеровского фашизма, еще больше возвеличила в глазах народов всего мира роль и значение Советского Союза. Но как бы ни изменились ныне социально-экономические и политико-идеологические условия, нельзя не признать, что победу СССР над фашистской Германией обеспечили социалистическая экономика, советский общественный строй, дружба народов, единство фронта и тыла, единство правительства и народа, руководящая роль Коммунистической партии, тот факт, что во главе партийного, государственного и военного руководства стоял И.В.Сталин. Все выступления и обращения, доклады и речи, ответы на вопросы корреспондентов, приказы, телеграммы и другие материалы И.В.Сталина в 1941-1945 годах составили книгу "О Великой Отечественной войне Советского Союза". Эти документы раскрывают опыт деятельности Коммунистической партии и Советского государства, Государственного Комитета Обороны по руководству борьбой народов СССР против фашистской Германии, содержат оценку всего хода Великой Отечественной войны, ее важнейших стратегических военных операций. В материалах книги освещены крупные вопросы военной науки, стратегии и тактики, экономические и морально-политические факторы победы, характер и сущность освободительной борьбы народов СССР. против гитлеровского фашизма, разоблачена его чудовищная человеконенавистническая идеология.

Книга -- ценнейшее свидетельство современника и руководителя борьбы советского народа за честь и независимость советской социалистической Родины. На основе всестороннего анализа фактов и событий в книге развернута действительная картина Великой Отечественной войны Советского Союза, дана четкая характеристика одного из этапных периодов в жизни не только нашей страны, но и всей мировой истории. Эти документы позволяют полнее и глубже оценить основы проблем всей партийной, государственной и военной деятельности в 1941-1945 годах. В книге И.В.Сталина "О Великой Отечественной войне Советского Союза" выражена твердая уверенность, что, какие бы трудные испытания не выпадали на долю наших народов, наш героический и трудолюбивый народ способен выходить победителем из любых суровых испытаний.

СТАЛИН В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ

Без преувеличения можно утверждать, что Сталин в годы Великой Отечественной войны являлся главным руководящим деятелем страны, в его руках были сосредоточены все основные рычаги партийного и государственного управления. Все важнейшие вопросы войны, внутренней и внешней политики решались под его руководством. Результаты его деятельности имели судьбоносное значение для социалистического государства, народа, армии.

Уже в первые тяжелейшие дни войны Сталин без колебания принял на себя неизмеримую ответственность за судьбы армии, страны, за судьбы миллионов советских людей. В обращении к советскому народу он выдвинул и с железной последовательностью стал проводить программу спасения страны и завоевания победы. В критических условиях Сталину удалось сдержать панику и отчаяние в начальный период войны и в кратчайший срок перевести на военные рельсы вею жизнь огромной страны и ее Вооруженных Сил.

С именем Сталина связано решение грандиозных проблем той эпохи, энтузиазм и героизм миллионов советских людей. В годы тяжелых испытаний народ признал в нем вождя, способного спасти страну. И Сталин проявил огромную волю, твердость, невиданную энергию, решительность в руководстве армией и государством, в достижении победы над врагом.

Как на Верховном Главнокомандующем на Сталине лежал огромный груз непосредственного участия в планировании, подготовке, руководстве каждой крупной операции на театре войны, тяжелая, главная ответственность за их успех или провал, за судьбы миллионов людей, участвовавших в этих операциях. И персональная ответственность за выполнение главной задачи -- сумеет ли он, полководец и вождь, провести страну через все тягчайшие испытания войны и проложить путь к конечной победе.

Это требовало от него работы на предельном напряжении всех умственных, моральных и физических сил. Работа проходила (особенно в первый период войны) в крайне напряженной, нервной, стремительно менявшейся обстановке, изобиловавшей острейшими кризисными ситуациями. Это была самоотверженная работа, работа на износ.

Даже такой яростный недоброжелатель Сталина, как Волкогонов, отмечает: "Верховный по несколько дней не покидал кабинет, забываясь тревожным сном в комнате отдыха, предварительно поручая Поскребышеву: разбудишь через два часа ... Когда однажды Поскребышев, пожалев смертельно уставшего человека, разбудил его на полчаса позже указанного срока, Сталин, взглянув на часы, негромко выругал помощника ... Сталин, возвращаясь под утро к себе на дачу, полузакрыв глаза, перебирал в памяти множество операций, "пропущенных" через его мозг, нервы, волю. Время быстротечно, но почти с каждой минутой у него связаны какие-то воспоминания, ушедшая в прошлое тревога, теплое чувство от очередной удачи ... Его сверлила мысль: в рамках пятидесяти оборонительных и наступательных операций (и только ли их?!) находится огромное полотно войны с ее сражениями, боями, поражениями и победами. И все это "прошло" через голову и сердце, сразу сильно состарив немолодого уже Верховного" (Триумф и трагедия. Кн.2, с.313, 303, 304).

Сталин был великим тружеником, не щадившим себя в работе во имя достижения великой цели -- Победы. Надо же понять, какую неимоверную тяжесть вынес на своих плечах этот человек, сколь много отдал сил и сделал для Родины.

Известный русский политический деятель А.Ф.Керенский, бывший в 1917 году премьер-министром и верховным главнокомандующим, в одном из интервью сказал: "Сталин поднял Россию из пепла. Сделал великой державой. Разгромил Гитлера. Спас Россию и человечество".

Питер Устинов в книге "Моя Россия" имел основания заявить: "Вероятно, никакой другой человек, кроме Сталина, не смог бы сделать то же самое в войне, с такой степенью беспощадности, гибкости или целеустремленности, какой требовало успешное ведение войны в таких нечеловеческих масштабах" (Ustinov P. My Russia. Boston-Toronto, 1983, p.146).

Установленная Сталиным во время войны жесткая централизация политической и военной власти, строгая требовательность и ответственность во всех звеньях военного и гражданского аппарата, целеустремленная и напряженная работа страны для спасения от фашистского нашествия сыграли выдающуюся роль в достижении победы. В Великой Отечественной войне воплотился бесценный опыт общенационального сплочения народа на отпор немецко-фашистской агрессии. Бывший диссидент, философ, социолог и писатель А.Зиновьев имеет основания утверждать: "И Великую Отечественную войну мы могли выиграть только благодаря коммунистической системе. Я ведь войну с первого дня видел, всю ее прошел, я знаю, что и как было. Если бы не Сталин, не сталинское руководство, разгромили бы нас уже в 1941 году" ("Советская Россия". 1997, 16 сентября).

А вот свидетельство человека совершенно иного социального слоя, современника Сталина, свидетеля тех страшных дней начала войны, великого ученого В.И.Вернадского. В дневнике в ноябре-декабре 1941 он писал: "Мне вспомнились высказывания Ивана Петровича Павлова ... Он определенно считал, что самые редкие и самые сложные структуры мозга -- государственных деятелей, Божьей милостью, если так можно выразиться, прирожденных. Особенно ясно для меня становится это, когда в радио слышится Сталина речь ... такая власть над людьми и такое впечатление на людей ..." (См. А.Шабалов. Одиннадцатый удар товарища Сталина. Ростов-на-Дону, 1996, с.10).

Поучительна историческая параллель -- демократическая Франция вместе с английскими, бельгийскими и другими войсками в кратчайший срок летом 1940 года потерпела сокрушительное поражение. Но и фашисты, со своими самыми свирепыми мерами подавления, привели третий рейх к сокрушительному разгрому.

Представляет определенный интерес оценка деятельности Сталина в ходе войны и гитлеровцами. Так, после разгрома немцев под Сталинградом, по свидетельству В.Шелленберга, шеф гестапо Мюллер заявил ему: "Подумайте только, что пришлось перенести его системе (системе Сталина.-- авт.) в течение последних двух лет, а каким авторитетом он пользуется в глазах народа. Сталин представляется мне сейчас в совершенно ином свете. Он стоит невообразимо выше всех лидеров западных держав ..." (Цит. по книге: Ю.Мухин. Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М., 1993, с.201).

О человеке, а тем более об исторической личности, судят по делам его, по конечным результатам его деятельности. Честный ответ на этот вопрос в отношении Сталина может быть только однозначным. Мало в истории примеров столь великих свершений, которые были бы сопоставимы с победоносным окончанием Великой Отечественной войны, которые оказали бы столь глубокое влияние на исторические судьбы человечества.

Великая Отечественная война была не только самой тяжелой в истории нашего Отечества. Но и победа, завоеванная в ней советским народом, превосходит по всемирно-историческому значению результаты каждой из прежних войн, которые пришлось вести нашей Родине. Во второй мировой войне, и в главной ее составной части -- в Великой Отечественной войне, решались судьбы человечества. Фашистские планы установления мирового господства и утверждения "нового порядка", несущего гибель и порабощение сотням миллионов людей, были сокрушены, человечество спасено от страшной угрозы, нависшей над его существованием. На планете восторжествовал долгожданный мир. Идеологии фашизма нанесено сокрушительное поражение. Начался обвальный процесс крушения колониального рабства в Африке, Азии, Америке. Главная заслуга в достижении этих великих свершений принадлежала Советскому Союзу и его победоносной армии. Именно они не дали фашизму распространиться по всему миру, Борьба их была теснейшим образом связана с антифашистской освободительной борьбой народов Европы, Азии, Африки. В результате победы прогрессивных сил образовалась могучая мировая система социализма.

"Если в мировой истории, -- писал М.Шолохов, -- не было войны столь кровопролитной и разрущительной, как война 1941-1945 годов, то никогда никакая армия в мире, кроме родной Красной Армии, не одерживала побед более блистательных, и ни одна армия, кроме нашей армии-победительницы, не вставала перед изумленным взором человечества в таком сиянии славы, могущества и величия" (М.Шолохов. Собр. соч. Т.8. М., 1959, с.165).

Как же оценивали деятельность И.В.Сталина его ближайшие соратники и сподвижники в годы Великой Отечественной войны?

Большую ценность в решении этого вопроса имеют записи К.Симонова его бесед с прославленными полководцами в послевоенные годы, после кампании, развернутой Хрущевым, и когда время отсеяло то наносное, что сопутствует эмоциональным всплескам и субъективным оценкам текущих событий.

Симонов пишет: "Для Жукова Сталин во время войны -- это человек, принявший на свои плечи самую трудную должность в воюющем государстве". Говоря о деятельности Сталина как Верховного Главнокомандующего Жуков отметил: "В стратегических вопросах Сталин разбирался с самого начала войны. Стратегия была близка к его привычной сфере политики, и чем в более прямое воздействие с политическими вопросами вступали вопросы стратегии, тем увереннее он чувствовал себя в них ... его ум и талант позволили ему в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, он проявил себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой и лучше своих подчиненных. При этом в ряде случаев он находил и подсказывал интересные оперативные решения".

К.Симонов подчеркивал, что "взгляд Жукова на Сталина, сложившийся в ходе войны, представляет особую ценность, потому что этот взгляд опирается на огромный четырехлетний опыт совместной работы" (К.Симонов. Глазами человека моего поколения. М., 1988, с.358, 372).

А вот что говорил о деятельности Сталина как Верховного Главнокомандующего А.М.Василевский: "О Сталине как о военном руководителе в годы войны необходимо написать правду. Он не был военным человеком, но он обладал гениальным умом. Он умел глубоко проникать в сущность дела и подсказывать военные решения" (К.Симонов. Там же, с.451).

Приведем еще высказывание маршала И.С.Конева: "Очень интересна была реакция Сталина на наше предложение присвоить ему звание генералиссимуса. Это было уже после войны. На заседании Политбюро, где обсуждался этот вопрос, присутствовали Жуков, Василевский, я и Рокоссовский (если не ошибаюсь). Сталин сначала отказывался, но мы настойчиво выдвигали это предложение. Я дважды говорил об этом. И должен сказать, что в тот момент искренне считал это необходимым и заслуженным. Мотивировали мы тем, что по статусу русской армии полководцу, одержавшему большие победы, победоносно окончившему кампанию, присваивается такое звание" (К.Симонов. Там же, с.405).

Подобная позиция советских маршалов и генералов явно не устраивала Хрущева и волновала его долгие годы. Она разрушала пирамиду лжи, которую он воздвиг в докладе о "культе личности". Уже будучи снятым со всех постов, он писал в своих мемуарах: "Удивляюсь некоторым крупным военачальникам, которые в своих воспоминаниях хотят обелить Сталина и представить его отцом народа, доказать, что если бы не он, то мы не выиграли бы войну и подпали под пяту фашистов. Это глупые рассуждения, рабские понятия. Что же теперь, когда нет Сталина, мы подпадаем под немецкое, английское или американское влияние? Нет, никогда!" ("Вопросы истории". 1992, №6-7, с.87). История и здесь посмеялась над пророчествами Хрущева. Процесс разрушения партии и государства, начатый под личиной "борьбы с культом", привел страну к страшной катастрофе.

Яростные обвинения в "глупых суждениях" и "рабских понятиях" Хрущев обрушил на прославленных полководцев Великой Отечественной войны. Но что он мог бы сказать о суждениях другого, стороннего человека, далеко не доброжелательно настроенного к Сталину -- о суждении премьер-министра Великобритании У.Черчилля? Передавая свое впечатление на реакцию Сталина при рассмотрении им плана операции "Торч" по высадке союзников в Северной Африке в 1942 году, Черчилль отметил следующую особенность стратегического мышления Сталина:

"Я затем точно разъяснил операцию "Торч". Когда я закончил свой рассказ, Сталин проявил живейший интерес ... Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества "Торч". Он перечислил 4 основных довода в пользу "Торч". Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар.

Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно" (У.Черчилль. Вторая мировая война. Т.4. М., 1955, с.477-478).

Сейчас изданы так называемые "Застольные разговоры Гитлера" -- стенографические записи его высказываний в тесном кругу приближенных. Вот запись за 22 июля 1942 года (вечер): "После ужина шеф в беседе исходил из того положения, что Советы представляли бы для нас страшную опасность, если бы им удалось с помощью выдвинутого КПГ (Коммунистической партии Германии. -- авт.) лозунга "Не бывать больше войне!" убить в немецком народе солдатский дух ...

И чем больше мы узнаем о том, что происходит в России при Советах, тем больше радуемся тому, что вовремя нанесли решающий удар. Ведь за ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество промышленных центров, которые постепенно становились бы все более неприступными, и даже представить себе невозможно, каким вооружением обладали бы Советы, а Европа в то же самое время окончательно бы деградировала ...

И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной Армии -- наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души.

И к Сталину, безусловно, тоже нужно относиться с должным уважением. В своем роде он просто гениальный тип ... А его планы развития экономики настолько масштабны, что превзойти их могут лишь четырехлетние (немецкие.-- авт.) планы". (Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1993, с.450-451).

Выдающийся полководческий талант, глубокие всесторонние знания, огромная сила воли, неиссякаемая работоспособность, настойчивость и энергия в борьбе за достижение поставленных целей Сталина как Верховного Главнокомандующего были важнейшими слагаемыми нашей Победы в Великой Отечественной войне.

История свидетельствует, что не было полководцев, которые в своей деятельности не допускали бы ошибок и просчетов. Были они и у Сталина. Но в целом его деятельность как Верховного Главнокомандующего характеризовалась глубоким творческим анализом складывающейся обстановки, умением принимать нестандартные решения, оригинальностью стратегического замысла и величайшей настойчивостью в осуществлении задуманных военных операций. Эти качества ярко проявились при принятии важнейших решений по ведению войны, планированию операций, в анализе состояния и возможностей своих войск, замыслов и сил противника, в создании группировок войск и резервов, в выборе направлений главных ударов, гибком и быстром реагировании на изменения обстановки, в тщательной и всесторонней подготовке операций в морально-политическом, оперативном, тыловом и техническом отношениях, в умелом подборе и своевременном перемещении кадров.

В ходе войны Сталин многократно проявлял способность блестяще разрешать сложнейшие проблемы, когда сплетались в один узел военно-политические, стратегические, дипломатические и психологические факторы. Следует согласиться с Черчиллем, который сказал: "Большое счастье для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавлял гений и непоколебимый полководец И.В.Сталин".

Корделл Хэлл, государственный секретарь США в годы войны, отмечал: "Сталин -- удивительная личность. Он наделен необыкновенными способностями и разумом, а также умением схватывать суть практических вопросов. Он один из тех лидеров, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, на плечи которых ложится такая ответственность, какой не будет знать ни один человек в ближайшие 500 лет".

Известный английский общественный деятель, ученый и писатель Чарльз Сноу опубликовал в 1967 году девять портретов-эссе о самых великих личностях XX века. Свою портретную галерею он завершил эссе о И.В.Сталине. Отдавая должное его историческому величию, Ч.Сноу поставил И.В.Сталина выше своего единоплеменника У.Черчилля.

Видный французский ученый, писатель и общественный деятель Роже Гароди имел все основания недавно заявить: "... когда Сталин говорил в 1931 году: "Если мы не будем производить 10 миллионов тонн стали в год, то меньше чем за 10 лет нас раздавят", он был прав. Десять лет, то есть 1941 год. Если бы он тогда не совершил то невероятное усилие, которое, действительно, с человеческой точки зрения, стоило очень дорого, мы бы сейчас жили в эпоху Освенцима ... В определенных исторических условиях сначала нужно делать то, что необходимо, даже если это будет стоить больших человеческих усилий. Я считаю, что с человеческой точки зрения сталинизм стоил нам очень дорого, но надо также сказать и о том, что если Европа свободна сегодня, так это благодаря Сталинграду" ("Завтра". 1998, №8).

Более полувека тому назад Илья Эренбург писал: "Сталин не был одним из тех далеких полководцев, которых знавала история. Сталин приободрял каждого, понимал горе беженцев, скрип их телег, слезы матери, гнев народа. Сталин, когда нужно было, стыдил растерявшегося, жал руку смелым, он жил не только в Ставке, он жил в сердце каждого солдата. Мы видим его рабочим человеком, трудящимся с утра до ночи, не отказывающимся ни от какого тяжкого дела, первым мастером советской земли ... Сталину шлют подарки. Француженка, у которой фашисты расстреляли дочку, послала Сталину единственное, что у нее осталось от ребенка, -- шапочку. Такого подарка никто не получит, и нет весов, на которых можно взвесить такую любовь ..." ("Вопросы истории". 1998, №6, с.21).

Можно без конца цитировать государственных и военных деятелей, ученых и писателей. Суть будет одна, если они честные и ответственные перед историей лица, -- Сталин творил историю во имя блага народов, человечества.

Примечательно высказывание В.Солоухина об отношении народа к Сталину. В своем произведении "Чаша", опубликованном уже после его смерти, он писал, что народ "... любил его самозабвенно. Разве не рыдали в дни его похорон миллионы россиян, начиная с домохозяек, кончая маршалами Рокоссовским и Жуковым (а ведь Рокоссовский успел уже "посидеть", прежде чем его позвали командовать). Разве сотни стихов и песен о Сталине не говорят об искренней любви к этому неоднозначному человеку? Почему нет ни одного стихотворения о Хрущеве, о Брежневе? Одни анекдоты!" ("Завтра". 1997, №15).

Победоносное завершение Великой Отечественной войны во всем величии раскрыло исторический подвиг советского народа как в годы войны, так и в предвоенные годы, доказало правильность пути, по которому шло наше государство. Это стало очевидным даже для многих представителей белой эмиграции. Началось движение за ее возвращение на Родину. В ряду самых первых "возвращенцев" был А.Н.Вертинский. В одной из своих песен 1945 года он так оценивал значение И.В.Сталина в Великой Отечественной войне:
Чуть седой, как серебряный тополь.
Он стоит, принимая парад,
Сколько стоил ему Севастополь,
Сколько стоил ему Сталинград!

И в слепые морозные ночи,
Когда фронт заметала пурга,
Эти ясные, яркие очи
До конца разглядели врага.

Эти черные, тяжкие годы
Вся надежда была на него.
Из какой сверхмогучей породы
Создавала природа его?

Побеждая в военной науке,
Вражьей кровью окрасив снега,
Он в народа могучие руки
Обнаглевшего принял врага.

И когда подходили вандалы
К нашей древней столице отцов,
Где нашел он таких генералов
И таких легендарных бойцов?

Он взрастил их. Над их воспитаньем
Много думал он ночи и дни.
О, к каким грозовым испытаньям
Подготовлены были они!

И в боях за Отчизну суровых
Шли бесстрашно на смерть за него,
За его справедливое слово,
За великую правду его.

Как высоко вознес он державу,
Вождь советских народов-друзей,
И какую всемирную славу
Создал он для Отчизны своей!

... Тот же взгляд. Те же речи простые.
Так же скупы и мудры слова ...
Над военною картой России
Поседела его голова.

В.Солоухин, комментируя отрывок из этой песни, писал так: "Я позвал своего приятеля, дача которого в пяти минутах ходьбы, фронтовика и даже участника Сталинградской битвы. Хотелось поделиться такой находкой. Особенно "злободневно" теперь, в 90-е годы, при полном развале государства звучали слова:
Как высоко вознес он державу,
Вождь советских народов-друзей,
И какую всемирную славу
Создал он для Отчизны своей!

Все ниже клонилась голова моего "сталинградца", под конец даже не слезинка ли сверкнула в уголке глаза. Он тихо с горечью сказал: "Все мы растеряли, все ...". Возражать я не стал" ("Завтра". 1997, №15).

Как бы ни неистовствовала "демократическая" пропаганда, Великая Отечественная война навсегда останется в истории нашей страны одной из самых ярких страниц, свидетельствующих о величии духа, героизме, стойкости советского народа. На скрижалях истории человечества навсегда запечатлен факт эпохального значения -- советский народ и его Вооруженные Силы вынесли на своих плечах основную тяжесть второй мировой войны и внесли решающий вклад в разгром фашистской Германии и ее союзников, в освобождение народов Европы и Азии от фашистского ига. В этой титанической, победоносной борьбе нашего народа должны найти достойное отражение дела и свершения Верховного Главнокомандующего Великой войны.

В ряде случаев свидетельство врага немало значит для оценки деятельности лидера, враждебного им по самой своей сущности. В США недавно был рассекречен доклад "Возможные последствия смерти Сталина и прихода Маленкова к власти в СССР". Он был составлен высшими инстанциями ЦРУ. К его подготовке были привлечены разведывательные управления государственного департамента,

сухопутных войск, военно-морских сил, военно-воздущных сил и Объединенного комитета начальников штабов. Доклад предназначался для самого узкого круга руководящих лиц страны. В нем отмечалось: "Смерть Сталина устранила человека, который стал полубогом. Для многих людей в СССР он был человеком из стали, который превратил Россию в промышленную и военную державу, который отразил германское нашествие и который привел народы СССР к величайшей военной победе в российской истории ... Было бы неосторожно высказывать предположение, будто новый советский режим будет обладать сталинским искусством избегать большой войны ... На протяжении некоторого времени ни один из преемников Сталина не будет в состоянии достичь сопоставимого статуса или сопоставимого значения в качестве символа международного коммунистического движения ..." ("Военно-исторический журнал". 1997, №1, с.32, 33).

Как далека эта оценка противника от клеветы и поношений Сталина со стороны иных наших "демократических" авторов.

К деятельности Сталина по управлению великой страной, успешному решению задач по созиданию ее экономической и военной мощи, монолитной целостности многонационального государства, руководству вооруженной борьбой в величайшей из войн необходимо относиться со всей ответственностью и серьезностью. Этот опыт, многие его существенные стороны, должен быть творчески востребован сегодня для решения задач по выводу страны из глубочайшего экономического и социально-политического кризиса.

Жизненно необходимо защитить и отстоять драгоценные черты этого опыта от травли "демократов". Развязанная ими тотальная психологическая война против сталинского периода истории нашей страны не случайна. Опыт того времени указывает путь к возрождению страны, освобождению народа от эксплуатации дикого капитализма.

Опыт деятельности Сталина -- это опыт создания новой цивилизации, альтернативной Западу, опыт создания великой сверхдержавы. Это опыт великих свершений в условиях международной изоляции и постоянной военной угрозы, в условиях острого дефицита исторического времени, материальных ресурсов, недостатка кадров. Это опыт Победы в Великой Отечественной войне с гитлеровским фашизмом и его союзниками, японским милитаризмом. Дискредитация этого колоссального опыта, пренебрежение им преступно по отношению к настоящему и будущему нашего народа, нашей страны.

Прав публицист В.Нилов, когда пишет: "Переоценка советского режима и роли Сталина настоятельно диктуется жутким настоящим -- потерей статуса второй сверхдержавы мира, развалом тысячелетней империи, развалом экономики, умирающей наукой, многомиллионной безработицей, вытравлением национального сознания из народа, разваленной и голодающей армией, на которую отпускают из бюджета мизерные средства ...

Только сейчас, на фоне того, во что Россия превращена, становится ясным, что совершила страна во главе со Сталиным, только сейчас мы можем оценить в полной мере подвиг, совершенный им!" ("Завтра". 1998, №13).

Иосиф Виссарионович Сталин был великим мыслителем, политиком, государственным деятелем, полководцем, Он боролся за честь и независимость своей страны, своего народа. Он смотрел далеко вперед, направлял ход событий, предвидел последствия принимаемых решений. И никогда, ни при каких обстоятельствах не любил почивать на лаврах, не позволял это делать и другим.

ОТ АВТОРОВ

С начала Великой Отечественной Войны 1941-1945 годов минуло почти шесть десятилетий, но она не стала далекой историей.

За эти годы -- во второй половине XX столетия -- произошло немало исторических событий, оказавших огромное воздействие на развитие нашей страны и всего мира. Однако не будет преувеличением, если сказать, что многие из них стали следствием Победы Советского Союза и антигитлеровской коалиции, результатом разгрома германского и итальянского фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии. Вместе с тем глубокие социально-политические потрясения в Советском Союзе -- России и кардинальное изменение соотношения мировых сил делают особо необходимым вновь и вновь возвращаться к свершениям и опыту Великой Отечественной войны, судьбе ее выдающихся деятелей, подвигу народа и его Красной Армии.

О Великой Отечественной войне Советского Союза написано огромное количество монографий и статей. Это и свидетельства ее непосредственных участников -- солдат и матросов, офицеров и военачальников, партизан, тружеников тыла. Это и труды историков, политиков, экономистов, философов, политологов, психологов и многих других специалистов общественных наук. Это и проникновенные романы и повести, стихотворения и народные песни, документальные и художественные кино- и телефильмы, произведения живописи и скульптуры о незабываемом героическом и трагическом времени борьбы с самым ненавистным и самым страшным врагом нашей Родины, нашего народа, а по существу -- с врагом всего человечества. Это и мемуары политических лидеров и военных деятелей того времени. Это и многочисленные отечественные и зарубежные документальные исторические свидетельства. Во всех них запечатлен ход и исход великой битвы народов нашей страны и мира против гитлеровского фашизма и его пособников, готовившихся отбросить человечество в эпоху варварства и рабства.

Наряду с этими могущественными силами развернута яростная кампания по фальсификации истории, направленная на лишение нашего народа его великого прошлого, дегероизацию прожитого и пережитого. В фокусе этих усилий находятся события советского периода, история Великой Отечественной войны 1941-1945 годов и второй мировой войны в целом.

Книга "Полководец Сталин" посвящена одному из самых фальсифицируемых и по разным причинам мало исследованных вопросов, а именно -- деятельности и роли И.В.Сталина в годы Великой Отечественной войны. Есть сборник "И.Сталин. О Великой Отечественной Войне Советского Союза", вышедший пятью изданиями. Есть отдельные высказывания в мемуарах военачальников и других участников войны. Есть сравнительно большой массив, к сожалению, недостаточно изученных документов. Но до сих пор нет специальных исследований или достоверных работ по данной теме.

К началу Великой Отечественной войны Иосифу Виссарионовичу Сталину шел 62-й год. Он занимал пост Генерального секретаря Центрального Комитета ВКП(б), члена Политбюро ЦК ВКП(б), а с мая 1941 года одновременно и пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. На второй день войны, 23 июня, И.В.Сталин фактически возглавил Ставку Главного Командования, а 30 июня по совместному решению Президиума Верховного Совета СССР, Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР образованный чрезвычайный орган военного времени -- Государственный Комитет Обороны (ГКО). С 10 июля 1941 года стал руководить Ставкой Верховного Главнокомандования, с 19 июля -- народным комиссариатом обороны СССР, а уже 8 августа был назначен Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Советского Союза. Как того и требовала всенародная Отечественная война против гитлеровского фашизма, в руках И.В.Сталина была сосредоточена вся полнота государственной, партийной и военной власти.

В переломном 1943 году И.В.Сталину было присвоено воинское звание маршала Советского Союза, а в год Победы в Великой Отечественной войне, в 1945 году, -- звание генералиссимуса. История распорядилась так, что его деятельность в 1941-1945 годах сыграла исключительную роль в Великой Отечественной войне Советского Союза против фашистской Германии и ее союзников, против японских милитаристов и в целом во второй мировой войне.

В настоящей работе рассказывается о том, что довелось сделать этому человеку в годы Великой Отечественной войны, как его деятельность была связана с подвигом всего советского народа и его Красной Армии, функционированием Коммунистической партии и советского правительства, как она отразилась на судьбе нашей страны и на ходе всемирной истории.

Надеемся, что книга представит интерес для массового читателя.

Мы искренне благодарны нашим друзьям -- историкам и участникам Великой Отечественной войны за поддержку идеи написания этой книги и высказанные полезные советы при подготовке рукописи к печати. Благодарим за помощь в работе над книгой наших жен -- Татьяну Павловну и Валентину Павловну. Общая редакция книги и составление указателя имен осуществлены В.В.Суходеевым.

Б.Г.Соловьев, В.В.Суходеев

БИБЛИОГРАФИЯ

Александров Г. Враг будет разбит, М., 1942.

Аллилуев В.Ф. Хроника одной семьи: Аллилуевы -- Сталин, М., 1995.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу, М., 1990.

Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны (22 июня -- середина июля 1941). М., 1998.

Астафьев В.П. Прокляты и убиты. М., 1994.

Байбаков Н.К. От Сталина к Ельцину. М., 1998.

Баграмян И.Х. Великого народа сыновья. М., 1984.

Баграмян И.Х. Так шли мы к Победе. М., 1977.

Белади Т., Краус Т. Сталин. Пер. с венгр. М., 1989.

Белов М.И. Полководческий феномен Жукова. М., 1998.

Булганин Н.А. Сталин и советские Вооруженные Силы. М., 1949.

Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание. Тт.1-2, Смоленск, 1994.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1973.

Верт А. Россия в войне 1941-1945. М., 1967.

Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. В 2-х кн. М., 1990.

Воробьев В.Ф. И.В.Сталин -- организатор побед на фронтах гражданской войны. М., 1949.

Ворошилов К.Е. Сталин и Вооруженные Силы СССР. М., 1980.

Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984.

Гальдер Ф. Военный дневник. Т.3. Кн.1. М., 1971.

Гареев М.А. Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства. М.--Уфа, 1996.

Геббельс И. Дневники 1945 г. Последние записи. Смоленск, 1993.

Генкина Э.Б. Приезд товарища Сталина в Царицын (в 1918 году). Сталинград, 1937.

Гланту Д., Хаус Дж. Когда столкнулись титаны. Как Красная Армия остановила Гитлера. США. 1995.

Грабин В. Оружие победы. М., 1967.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т.1, М., 1973.

Джилас М. Разговоры со Сталиным. Франкфурт/М., 1970.

Живая память. Ветераны войны и труда: верность Отечеству. М., 1997.

Жилин П. Как фашистская Германия подготовила нападение на Советский Союз. М., 1965.

Жилин П. О войне и военной истории. М., 1984.

Жомини А. Очерки военного искусства. Тт.1-2. М., 1939.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Тт.1-3. М., 1990.

Жухрай В.М. Просчет Адольфа Гитлера: Новое о И.В.Сталине. М., 1995.

Жухрай В.М. Сталин: правда и ложь. М., 1996.

Земсков И.Н. Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982.

Зимняя война 1939-1940. Кн.1. Политическая история. Кн.2. И.В.Сталин и финская кампания. М., 1998.

Иосиф Сталин в объятиях семьи. М., 1993.

Иссерсон Г.С. Новые формы борьбы. Опыт исследования современных войн. М., 1940.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т.5. Кн.1. М., 1970.

История внешней политики СССР. 1945-1980. Т.2. М., 1981.

История второй мировой войны. 1939-1945. Тт.1-12. М., 1976-1982.

Какая же она, правда о Сталине? М., 1998.

Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

Клаузевиц К. О войне. Т.1. М., 1941.

Клаузевиц К. Основы стратегического решения. М., 1924.

Конев И.С. Записки командующего фронтом. 1943-1945. М., 1981.

Конев И.С. Сорок пятый. М., 1966.

Корнейчук А.Е. Фронт. М., 1943.

Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1966.

Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976.

Майский И.М. Воспоминания советского посла. Война 1939-1943. М., 1965.

Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988.

Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1968.

Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Иной Жуков. Неюбилейные страницы биографии сталинского маршала. М., 1996.

Михалков С. Я был советским писателем. М., 1992.

Мухин Ю., Катынский детектив. М., 1995.

Мухин Ю. Путешествие из демократии в дерьмократию и дорога обратно. М., 1993.

Новиков А.А. В небе Ленинграда. М., 1970.

Ортенберг Д. Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995.

Освободительная миссия советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. М., 1971.

Памяти павших. Великая Отечественная война 1941-1945. М., 1995.

Патон Е.О. Воспоминания. М., 1958.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Тт.1-2. М., 1957.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.

Полководцы. М., 1995.

Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1979.

Похлебкин В.В. Великий псевдоним. М., 1996.

50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968.

Радзинский Э.С. Сталин. М., 1997.

Ржешевский О.А. Война и дипломатия. Документы, комментарии (1941-1942). М., 1997.

Роковые решения. Пер. с англ. М., 1958.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1968.

Ротмистров П.А. Время и танки. М., 1972.

Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947.

Рыбин А.Т. Сталин предвидел. М., 1992.

Самсонов А.М. Сталинградская битва. М., 1968.

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Пер. с англ. М., 1995.

Семенов С.Н., Кардашов В.И. Иосиф Сталин: жизнь и наследие. М., 1997.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939-1941. М., 1992.

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М., 1934.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М., 1988.

Смирнов С.С. Маршал Жуков. М., 1989.

Совершенно секретно! Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967.

Соловьев Б.Г. Битва на Курской дуге. М., 1983.

СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933-1945. М., 1976.

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950.

Сталин И. Сочинения. Т.14. М., 1997.

Сталин И. Сочинения. Т.15. М., 1997.

Сталин И. Сочинения. Т.16. М., 1997.

Суворов В.А. (Резун). Ледокол. Кто начал вторую мировую войну? М., 1994.

Суворов В.А. (Резун). Последняя республика (Почему Советский Союз проиграл вторую мировую войну). М., 1995.

Судоплатов П. Раведка и Кремль. М., 1997.

Тегеран. Ялта. Потсдам. Сб. документов. М., 1970.

Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956.

Толстой А.Н. Хлеб. М., 1937.

Толстой А.Н. Иван Грозный. М., 1946.

Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1997.

Trotsky L. Stalin. N.-Y., 1946.

Устинов Д.Ф. Во имя Победы. Записки наркома вооружения. М., 1988.

Ustinov P. Russia. Boston-Toronto, 1983.

Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1951.

Феклисов А.С. За океаном и на острове. Записки разведчика. М., 1994.

Фостер У. История трех Интернационалов. М., 1959.

Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. "Известия ЦК КПСС". М., 1989, №3.

Черчилль У. Вторая мировая война. Тт.1-4. М., 1955.

Чуев Ф.И. Солдаты Империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

Чуев Ф. Так говорил Каганович. М., 1992.

Шабалов А.А. Одиннадцатый удар товарища Сталина. Ростов-на-Дону, 1996.

Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды, М., 1974.

Шахурин А.И. Крылья победы. М., 1983.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Тт.1-2. М., 1958.

Ширер У. Взлет и падение третьего рейха. Тт.1-2. М., 1991.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн.1-2. М., 1975.

Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу: Военные мемуары, пер. с англ. М., 1980.

Яковлев А.С. Цель жизни. М., 1967.

Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1984.